РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

"НАУКА"
МОСКВА–1999

СОДЕРЖАНИЕ

В.Л. Янин, А.А. Зализняк (Москва). Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. 3
Т.Е. Янко (Москва). О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) 28
Р.З. Мурясов (Уфа). Лексико-грамматические разряды в грамматике и словообразовании 56
Б.Л. Иомдин (Москва). Семантика глаголов иррационального понимания 71
Т.А. Сумникова (Москва). О формах именительного падежа местоимения 1-го лица единственного числа в древнерусском языке и письменности 91
Г.И. Берестнев (Калининград). Иконичность *ДОБРА* и *ЗЛА* 99
Г.М. Зельдович (Харьков). Наречия *ЕДВА* и *ЕЛЕ*: возвращаясь к теме 114
М.А. Шелякин (Тарту). Об инвариантном значении и функциях сослагательного наклонения в русском языке 124

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

В.Г. Демьянов (Москва). *S. Mengel.* Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11–17. Jahrhunderts 137
В.И. Макаров (Елец). *М.С. Крутова.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности 141
М.М. Маковский (Москва). *Р.К. Потапова.* Коннотативная паралингвистика 144

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 151

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский (отв. секретарь), *А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (зам. главного редактора), *Ю.В. Откупщиков, В.М. Солнцев, О.Н. Трубачев* (главный редактор), *А.М. Щербак*

Зав. отделами *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул.Волхонка, 18/2
Институт русского языка им. В.В. Виноградова,
редакция журнала "Вопросы языкознания"

Тел. 201-25-16

© Российская академия наук
Отделение литературы и языка РАН, 1999 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1999

© 1999 г. В. Л. ЯНИН, А. А. ЗАЛИЗНЯК

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 1998 г.

Все новгородские берестяные грамоты этого сезона найдены на XII Троицком раскопе (руководитель А. Н. Сорокин) в слоях XII века. Грамоты № 826, 843, 860, 878, 897 найдены на усадьбе С, прочие — на усадьбе Е (кроме № 882 — см. ниже особо).

В документах 2–4 четв. XII в., найденных на усадьбе Е и отчасти также на соседних с ней усадьбах, целый ряд персонажей выступает по нескольку раз. Важнейшие из них таковы.

Чаще всех встречается Петр, иначе Петрок (что Петр и Петрок — это одно и то же лицо, вытекает, в частности, из сравнения писем № 821, 870 и 885). Грамота № 872 адресована князю и Петроку; она яснее всего свидетельствует о высоком социальном ранге Петра (Петрока) и его связи с княжеской администрацией. Петру адресованы также грамоты № 850, 877, 889 (вероятно, еще 899), двум лицам — Петру и Якше — № 821, 870, 885, а также 812. С другой стороны, Петр является автором грамот № 550, 604, 794, 849, 891 (написанных, впрочем, разными почерками, из чего видно, что Петр имел обыкновение диктовать свои письма). Наконец, он просто упоминается в № 835 и, возможно, еще в № 839 и 854. Из перечисленных 17 грамот 15 найдены на усадьбе Е, две (№ 550 и 604) — на соседних усадьбах. С хронологической точки зрения все они укладываются в интервал примерно с 1130-х по 1170-е годы.

С Петром тесно связан Якша; целый ряд писем адресован им обоим (см. выше), причем Якша всегда называется вторым. Возможно, он же фигурирует в грамоте № 890 под именем Якова. Он мог быть также автором письма № 877. Отметим, кроме того, что на усадьбе Р в 1997 г. была найдена деревянная чаша с владельческой надписью [*А*]*къшина Ѡрини*(*на*).

Несколько раз в грамотах усадьбы Е встречается имя Марена. Марене адресовано письмо № 794 (от Петра) и, вероятно, также № 825. Это же лицо фигурирует в грамотах № 798 и 849. Хотя формально имена такой структуры могут быть как женскими, так и мужскими, накопившийся к настоящему времени материал позволяет предполагать, что в данном случае речь идет о женщине.

Еще одна видная фигура — Борис. На усадьбе Е найдены два письма, адресованные ему (№ 581 и 819), и еще одно, в котором он упоминается (№ 806). Борис фигурирует также в грамоте № 671 (усадьба Г), где перечислены, как предполагается, хозяева группы усадеб Людина конца — участники соседской братчины.

В грамотах, найденных на усадьбе Е, встретилась также целая серия имен с начальным *Жиро-* (*Жир-*), из которых если не все, то хотя бы некоторые, вероятно, принадлежали одному и тому же лицу. В грамоте № 573 (а также в № 657 с соседней усадьбы Г) фигурирует Жирослав, в № 851 — Жирочка. Автор грамоты № 879 — Жирята, грамоты № 824 — Жирко. Наконец, в № 806 упомянут человек, от чьего имени сохранилось только *Жи...*

В ряде грамот, найденных на усадьбе Е, фигурирует Завид: ему адресованы письма № 644 и 824 (возможно, также 803), он является автором письма № 798 и упомянут в № 818. Кроме того, Завиду адресована грамота № 665, найденная на соседней усадьбе З.

Неоднократно встречается имя Дмитр. Это имя носит автор грамоты № 846, он же упоминается в № 839. Вероятно, он же является адресатом грамоты № 735 (усадьба И) и одним из двух авторов грамоты № 776 (усадьба Р).

В трех грамотах, найденных на усадьбе Е, фигурирует Илька. Из № 793 явствует, что он был Полюдовым старостой, т. е. старостой в деревне, принадлежащей Полюду. № 842 — это памятная записка от дьяка и от Ильки о том, какие продукты отправлены из деревни в город. С Илькой связано также письмо № 834.

Мелкие фрагменты (кроме представляющих по той или иной причине особый интерес) в настоящую предварительную публикацию не включены.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

№ 809 (предварит. стратигр. 3 четв. XII в.)

Внутренняя сторона (вероятно, основное письмо)

... | пьвели нѣкъмоу ѿ оу[цинать] ...
жемєцюженѣ окынъ бьше стрѣ[лъкы] ...
и кланаю ти са

Внешняя сторона (вероятно, приписка)

а полостєцю крени цєръноу а к[роу]...
ошєє же а цєто истєрлєшь а оу [па](т)[ьлѣ](а) ...
вѣверицѣ

Во второй строке внутренней стороны допустимы прочтения *стрѣ*[*лъкъ*] и *стрѣ*[*лъкы*]; по контексту предпочтительно второе. В первой строке внешней стороны *к*[*роу*] — это, по-видимому, начало от *кроуживⱬмь*⟩ или *кроуживы*.

Перевод: '... прикажи кому-нибудь, чтобы сделали ... (какие-то украшения) жемчужные наподобие стрелок ... И кланяюсь тебе'. Приписка: 'Да купи черную полстку (т. е. коврик, кошму), да кру[жевами] ... обшей. А что потратишь, то у Пятелея ... (может быть: получишь обратно) деньги'.

Отметим употребление орфограммы ѿ в качестве эквивалента для *оть* (или *оти*): ѿ *оу*[*цинать*] 'пусть сделают'; ср. ѿ *поидемъ* (= *оть поидемъ*) в Синод. НПЛ, под 1204 г. (л. 68).

Словоформа *истерлєшь* — самый ранний во всем корпусе берестяных грамот пример утраты конечного *и* в окончании 2 ед. презенса *-ши*.

За написанием *окынъ* явно стоит слово *оконо*, известное доныне только из "Вопрошания Кирикова" (где оно встретилось в двух не очень прозрачных контекстах) и не имеющее до сих пор общепризнанного толкования. В частности, в Слов. XI–XVII [12: 336] для слова *оконо* со знаком вопроса предлагается перевод 'наконец, окончательно', основанный, очевидно, на том предположении, что *оконо* содержит корень *кон-*. Но морфологическая структура слова в целом оказывается в этом случае практически необъяснимой.

Текст грамоты № 809 позволяет предложить для этого слова простую как в морфологическом, так и в семантическом отношении интерпретацию: это *око* (собственно древнерусский вариант к *ако* 'как', 'что' и т. д., известный из Синод. НПЛ и берестяной грамоты № 581, см. [ДНД: 341]) плюс хорошо известная частица *но*, участвовавшая в формировании целого ряда сложных союзов (поздне-др.-русск. *ано*, *ино*, *ажьно*, *атьно*, *ньльно* и др.). Прямым эквивалентом слова *оконо* (с точностью до мены *о*/*а*) является отме-

ченное в ц.-слав. тексте *аконо* 'как будто', 'quasi'; см. [Срезн., I: 12, СДРЯ, I: 78]. Значение 'как будто', 'как бы' приемлемо и для *оконо* в "Вопрошании Кирикове".

В грамоте № 809 модальное значение слова ⟨*оконо*⟩ 'как будто' усилено словом ⟨*бышь*⟩ — совершенно так же, как в современном *как будто бы*. Автор желает, чтобы ему изготовили какие-то жемчужные украшения, "как будто бы стрелки", т. е. имеющие вид стрелок. Словоформа ⟨*бышь*⟩ должна интерпретироваться здесь как *бышѧ* (3 мн.), которое уже утратило конечную гласную, — подобно *истерѧешь* из *истерѧеши* в этой же грамоте. Ср. *бышь* из *бышѧ* (2 раза) в грамоте рижан ок. 1300 г. [Напьерский: № 49], также в Ипат. (*а бышь*, л. 172), *възлшь* из *възлшѧ* в Синод. НПЛ (л. 71 об. и 99). Отметим, что в грамоте рижан встретилось *какъ то бышь* 'с тем чтобы', близко сходное по структуре с *оконо бышь*: *аже бы ты люди казнилъ, какъ то бышь инии людье боѩлисѧ, кто лихую думу подъдаваеть*.

№ 810 (предварит. стратигр. сер. — 3 четв. XII в.)

... | ... кадь · дови осмини (и четв)=
ьртиноу а п сорокоу ризано · на тои[л]иричи | ...

В *п сорокоу* пропущено *о* после *п*.

Грамота содержит самое раннее во всем корпусе берестяных грамот надежное свидетельство перехода *ѣ* в *и* — примеры *ризано* 'резан', *дови* 'две', *осмини*. Из этих примеров особенно важен первый, поскольку он показывает, что данный переход был возможен в эту раннюю эпоху даже в положении перед твердой согласной.

№ 812 (предварит. стратигр. 2 пол. XII в.)

...[о]у и ко акоше не дають вирьних=
... во[дада]ть а то ти дова моу|...

Судя по грамотам № 821, 870 и 885, первым адресатом этой грамоты был Петр (Петрок).

На границе строк 1 и 2 можно предполагать *вирьних*|⟨*о коуно*⟩, строк 2 и 3 — *дова моу*|⟨*жѧ*⟩.

№ 818 (предварит. стратигр. 3 четв. XII в.)

оу пьсоковынѣ ·є҃· коунъ и гривь=
на · оу фимѣ є҃· коунъ · оу завида
·є҃· гривынъ · въ тоулѣ ·д҃· гривь=
нѣ серебра · а се даю въхо братоу

Перевод: 'У Песковны 5 кун и гривна. У Фимы 5 кун. У Завида 5 гривен. В кубышке (в тайнике) 4 гривны серебра. Всё это я даю брату'.

Это черновик завещания. Фима — возможно, то же лицо, что Офимья, адресат грамоты № 657.

Въ тоулѣ означает 'в укромном (тайном) месте'. Перед нами слово *тулъ* (ср. др.-русск. *тулъ* 'колчан') или *тула* (ср. у Даля [IV: 441] *тулá* сарат. 'скрытное, недоступное место, затулье, притулье, для защиты, приюта'); оба связаны с *тулити* 'укрывать, скры-

вать, прятать'. Если исходной формой было *тулъ*, то мыслимы две возможности: а) деньги на черный день в самом деле могли иногда прятать в пустой колчан — он подходит для этой цели примерно в той же степени, что и сакраментальный чулок нашего времени; б) слово *тулъ* имело также и более общее значение — того же типа, что у отмеченного Далем диалектного *тулá*.

Как и в ряде других грамот, найденных в 1998 г., в № 818 выступает диалектное др.-новг. *въхо* 'всё'.

№ 819 (предварит. стратигр. 2 пол. XII в.)

ѿ борате къ борисꙋ : емли за свои о-
трокъ колико ти годьно : правъ ти есть
сълі же на съводъ къ селаномъ : правъ
ти есть : и соуилъ есмь : и тѣ же ·в҃· гри-
вьне на свататѣ възьми

Перевод: 'От Боряты к Борису. Доверяй своему отроку собирать сколько угодно [денег]: он прав. Шли же [его] на свод к селянам: он прав — я [это] расследовал. А те же две гривны возьми со Сватяты'. Вероятно, Борисов отрок был обвинен в том, что он присвоил какие-то две гривны из податей, собранных для Бориса.

Имати за сѧ означает 'брать в свое распоряжение', 'брать к себе', см. [ДНД: 144]. Соответственно, *имати за свои отрокъ* означает здесь 'брать (с кого-то), передавая в распоряжение своего отрока', иначе говоря, брать через посредство отрока, т. е. доверяя ему эту операцию.

№ 820 (предварит. стратигр. 3 четв. XII в.)

(...) ...мале ю
пропєрєдъ мъною аѵи то ти почьне
п[ь]нати несми вѣрѣ соу[л]и[лє] - - (-)
годьно (...)

Последняя строка после слова *годьно* срезана; вполне вероятно, что этим словом грамота заканчивалась.

Предположительный перевод: '... ее передо мною. Если же начнет тянуть [время], то ведь я не давал клятвенного обещания [делать то, что тебе (*или*: ей)] угодно'.

Для глагола *пьнати* Срезн. [II: 1760] указывает значение 'растягивать, расставлять' (о сетях); ср. в СРНГ [27: 178]: *пнать время* 'проводить время попусту, бездельничая' Волог., Яросл.; также *пнать* (знач. 4) 'жить бедно, перебиваться' Моск., 'кое-как доживать свой век' Волог.

Представляет большой интерес словоформа *вѣрѣ*, для которой, судя по контексту, следует предполагать то же значение, что для выражения *въ вѣрѣ* 'под клятвой', 'клятвенно', впервые обнаруженном в берестяной грамоте № 724 (1160-е гг.), см. [ДНД: 299]. Предположение о том, что в грамоте № 820 *вѣрѣ* — это упрощенное написание вместо *ввѣрѣ*, крайне маловероятно: во всех прочих случаях редуцированные в грамоте полностью сохранены (*мъною, почьне, пьнати, годьно*). Таким образом, если не прибегать к версии о прямой ошибке (пропуске графического слога), здесь следует видеть беспредложный М. ед. *вѣрѣ*; ср. *зимѣ* 'зимой', *веснѣ* 'весной', *одиномь мѣстѣ* 'вместе' и т. п. Вероятно, беспредложное *вѣрѣ* поддерживалось также существованием близкого по смы-

слу беспредложного *ротѣ* — в выражениях *ходити ротѣ*, *заходити ротѣ*, *ити ротѣ* и др. (правда, у *ротѣ* здесь первично грамматическое значение Д. ед.; но в силу омонимии Д. ед. и М. ед. словоформы *ротѣ* и *вѣрѣ* всё же оказывались параллельными).

Написание *попередъ* может быть простой опиской вместо *попередъ* (с предвосхищением *р*) или особым сложным предлогом, лишь сходным с *попередъ*. Что касается управления Т. падежом, ср. *Поперед окошком поют* Киров. [СРНГ, 29 : 303].

№ 821 (предварит. стратигр. 3 четв. XII в.)

отъ нѣгъла къ петръкоу и къ акъши съналле зе-
млоу на ·є·: лѣтъ а нынѣ въкоупьникѣ пришь
и съгонилѣ и соуди староста и неслоує

Перевод: 'От Негла к Петроку и Якше. Взял в совместную аренду землю на 5 лет, а теперь соарендаторы пришли и согнали. Пусть же судит староста и (?) Неслуй'.

Отметим, что при *съналле* нет местоимения-подлежащего, а при *съгонилѣ* — местоимения-дополнения. Очевидно, подразумеваются либо 'я', 'меня', либо 'он', 'его' (последнее в том случае, если Негл пишет не сам и писец называет его в третьем лице). Вторая версия вполне реальна, особенно если учесть, что письмо № 867, исходящее от Негла и Говена, написано другим почерком.

Словосочетание *староста и Неслоує*, к сожалению, двусмысленно: это может быть либо 'староста и Неслуй', либо просто 'староста Неслуй' — если *и* здесь не союз, а частица с отождествительным значением, как в примерах типа *Володимерь и Мономахъ* (Ипат., под 1201 г., л. 245), *Володимеру и Манамаху* ("Слово о погибели Русской земли"), *Андрѣи же и король* 'король же Андрей' (Ипат., под 1205 г., л. 246 об.) и т. п.

Имя *Нѣгълъ* (образованное от широко представленного в антропонимах корня *нѣг-* с помощью адъективного суффикса *-ъл-/-ьл-*, ср. *свѣтьлъ* от *свѣт-*) встретилось также в надписи на стене новгородского Софийского собора ([Медынцева 1978: № 164], 2 пол. XI — 1 пол. XII в.): *Нѣгълъ пс*. Ввиду уникальности имени представляется вполне вероятным тождество персонажей.

Грамота написана по одноеровой системе, ср. *пъ*, *шъ* в *въкоупъникѣ*, *пришъ*. Это самый поздний из известных ныне древнерусских документов с такой особенностью.

Представляет интерес написание *землоу* (с *оу* вместо *ю*). Подобные написания, отмечавшиеся в небольшом количестве и ранее, встречаются в находках 1998 года неоднократно, ср. *лоубо* 'любо' 824 (возможно, также в 827), *лоудье* 870, *лоуди* 876, *за Полоуда* 'за Полюда' 878, *испралоу* 'исправлю, расплачусь' 855, *промышлаѧ* 893. См. об этой проблеме [ДНД: 64 (§ 2.44)].

Отметим окончание *-ѣ* в И. мн. муж. *въкоупъникѣ* и в перфекте *съгонилѣ*. Пример *съгонилѣ* — самое раннее надежное свидетельство проникновения этой морфологической инновации в формы перфекта. Оно почти на сто лет старше самых ранних примеров этого рода, известных доныне. (Ср. также менее надежное ...*стилѣ* в № 851).

Не встречающееся в других источниках слово *въкупьникъ* — производное от *въкупити*, *въкупитисѧ*. Ср. Слов. XVIII [3: 188]: *вкупи́ться* 'вступить в какое-л. общество, артель и т. п., уплатив денежный взнос'; также у Даля [I: 212]: *вкупа́ться*, *вкупи́ться* 'вносом денег получить права временного пользования угодьями, барышами от оборотов и пр.'.

Не решенную до сих пор проблему составляет слово *прищ⟨ь⟩*, которое в данном тексте, по-видимому, эквивалентно словоформе *пришьдъше*. Помимо настоящей грамоты,

оно встретилось в № 675 (*пришь Соужьдалоу* 'придя в Суздаль') и в Житии Феодосия (Усп. сб., 26г: *и азъ пришь быхъ съ лихвою истязалъ к* — цитата из Матф. XXV.27, Лук. XIX.23; во всех древних списках евангелия на месте этого *пришь* стоит *пришьдъ*). Гипотеза о простой описке (пропуске слога) при наличии трех одинаковых примеров неприемлема. Гипотеза об отпадении конечного *дъ* наталкивается на то обстоятельство, что в грамоте № 821 исходным должно было быть не *пришьдъ*, а *пришьдъше*. Не исключено, что мы имеем здесь дело с каким-то доныне неизвестным древним производным от наречия-преверба *при*.

Отметим еще, что в берестяной грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого содержится не объясненное до сих пор слово *прижь*, по смыслу, вероятно, сравнительно близкое к рассматриваемому здесь *пришь* (*а ѹ коняза поема отроко прижь приедю*; см. [ДНД: 291–292]).

№ 824 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

+ ѿ жиръка къ завидоу се въсъ[л]а[л]е заха=
(рьа) ... ...
в[ъсп]иши грамотоу къ мьнѣ [л]оубо [л]и а са=
(ме) ... ...=
в[ь]р[ь]ти тобою а промысли о томъ :

Размеры утрат между сохранившимися строками неизвестны; они могли быть и больше, чем здесь показано.

Жирко сообщает Завиду о том, что Захарья прислал какую-то грамоту (или человека) — возможно, с каким-то требованием. В связи с этим Завид должен либо дать Жирку письменный ответ, либо сам к нему приехать. После лакуны читается заключительная фраза: 'Так позаботься же об этом'.

Заметим, что как дата грамоты, так и ее содержание допускает возможность того, что упоминаемый в ней Захарья — это посадник, занимавший данную должность в 1161–1167 гг.

№ 825 (предварит. стратигр. сер. — 3 четв. XII в.)

покланани ѿ тоудорока ко м[ар]е--
ше[д]... (| ...)

В *покланани* недописано конечное *е*.

Можно предполагать, что в тексте стояло *ко Маренѣ* (или *ко Марене*): Марена фигурирует в грамотах № 794, 798 и 849, найденных на этой же усадьбе (см. выше, в начале статьи).

№ 829 (предварит. стратигр. сер. — 3 четв. XII в.)

(... |) ... (во бо)=
рзѣхо ити [т]и ми к[ы]е[в]ѹ [б]ра[ть сот]вори жь
ми добро а азо ти са отоплаѹ а и чѣлѹю
та

Перевод: '... спешно: мне ведь ехать в Киев. Брат, сделай же милость, а я уж тебе отплачу. Приветствую тебя'. Очевидно, автор просил брата что-то ему спешно прислать (например, денег или дорожное снаряжение).

Отнесение слов *во борзѣхо* к *ити* ('вскоре мне [предстоит] ехать ...') менее вероятно: в этом случае по крайней мере частица *ти* должна была бы переместиться в позицию после *во борзѣхо*.

№ 831 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

Внутренняя сторона

ѿтъ коузьмє и отъ дєти єго къ рагоуилови ко старьшоуѣ[о](у) ------- (ко)[р](ъ)=
воу тобє во полоуторь [гривь](нє) ---------- [и сирє] а то гривьною кри=
(лъ єсмь и) [дьс]а[ть сиг]ово и пол[ъ]ть во дьсать коуно а попови твоємоу коръвоу во
[гривь]ноу а троке тво[є у]истило єсмь и даалъ дары а сь єси поалъ оу мьнє
роубоу и паръбоко во сьми гривьно а дроугоую робоу во довоу гривьноу да бласлo=
ви та бого а сь на ма уєто воздираєши и на моє дєти кото ли на ма тажоу дь=
єт[ь] ---------- [та бъ] пострьчьть оужь на ма и на моє дєти а во то єси
----------[и] дова отрока а а съ дьтьми то къ----------
-- [к]оуно дош[ь]-[ъ] писк-(-)[п]оу во дворо ---------т-к...

Внешняя сторона

... ... отъ по...
боудьть да то тоу боудоу ото нхо посадь[ник]о(у) [с]о[пи]...
ото вєсьхо шьсть а ни а тобє коєажанино ни а то[бь] скоу[дь]тина
а и горъзно ми [бє]шь тоу[ж](ьно) тъгда да надо вь=
сьмь та блaсловило а ты спє=
пане пьрьлєсаво на хароти=
тию посъли жь ...

Это одна из самых больших ныне известных берестяных грамот.

Судя по количеству свободного места под левой частью последней строки внутренней стороны, других строк здесь уже скорее всего не было. На внешней стороне после слов *посъли жь* строка могла продолжаться еще примерно на десять букв (и не исключено, что имелась также еще одна строка, но совсем коротенькая).

Место отрезка ... *отъ по*..., приведенного выше в составе первой строки оборота, устанавливается не вполне надежно: не исключено, что он принадлежит не первой, а второй строке.

Перевод: 'От Кузьмы и от его детей к Рагуилу старшему. [Я дал (?) коро]ву тебе ценой в полторы гривны; ... [и] сыры — это я купил за гривну; да десять сигов и полоть в десять кун. Да попу твоему корову ценой в гривну. И отроков твоих я очищал от долгов и давал [им] дары. И вот [еще] ты забрал у меня рабыню и юношу-раба [совокупной] ценой в семь гривен и другую рабыню ценой в две гривны. Но [это] — благослови тебя Бог. А вот зачем ты придираешься ко мне и к моим детям? Если кто-то ведет со мной тяжбу ... (далее шла фраза, скорее всего вставная, оканчивавшаяся формулой типа 'упаси тебя Бог') — он уже подстрекает [тебя] против меня и моих детей, и из-за этого ты ... [наслал на меня (?)] двух отроков. А я с детьми ...' После лакуны в 3–4 слова: '... денег. Пойдя к епископу во двор ...' Формула 'благослови тебя Бог' здесь означает примерно то же, что современное *Бог с тобой* (или народное *Бог тебе навстречу*), т. е. 'Этого я тебе в укор не ставлю (прощаю)'.

Текст, сохранившийся на обороте, отделен от предшествующего текста значительной лакуной. В лакуне, по-видимому, речь шла о какой-то категории людей, платящих некую подать посаднику. Можно понять: '... будет. Но ведь я тут буду от них посаднику ... (может быть, что-то собирать или доставлять) от всех шесть. А я тебе не кобяжанин, я тебе не "скудятина" (т. е. нищий, убогий)! И очень мне было горько тогда — однако же невзирая на всё я тебя благословил'. После этого автор обращается уже не к Рагуилу, а к другому лицу: 'А ты, Степан, переписав на пергамен, пошли ...' (нужно полагать, что далее было указано, что именно и кому). Очевидно, речь идет о том, чтобы переписать некий документ с бересты на пергамен (после чего его можно будет использовать в официальных целях).

Остается пока невыясненным, кто были те презренные кобяжане, приравнивание к которым Кузьма считает для себя оскорблением. Бранное слово *скудѧтина* образовано по той же модели, что современные разговорные и диалектные *дохлѧ́тина*, *мерзлѧ́тина*, *серѧ́тина*, *подлѧ́тина*, *грубѧ́тина* и др. (все они могут относиться и к человеку).

В грамоте имеется несколько описок: предвосхищение *оу* в *роубоу* (вместо *робоу*), предвосхищение *п* в *Спепане* (вместо *Степане*), повторение слога при переходе со строки на строку в *хароти|тию*, пропуск *и* в *ото нхо* (вместо *ото нихо*; впрочем, здесь в утраченной верхней части строки могло быть и надписанное *и*).

Не исключено, что в тексте стояло не *чистило есмь*, а *очистило есмь*; не *скоудьтина*, а *скоудѧтина*; не *посадьникоу* (Д. ед.), а *посадьнико* (И. ед.).

Грамота в целом ориентирована на нормы стандартного древнерусского языка. Особенно показательны в этом отношении словоформы *вьсьмь* ⟨*вьсѣмь*⟩, *весьхо* ⟨*вьсѣхъ*⟩. Представляет большой интерес употребление имперфекта *бешь* ⟨*бѣше*⟩. Новгородское происхождение писавшего обнаруживается лишь в немногих точках — прежде всего в Р. ед. *ѿтъ Коузьме*, В. мн. *троке* (из *отрокѣ*) и *сире*.

В этом отношении представляет особый интерес Д. ед. *старьшоум*[*о*](*у*) — с ожидаемым для древненовгородского диалекта из системных соображений, но еще ни разу не встречавшимся в берестяных грамотах окончанием *-уму*. Поскольку в стандартном древнерусском в это время уже было обычным окончание *-ому/-ему*, окончание *-уму* в настоящей грамоте следует расценивать как новгородизм.

Отметим утрату начального *о* после гласной в *а троке* (из *а отрокѣ*); это самый ранний пример такого рода в берестяных грамотах.

№ 833 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

... | ... (коу)не и гривьна оу ...
... (коу)не оу медовеника десѧть коуно
...[ж]анина поло десѧте коуне

№ 834 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

+ се илько пок[л](епали т)и ма · а въходить ма погосте ротѣ
а не виноватє єсьмъ · ни вѣк(ъ)шею · а пос[ъ]ли отрокъ
на погостъ · (п)[єр]є[дъ кы](ль боуде)[ш]и въд[а]ле

Поврежденная первая фраза восстанавливается сравнительно надежно. Она означает: 'Вот, Илька, меня обвинили' (*Илько* — Зв. ед. от *Илька*). Не назвавший себя автор обра-

щается к лицу, известному из грамот № 793 ([*оу*] *И*[*ль*]*кѣ оу Полюжа старостѣ*) и № 842 (*ѿ дьлка и ѿ Илькѣ*). Другой вариант реконструкции — с *пок*[*л*](*епале*) вместо *пок*[*л*](*епали*) и переводом 'Вот Илько меня обвинил' — маловероятен. Такое прочтение предполагает присутствие в тексте имени *Илько*, но при исходном имени *а*-склонения (*Ильꙗ*) такое производное для Новгорода ненормально; необычно для Новгорода также окончание И. ед. *-о*; наконец, для энклитик *ти мѧ* при таком строении фразы более естественной была бы позиция после *Илько*.

Во второй фразе основную трудность составляет сочетание *въходить мѧ*, где *въходити* беспрецедентным образом выступает как переходный глагол. Учитывая явную связь выражения *въходити ротѣ* с хорошо известным *ходити ротѣ* 'приносить роту (клятву)', для фразы в целом можно предполагать, в частности, значение 'А погост заставляет меня принести роту' (если допустить, что *въходить* в данном контексте каким-то образом получило значение, близкое к 'вводит') или 'А погост приносит роту, направленную против меня' (если трактовать *въходить мѧ* как эквивалент для *ходить въ мѧ*).

Далее (с учетом наиболее вероятной конъектуры для поврежденного отрезка): 'А я не должен ни векши. Пошли же на погост того отрока, перед которым ты отдал (*или*: отдашь)'. *Боудеши въдале* (а не просто *еси въдале*) показывает, что автор не знает, состоялась ли уже эта отдача. Что именно было отдано и кому, не сказано: Ильке это и так было ясно. По-видимому, автор доставил Ильке с погоста некую сумму, которую Илька должен был в дальнейшем передать получателю (или в казну).

№ 835 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

...| (к)ъ иваноу то ти за петръмъ п[ол]ъ |...

Между *за* и *Петръмъ* несколько букв зачеркнуто.

№ 839 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

...ръкоу ты же о=
...(съ)[л]алъ дъмитръ грамотоу
...(към)ѧзю а ѿ дѣла отъгъци=
... (гра)мотоу и покланаю ти сѧ

В первой строке *...ръкоу* — это, по-видимому, конец либо от *Петръкоу*, либо от *отръкоу* (более вероятно первое). В третьей строке *отъгъци* — скорее всего описка вместо *отѧгъци* (предвосхищение ъ). А. А. Гиппиус предложил следующую правдоподобную реконструкцию общего смысла грамоты: '... Петроку. Ты же, если пришлет (*или*: окажется, что прислал) Дмитр грамоту ... князю, то, ради Бога, потрудись (букв.: отяготи себя), [напиши мне (об этом)] грамоту. Кланяюсь тебе'. Для предполагаемого *отѧгъчитисѧ* 'взять на себя труд, бремя' ср. у Лескова ("Воительница"): *Что ж, говорю, — чтоб много ее словами не конфузить, — я, — говорю, — о т я г о щ у с ь, похлопочу, но только уже и ты ж, смотри, сделай милость, не капризничай* (см. [ССРЛЯ, 8:1727], статья *отягоща́ться/отяготи́ться*, знач. 2 (разг.) 'принимать на себя обременительные, тягостные заботы').

Едва ли (*Пет*)*ръкоу* — это конец адресной формулы; судя по словам *ты же*, более вероятна фраза типа 'я отдал (*или*: отдам) такую-то сумму Петроку' или типа 'я послал

весть Петроку'. В начале третьей строки могло стоять, в частности, какое-то уточнение к предшествующему слову *грамотоу* (например, 'о том-то').

№ 842 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

+ ѿ дьака и ѿ илькѣ се посълаховѣ лоукъмъ ·҃ѕ҃· на ·і҃· а ма-
сла ·г҃· молоствѣ а середѣ ·в҃· свиньи хрьбьта ·в҃· а ·г҃· зайцѣ
и тетеревѣ · и кълъбасоу а кона ·в҃· и сторова

Перевод: 'От дьяка и от Ильки. Вот мы [двое] послали 16 лукон (очевидно, меда), а масла три горшка. А в среду две свиньи, два хребта (видимо, хребтовая часть туши), да три зайца и тетеревов и колбасу, да два коня, причем здоровых'.

Большой интерес представляет употребление аориста — *посълаховѣ* (1 дв.). Он употреблен здесь в сугубо деловом контексте.

Отметим беспредложный М. ед. *середѣ* 'в среду', а также окончание В. мн. муж. *-ѣ*, выступающее как в *зайцѣ* (после мягкой основы), так и в *молоствѣ*, *тетеревѣ* (после твердой; в грамоте отразился вариант *тетеревъ*, а не вариант *i*-склонения *тетеревь*, как в ряде других источников, см. [Фасмер, IV: 52]).

В лексическом отношении интересны слова *кълъбаса* и *молоствъ* 'горшок для молока, масла'. Как и во многих других случаях, мы имеем здесь дело с древнейшими фиксациями соответствующих слов во всем славянском мире (ср. [ЭССЯ, 13: 178; 18: 96]); грамота № 842 демонстрирует их нам в безукоризненном раннедревнерусском облике — с ълъ в первом, с *ств* во втором. Как и в ряде других грамот, найденных в 1998 г., в № 842 выступает диалектное др.-новг. *сторовъ* 'здоров'.

№ 844 (предварит. стратигр. сер.—3 четв. XII в.). Почерк—тот же, что в № 885.

(...) (отъ и)[м]оволожанъ [къ] ...
... [п]окладено о[ть] не буд[єть] | ...

№ 846 (предварит. стратигр. 2 четв. — сер. XII в.)

ѿ дъмитра мольба къ [п]...
попытаі съчєтъкѣ слоужь[б]...
и коубицѣ въдаі съ къни...

В *попытаї* слог *ты* вписан над строкой. В *въдаї* слог *да* вписан над строкой; кроме того, ъ переправлен из *о*.

Слова *съч⟨ь⟩тъка* и *кубица* в других источниках не засвидетельствованы. Первое может, в частности, означать род описи, реестра (тогда *съчьтъка слоужьбьнаѧ* — это опись книг, потребных для церковной службы). Другое возможное толкование — 'сборник избранных церковных чтений' (типа миней). Слово *кубица*, судя по контексту, скорее всего означает вместилище — в данном случае для книг (короб, сундучок, ларец).

Предположительный перевод: 'Просьба от Дмитра к ... (возможно, попу или епископу). Справься по служебной описи (*другой вариант*: Поищи сборник служебных чтений) и выдай ларцы с книгами'. В любом случае речь явно идет о том, чтобы получить книги для церковной службы.

№ 847 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

Срединный фрагмент

... | [при]...
дворъ шьдъ наради жо ...
...[ов]ѣ [сор]оубѣ єд[и]--- | ...

Другой срединный фрагмент

...|дъ по[ѣди] ...
ними пьвозъ · а бы[хъ] ...
...ни молодога а ...
... за то | ...

Порядок следования фрагментов неизвестен.
Представляет интерес словоформа *молодога* (Р. ед.) 'солода'; ср. ниже, № 863.

№ 849 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

цѣлъвь ѿ петра къ дьмъшѣ дои микоулѣ кышькѣ гривьнъ ·г· възьма оу
марєнѣ · самъ же привед-(-) єго дои же передъ марєною · ци ти арько въ=
[сп]роситъ а томоу не дои · и цѣлоую та добрѣ же створа испрови же сам[ъ]

Во второй строке отрезок между *привед* и *єго* поврежден. Число букв в лакуне не вполне ясно. Сохранившиеся элементы этих букв не поддаются надежной интерпретации; возможны, в частности, конъектуры: *привед(а) єго*; *привед(а ѻ)єго*; *привед(оу) єго*.

Перевод: 'Приветствие от Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Марены. Приведя (*или*: приведу) его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам'.

Никогда ранее не встречавшееся начальное *цѣлъвь* (В. ед. от ц.-слав. *цѣлы* 'исцеление', 'спасение') точно соответствует латинскому *salutem* в классической эпистолярной формуле — по значению, грамматической форме и эллиптической конструкции без глагола.

№ 850 (предварит. стратигр. 2 четв. — сер. XII в.; реально ок. 1148 г.)

Внутренняя сторона

поклананьє ѿ бърьза и отъ поутєши и отъ въхоѣ дроужи=
нѣ къ петрькоу сє єси въдалє землю н[а](ѩмъ) --------
в[о] и свато(тъ)(лъ)къ а нынѣ п... | ...

Внешняя сторона

...|го б]оудє [в]ъ тобѣ оправ[ь] и ны бг҃а дѣла али о=
---------- поуть а жадѣ[н]оу въда[ѣ] (-)є |...

Во второй строке внутренней стороны в *єси* между *е* и *с* зачеркнута буква *н*. На внешней стороне часть букв читается с большим трудом и не вполне надежно; в частности, вместо [*в*]ъ *тобѣ*, возможно, следует читать [*к*]ъ *тобѣ*, а вместо *оправ*[ь] — *оправ*[ъ]. Под конечным *о* в *али о=* подписано маленькое *а*.

Перевод: 'Поклон от Борза, Путьши и всей дружины Петроку. Вот ты дал нам землю ... (далее упомянут князь Святополк); а теперь ...' (вероятно, следовало сообщение о том, что некто пытается эту землю отнять). Из обрывков фраз на обороте можно понять, что авторы просят Петрока подтвердить их права. К сожалению, из-за лакуны в конце второй строки внутренней стороны остается неясной роль Святополка в этом конфликте. В частности, можно предположить, что, давая дружине землю, Петрок действовал от имени Святополка или Святополк эту раздачу земли каким-то образом санкционировал.

Святополк княжил в Новгороде в 1142–1148 гг., пока он не был выведен *злобы его ради*, как сказано в НПЛ (л. 25 об.). Действующий князь всегда именуется в берестяных грамотах просто князем, без имени. Поскольку Святополк назван здесь по имени, следует полагать, что грамота написана уже после его изгнания — скорее всего в ближайшее время после этого события, когда в связи со сменой князя появились новые претенденты на землю. Таким образом, грамота № 850 получает весьма узкую датировку — 1148 г. или немногим позже.

№ 851 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

... | ...стилѣ оу жиръ[ц]кѣ ви-
... (т)ри надеса гривнѣ бє
...на скъта оу гъвъшѣ
... [гр]ивнѣ а кънязы
... [д]ати вєдєтє гъ-
... [т]єбє къ дроужинѣ
...[к]инъмъ къ вараж-
... и цѣ)[л]оую та

В конце второй строки автор вначале написал *бь*, затем зачеркнул *ь* и надписал взамен него *е*. В предпоследней строке вместо ...[*к*]*инъмъ* можно читать также ...[*ж*]*инъмъ*.

Расположение складок в дошедшей до нас части берестяного свитка позволяет приблизительно оценить размер утраченной левой части: 9–11 букв в первых трех строках, 12–14 букв в последующих пяти.

В первой строке ...*стилѣ* может быть, в частности, концом словоформы *ѿпоустилѣ* 'простили' (кому-то долг) или словоформы типа *Гостилѣ*. На *ви* (конец первой строки) начиналось, судя по контексту, наименование какой-то подати или выплаты, например, *вирьныхъ коунъ* (ср. грамоту № 812). Стоящее в конце второй строки *бе* могло быть началом словосочетания типа *бес коунѣ*. На ...*на скъта* могло оканчиваться словосочетание типа *Ивана скъта*. В написании *кънязы* конечное *ы* — скорее всего описка; но из-за отсутствия контекста неясно, вместо какого обычного окончания (*ь*?, *ю*?, *и*?) стоит это *ы*. На ...*кинъмъ* или ...*жинъмъ* могло оканчиваться, по-видимому, только притяжательное прилагательное типа *Мирошькинъмъ*, *Лоукинъмъ*, *госпожинъмъ*. Далее, очевидно, стояло *къ варѧжьскымъ* или *къ варѧжьскоумоу*, например, *къ варѧжьскоумоу гости*.

Попытка реконструкции общего смысла грамоты (с конъектурами разной степени надежности): '... У Жирочки [вирных денег (?)] тринадцать гривен [без куны (?)]. [Чьих-то (например, Ивановых, немчиновых)] денег у Говши [столько-то] гривен. А князь [повелел такому-то], чтобы он вел Го[вшу (?) на свод (?) от] тебя к дружине [и (далее) с отроком (?)] ...киным (например, Лукиным) — к варяжским [купцам (?)]. Приветствую тебя'.

Гипокористическое имя *Говъша* — скорее всего от *Говѣнъ*. Вполне возможно, таким образом, что здесь выступает то же лицо, что в грамоте № 867.

№ 852 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

Внешняя сторона

... | ...дасть же [а т]ое
не дано а в[ъ]хо мое н[ѣдр]о ѿ-[ман]о а [т]ако же
... ц[ет]о ...

Внутренняя сторона

...|мь а боуде сторовъ кнѧзь дать да о васъ
промыслимъ

На внешней стороне текст в значительной мере изгладился. Чтение его крайне затруднено и не всегда надежно.

Можно понять, что в первой части письма содержалась, в частности, жалоба на то, что автору не было дано чего-то полагавшегося или обещанного. Если слово *нѣдро* прочитано правильно, фраза *а в*[*ъ*]*хо мое н*[*ѣдр*]*о ѿ*-[*ман*]*о*, по-видимому, может означать, что у автора отнято что-то основное (или глубоко спрятанное). Заключительная фраза грамоты ясна: 'А если князь будет здоров и благополучен, то и о вас позаботимся'. Вероятно, это обещание отблагодарить адресата в случае, если он поможет автору в его нынешнем бедственном положении.

Не встречавшийся ранее сложный союз *дать да*, судя по контексту, означает приблизительно 'пусть же', 'пусть и'; ср. *дати* (*дать*) 'пусть'.

№ 853 (предварит. стратигр. 2 четв. — сер. XII в.). Почерк — тот же, что в № 893 и 898.

Внутренняя сторона

:+: ѿ мароть грам[от](а) ...
оу тебе ... (| ...)

Внешняя сторона

... городьшинее | ...

В слове *Городьшинее* конечное *е* зачеркнуто, однако над ним вновь надписано *е*.

Несмотря на ничтожные размеры фрагмента, он содержит чрезвычайно интересную информацию. Во-первых, имя автора — *Маръта* — имеет необычный фонетический состав: с *т*, а не *ф* (*ѳ*). Из имен с *т* (а не *ф*) на месте греч. *θ* в древней Руси (и в частности, в Новгороде) наиболее известно имя *Тудоръ* (*Тодоръ*). Известны также единичные примеры с *т* для имени Θωμᾶς; так, в смоленском договоре 1229 г. фигурирует *Тумашь смольнанинъ*. Но *Маръта* (вместо *Маръфа, Маръѳа*) встречается в древнерусских памятниках, по-видимому, впервые.

Во-вторых, запись *Городьшинее* подтверждает предположение, сделанное ранее [НГБ 1984–89: 34–35] по поводу имени *Городко*, которое встретилось в грамоте № 633, найденной в 1985 г. на соседней усадьбе Ж (у самой границы с усадьбой Е) в слоях 10-х — начала 40-х гг. XII вв. Фигурирующий в этой грамоте Городко был тогда предположительно отождествлен с Городшей, который косвенно упомянут в НПЛ в записи под 1197 г.: *въ то*ж *лѣ*т *постави манастырь ст҃ыѩ Еоуѳимиѧ въ Плотьнїкихъ Полюжаѩ Городьшиницѧ Жирошькина дъци* (т. е. дочь Жирошки, вдова Полюда Городшинича). Судя по этой дате, основное время деятельности Полюда Городшинича приходится на вторую полови-

ну XII в., а его отца Городши — примерно на середину XII в. Ныне в грамоте № 853 имя Городши встретилось уже в том же самом варианте, что в летописи.

Из-за отсутствия контекста неясно, упоминает ли Марта самого Городшу или его жену (которая именовалась *Городьшинаѧ*). Вот некоторые из возможных членений: *Городьши не е...*; *Городьшине е..*; *Городьшинее.*

№ 854 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

Внутренняя сторона

...єн...
...[тръ]къ и лъ---а о-- (п)⸗
ривєзѹть събѣ пъръма дрѹ[гѣ]
гѹрьгєви : из ъръмицє ка въсп(и)ши
ми грамьтицю о свъємъ стъ[р](ъ)вь⸗
є и о дѣтьхъ а ловь[ц]а н--то

Внешняя сторона

---и въ ловитвахъ [о]-- [п]--[вє]⸗
зѹть собѣ сотєпѹть ---н-(-) [гри]⸗
вьнѣ забыли єсмє гюрьгєви ---
и вєзи собѣ -ъ-ми а в[ы] во клѣти в---- (|...)

Во второй строке внутренней стороны ...[*тръ*]*къ* — это, по-видимому, конец либо от *Петръкъ*, либо от *отръкъ*. В отрезке *Лъ---а* (это явно имя) 3-я буква — *п* или *к*, 4-я — ъ или *ѣ*, 5-я — *т* или *г*.

На внешней стороне текст в значительной мере изглажен. Чтение его крайне затруднено и не всегда надежно. Вероятно, ниже сохранившихся четырех строк имелась еще одна строка, но в ней могло быть не более 10 букв.

В начале грамоты можно понять: '... [такие-то] ... привезут себе "парома", другие — Гургию (Гюргию). Из деревни (букв.: с пахоты или с пахотного поля) напиши-ка мне в ответ грамотку о своем здоровье и о детях'. Слово *поромъ* означает как средство речной переправы, так и плату за такую переправу; ср. *порома 18 коуно* в грамоте № 349. По-видимому, в грамоте № 854 речь идет о перевозном промысле, доходы с которого (получаемые скорее в натуральной, чем в денежной форме) частично поступают феодалу.

К сожалению, дальнейший текст читается слишком отрывочно, чтобы можно было предложить для него сколько-нибудь цельный перевод.

Оромица — не засвидетельствованный ранее вариант к *орамица* (также *ораница*) 'пашня, пахотное поле', 'пахота, время пахоты' (см. [Срезн.; Слов. XI–XVII; Даль]). Ср. *оро́мая земля* — 'пахотная' [Даль, II: 689], как вариант к *ора́мая земля* [Срезн.; СРНГ, 23: 327 (Арх.)].

№ 855 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

(...) ... н[ы]нє
[въ горъ]дъ но нє лєго ѿ дьа : а доубь выбить
а нєжатиници отроки били шьсть :і:хъ а доу⸗
жєбоу а испралоу :і:мъ

В *ѿ дьа* (вместо *ѿ дьака*) недописан слог. Отметим I десятеричное с двоеточиями вместо точек.

Перевод: '... [следовало бы ехать] ныне в город, но не позволяет дьяк. А выбит зуб. Нежатиничевы отроки били их шестерых. А [что касается денег на] лечение, то я выплачу им'. Нежатинич — сын Нежаты, видного боярина Людина конца, фигурирующего в пяти берестяных грамотах конца XI — 1 трети XII в. (№ 586, 635, 644, 742, 892; три из них — с усадьбы Е).

Испралоу (из *исправлю*) — самое раннее свидетельство перехода *в'л'* > *л'*. Относительно *лоу* (вместо *лю*) см. выше, № 821. Написание *дьа*(*ка*), по-видимому, отражает произношение [д'еака], без йотации; ср. *диаку* в грамоте № 739.

Не л⟨*ь*⟩*го* — 'не позволено', 'нельзя'. Здесь выступает И. ед. сред. от **lьgъ* 'легкий' (без суффикса *-ъk-*); ср. польск. диал. *lgi* 'мягкий, легкий', *lgo* 'мягко, не холодно, оттепель', см. ЭССЯ [17: 69], статья **lьgъjь*. Хорошо известны соответствующие формы с *-а*, в частности, *нелга* 'нельзя' в Синод. НПЛ, под 1128 г. (л. 12 об.), *nilga* 'нельзя' у Фенне (368, 374), соврем. диал. *нельга́* 'нельзя' Арх., Пск., Смол., Зап., Брян., Орл. [СРНГ, 21: 74]; также без отрицания — см. ЭССЯ [17: 64], статья **lьga*. Но с конечным *-о* из вост.-слав. свидетельств можно указать лишь *nilgo* 'нельзя' (Фенне, 434), которое до сих пор казалось всего лишь ошибкой записи у Фенне, — как выяснилось после находки грамоты № 855, несправедливо.

Не л⟨*ь*⟩*го ѿ дьа*(*ка*) — 'не позволено дьяком' (букв.: 'со стороны дьяка'); ср. *От пана нам ниякой льги нетути* Смол. ([СРНГ, 17: 230], статья *льга*).

Что касается записи *зоубь выбить*, то графическая система грамоты в принципе допускает ее истолкование и как ⟨*зоубе выбите*⟩ 'выбит зуб', и как ⟨*зоубѣ выбитѣ*⟩ 'выбиты зубы'. Однако словоформы *отроки*, *Нежѧтиници*, *били* показывают, что в идиолекте автора И. мн. муж. имел старое окончание *-и*, а не новое окончание *-ѣ*. Отсюда выбор интерпретации 'выбит зуб'.

Нигде не засвидетельствованное слово *дужьба*, очевидно, означало 'выздоровление, излечение'. Ср. русск. диал. *ду́жий* 'сильный, крепкий, дюжий' [СРНГ, 8: 302], укр. *ду́жий* 'сильный, мощный, здоровый', др.-русск. *недугъ* 'нездоровье, болезнь'; далее **dužiti* 'делать сильным, здоровым' (см. [ЭССЯ, 5: 167]), ср. еще укр. *ду́жчати* 'выздоравливать' [Гринченко, 1: 454].

Особо отметим словосочетание *Н*⟨*ѣ*⟩*жѧтини*⟨*ч*⟩*и отроки* 'отроки (младшие дружинники, вооруженные слуги) Нежатинича (менее вероятно — Нежатиничей)', где выступает притяжательное прилагательное *Нѣжѧтиничь* 'Нежатиничев', основа которого совпадает с основой исходного существительного. В отличие от ряда других примеров подобного рода, здесь синтаксическая конструкция идентифицируется однозначно. В самом деле, толкование 'отроки Нежатиничи' в данном случае исключается: из материала берестяных грамот Троицкого раскопа ясно, что Нежатиничами в это время в этом месте могли называть только детей боярина Нежаты, но отнюдь не "отроков" (не говоря уже о том, что "отроки" почти никогда не называются в древнерусских источниках по имени, при них может быть указано [в притяжательной форме] только имя их хозяина, например, *ѡтроци Свѣньлъжи* в ПВЛ, под 945 г.). Обозначение человека одним лишь отчеством, без имени, встречается в берестяных грамотах многократно, например: Гюргевич (№ 119), Несдич (№ 238), Рахович (№ 863), Розвадич (№ 877), Песковна (№ 818).

№ 862 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

... | гривьнѣ не въдаси ли а посълю на та |...

№ 863 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

... | д[ѣв]... ... д[ѣ]жѣ о-
вьс[а] --------[ал пь]шениц[ѣ] · оу хотьшѣ оу воина-
тѣ · оу нѣжика · оу хотѣна · по дѣжѣ молодога · а
съ городьна дъвѣ дѣжѣ молодога · а оу нѣжизна
и оу тотова дъвѣ ^жѣ молодога · а оу раховица дъ-
вѣ дѣжѣ молодога

В четвертой строке между *дъвѣ* и *дѣжѣ* была еще одна буква (попавшая на сучок), — вероятно, зачеркнутая (но, может быть, и просто брошенная). Ныне это место выкрошилось. Для лакуны во второй строке правдоподобна конъектура [*и*] (*кадь мал*)[*ал пь*]*шениц*[*ѣ*].

В грамоте представлено (4 раза) редкое слово *молодогъ* 'солод'.

Все имена — дохристианские. Особо отметим не встречавшиеся ранее производные от широко представленного в антропонимах корня *нѣг-/нѣж-*: *Нѣжикъ*, *Нѣжизнъ*. Последнее со словообразовательной точки зрения принадлежит к той же категории, что прилагательные *болѣзнъ*, *любьзнъ*.

№ 866 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

... | ----[ро]--(-) [кру]ж[ив]- бол[ъ]шии по осми гривъ-
въно круживо мьнешеє шъстъ гри-
вън[о] (... | ...)

Вторая строка заметно не доходит до правого края. В третьей строке после *вън*[*о*] проходит обрыв. Вполне возможно, что словами *шъстъ гри*|*въно* грамота заканчивалась.

В первой строке после [*ро*] скорее всего стояло *д*, после [*кру*]*ж*[*ив*] — скорее всего *а*. При переходе с первой строки на вторую слог *въ* повторен.

Перед нами фрагмент списка товаров. Вполне понятна вторая фраза: 'кружево меньшее — шесть гривен'. Первая фраза из-за обрыва менее ясна. Словоформа *бол*[*ъ*]*шии*, по-видимому, относится не к непосредственно предшествующему [*кру*]*жи*[*в*]-, а к некоему существительному мужского рода (во множ. числе), стоявшему где-то левее. Если это верно, то фраза была построена примерно так: '[такие-то меры (скажем, тюки)] кружев большие — по восьми гривен'.

Графика грамоты № 866 аномальна: писец реализует (по крайней мере, частично) два разных принципа, которые в нормальном случае исключают друг друга, а именно, древний принцип одноерового письма и более новый принцип смешения ъ, ь с *о*, *е*. В результате диапазон графических замен оказывается ненормально широким. Так, на месте **ь* может быть написано ъ (*гривъно*, *тъ* в *шъстъ* и др.), ь (*мь* в *мьнешее*) и *е* (*не* в *мьнешее*); в силу наложения двух смешений (*е* с ь и ь с ъ) **е* в **шесть* оказывается записано как ъ (*шъстъ*). Эту непоследовательную графику можно рассматривать как продукт переходного периода в развитии бытового письма, когда происходила смена древнего графического принципа более новым.

№ 867 (предварит. стратигр. 2 четв. — сер. XII в.)

отъ н[ѣ]гола и ото говѣна ко дурьд[ь]в-...
[приш]-------- [въдаи хо]... (| ...)

Грамота написана на внешней стороне бересты. Береста почернела (от близости огня); буквы видны очень плохо.

После *Дурьд*[ь]*в* виден краешек следующей буквы. Это скорее *е* или *о*, чем *и* (т. е. более вероятно, что в грамоте стояло *ко Дурьдьвеи* или *ко Дурьдьвои*, а не *ко Дурьдьви*; впрочем, нельзя исключать также Д. ед. *ко Дурьдьве*).

Негл — тот же, что в № 821 (см. выше). Говен — возможно, то же лицо, что Говша в № 851; об имени *Говѣнъ* см. [ДНД: 292]. *Дурьди* — вариант имени *Гюрьги* (*Гурьги*); ср. написания *Дюрди*, *Дюрги*, часто встречающиеся, в частности, в Ипат. (в Хлебниковском списке отмечено также и *Доурдѧ*, см. Ипат., разночтения к л. 160 об.).

№ 870 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

пъкланание отъ вьсѣхъ лоудьє къ петръ-
ви и къ акъшѣ се єсме слы[шали о]же грамѫтѣ | ...

Совершенно необычно обозначение авторов: "от всех людей". Возможно, грамота имеет отношение к тем же делам, которым посвящена грамота № 877 (где многократно упоминаются "люди"). В этом случае "все люди" — это все купцы, с которыми постоянно ведут дела Петр и Якша.

№ 872 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

[+] **ѿ ж[абьн]анъ къ кнѧзоу и къ петръкоу ако то єсмы выдали мѣзо...** | ...

Отметим *зоу* (а не *зю*) в *кнѧзоу*; ср. *кънѧзоу* в грамоте № 745. Интересна словоформа *есмы*, отличная от обычного для др.-новг. диалекта *есме*; вероятно, в этом проявился восточноновгородский говор писавшего грамоту жабнянина.

№ 876 (предварит. стратигр. 1 пол. XII в.)

(... |) ...-[ьз]-м[ь л]оу[ди а изъ а]жь[л]ъби|(ць) ...

В начале сохранившегося текста перед [*ьз*] стояло *л* или *д*, после [*ьз*] — *ь* или *е*.
Грамота содержит древнейшее упоминание Яжелбиц.

№ 877/572 (№ 877 предварит. стратигр. 2 четв. — сер. XII в.; № 572 имеет широкую и не очень точную стратигр. дату, поскольку грамота была найдена в траншее: посл. треть XII — 1 пол. XIII в.)

(ѿ) ----- (къ) [пєт]ръкоу вєлѣлъ ми єси оу розвадица въза[ти гр](ивъноу) ---(-) (с)а запирає | -- [а съ] тобою коупилъ дѣалъ то дикати людъє а за ними скотъ а а къ людъмъ х*о*[д]илъ | а лю[дъє] ----- (не въд)[ада] а славъмъ не ходи ротѣ ни ---------- [єс]и вєл[ѣл](ъ) [въда]|(ти) ... ... (въ)[зъм]и грамо(тоу) ... (| ...)

А. А. Гиппиус обнаружил, что фрагмент № 572 (найденный на 19 лет раньше на другом участке той же усадьбы Е) является частью грамоты № 877. Этот фрагмент включает конец первой строки *...а запирає* и конец второй строки *... людъмъ хо[д]илъ* (нижние части букв из этих двух слов видны и на грамоте № 877; интерпретация букв ъ и ь в № 572 несколько изменена по сравнению с изданием, см. об этом ниже).

Судя по длине лакуны, имя автора содержало около пяти букв. Вполне возможно, что это *Акъша*: тесные отношения Якши с Петром (Петроком) засвидетельствованы целым рядом грамот. Между *въза[ти гр](ивъноу)* и *(с)ѧ запирае* явно стоял какой-то противительный союз, например, *ано* (или *анъ*). В начале второй строки могло стоять только *ци* или *не*. В третьей строке после *а лю[дъе]* естественно предполагать *скота не въдадѧ*. Для следующей лакуны можно предложить (без особой уверенности) конъектуру *...къто же а цъто*.

Перевод (с конъектурами): 'От ... к Петроку. Ты мне велел взять у Розвадича гривну, [но] он запирается, [говоря]: "[Разве] я (*или*: [Не] я) совершал с тобой торговые операции! Это [делали] полудикие (?) (возможно, = кочевые) люди, за ними [и] деньги". А я к людям ходил, а люди [денег не] дают. А в Славне (?) не приносит роты ни[кто (?). А что касается того, что] ты велел дать ...' После разрыва: '... возьми грамоту (*или*: грамоты) ...'

О возможной связи этой грамоты с письмом "от всех людей" см. № 870.

Грамота написана по одноеровой системе. При этом, однако, интерпретация буквы, стоящей здесь на месте этимологических *ъ и *ь и условно переданной нами как ъ, в действительности неоднозначна. Эта буква имеет вид Ъ̀. Но в данном почерке у всех островерхих букв имеется покрытие (горизонтальный штрих вверху), поэтому такой же вид ожидался бы и для буквы ь. Иначе говоря, эту букву в принципе можно передавать и как ъ, и как ь.

Эта редкая графическая особенность вдобавок осложнена здесь тем, что в двух случаях такой ъ (= ь), по-видимому, стоит на месте ѣ̀. Во-первых, *коуплъ* (или *коупль*) — это скорее всего В. мн. ⟨*коуплѣ̀*⟩, а не Р. мн. ⟨*коупль*⟩, поскольку в данном контексте Р. падеж хотя и не исключен, но всё же гораздо менее вероятен, чем В. падеж. Во-вторых, *Славънъ* (или *Славьнь*) в данном контексте гораздо естественнее интерпретировать как ⟨*Славьнѣ̀*⟩ 'в Славне (Славенском конце Новгорода)', чем как ⟨*Славьнъ*⟩ — личное имя ('а Славен не приносит роты ...'). Таким образом, в обоих случаях чтение с ⟨*ѣ̀*⟩ хотя и не гарантировано, но всё же явно предпочтительно. Если чтения с ⟨*ѣ̀*⟩ верны, то перед нами случай совмещения принципа одноерового письма со смешением *ь* и *ѣ̀*, довольно похожий на то, что наблюдается в графике грамоты № 866 (см. выше).

Самая трудная фраза грамоты — *то дикати людъе*. Из различных мыслимых интерпретаций этой фразы (в т. ч. предполагающих иное словоделение) в настоящее время представляется предпочтительной та, при которой *дикати* трактуется как И. мн. муж. от незасвидетельствованного прилагательного *дикатыи* 'диковатый', 'полудикий'. Правда, прилагательные на *-ат-ый* почти всегда образуются от существительных (большей частью от названий частей тела): *рога́тый*, *брюха́тый*, *полоса́тый* и т. п. Но в говорах имеются всё же и некоторые производные от прилагательных: *сѣда́тый* 'седоватый' [Даль, с пометой "новг."], *зелена́тый* (о лесе — в частушке) Сарат. [СРНГ, 11: 246], *безмозга́тый* Петерб. [СРНГ, 2: 193], также *лыса́тый* 'лысый' Волог., Новг., Ленингр., Олон., Влад., 'с белым пятном на лбу (о животном)' Калин. [СРНГ, 17: 223], *пега́тый* 'пегий' Арх., Новг., Калин. [СРНГ, 25: 312] (у последних двух слов в деривации участвовали в качестве промежуточного звена субстантивированные **lysa*, **pěga* [ср. ЭССЯ, 17: 37, статьи **lysatъ(jь)* и **lysastъ(jь)*]; но с точки зрения нашей проблемы это мало что меняет).

Важно также наличие далеко идущего параллелизма между суффиксами *-ат-ый* и *-аст-ый*; ср. *зуба́тый* и *зуба́стый*, *носа́тый* и *носа́стый*, *морда́тый* и *морда́стый* и т. п. Аналогично: *лыса́тый* и *лыса́стый* [Даль], *пега́тый* и *пега́стый* (см. в [СРНГ, 25: 312] *пега́стенький* Новг.), *зелена́тый* и укр. *зелена́стий* 'зеленоватый' (которое входит здесь в длинный ряд — *біла́стий*, *червона́стий*, *сива́стий* и др.). Отметим еще зафиксированные в СРНГ отадъективные *люба́стый*, *мудра́стый*, *жирна́стый*. Ввиду такого параллелизма

существенным доводом в пользу реальности др.-русск. *дикатыи* оказывается наличие диалектного (забайкальского) *дикáстый* 'диковатый', 'неразумный' [Элиасов 1980: 101]; ср. еще словен. *divjast* 'нелюдимый', 'застенчивый' (от **divьj-*, синонимичного **dik-*).

Не исключено, что *дикати людьѥ* было одним из возможных обозначений для кочевников; ср. "вежников", упоминаемых в грамотах № 550 и 664.

№ 879 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

ѿ жирѧть поклонѧниѥ ко радѧть водѧи сємꙋ ѥжѥ рькло вьрьщютꙋ

Вопрос о том, сколько слов содержит отрезок **вьрьщютꙋ**, не вполне ясен.

Перевод: 'Поклон от Жиряты к Радяте. Выдай подателю сего то, о чем ты сказал Верещуту (*или*: Верещу тут)'.

Для имени *Верещь*, предполагаемого при одном из этих решений, находится точное старопольское соответствие — *Wrzeszcz* [SSPNO, VI: 214], с целым гнездом производных имен (*Wrzeszczek*, *Wrzeszczko*, *Wrzeszczyk* и др.). К варианту *Вереща* (или *Вереска*) восходит название города *Верещинъ* на Волыни, упоминаемого в Ипат. (под 1204 и 1213 гг., л. 246 об., 249 об.). Эти имена непосредственно связаны с *верещати* (ср. также польск. *wrzeszczeć* 'кричать, орать, вопить'). С семантической точки зрения ср. такие древнерусские имена, как *Рыкъ*, *Храпъ*, *Стукъ* и т. п. Некоторые сомнения вызывает, однако, уместность слова *тꙋ* 'тут', 'там', которое вычленяется в тексте при данном решении.

Имя *Верещютъ*, предполагаемое при другом решении, имеет тот же корень. Некоторая трудность связана здесь с тем, что суффикс *-ут-ъ* (из **-ǫt-*), первоначально причастный, соединяется только с основой глагола I спряжения (ср. *Могутъ*, *Ревутъ* и т. п.); тем самым *Верещютъ* не может рассматриваться как прямое производное от глагола *верещати* (презенс *верещить*).

Следует, кроме того, учитывать принципиальную возможность еще одного варианта словоделения: *рькло вьрь* (= ⟨*вѣрѣ*⟩) *Щютꙋ* 'сказал (обещал) под клятвой Щуту'. Беспредложное *вѣрѣ* в этом случае такое же, как в № 820. Основная трудность здесь в том, что, в отличие от имен с корнем *верещ-*, для имени *Щютъ* не находится этимологической и антропонимической поддержки.

№ 881 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

(... |) ...ъ волътыроу бо҃го сѧ боѧ идоу ...
...ми пощепавши грамотоу ... (| ...)

Бо҃го вместо *бо҃га* — описка (повторение гласной предшествующего слога).

Представляет значительный интерес имя *Валътыръ*. Это явно адаптация немецкого имени *Walter*. Адресату, по-видимому, предлагалось что-то выплатить (или вернуть) немцу Валтыру, "побоявшись Бога". Передача нем. *te* (где согласная не смягчена) через *ты* — такая же, как, например, в др.-р. *пансырь* из ср.-ниж.-нем. *panser*, др.-р. *пластырь* из ср.-верх.-нем. *pflaster* [Фасмер, III: 199, 274].

Не менее интересны слова *пощепавши грамотоу* во второй строке: автор прямо указывает адресату, что тот должен не забыть уничтожить это письмо, а именно, пощепать его (как лучину), т. е. разодрать вдоль волокон на много узеньких полосок-щепочек. Ста-

новится ясно, почему столь часто археологи находят именно такие щепочки, а не целые грамоты.

№ 882 (найдена в выбросе Троицкого раскопа; стратигр. даты нет; палеогр. XII в.)

на соли резана : на рыбахъ резана : на копю съ :д: ве=
кыше : на ро

Это недописанный документ, дошедший до нас в целости. Перевод: 'За соль резана. За рыб резана. На выплату (очевидно, наемному работнику) примерно четыре векши'. Вероятно, это смета расходов, составленная автором для себя самого.

Интересно слово *копа*, которое выступает здесь, судя по контексту, в значении 'плата', 'денежное вознаграждение', засвидетельствованном доныне только в Русской Правде (ст. 57 и 59).

№ 885 (предварит. стратигр. сер. XII в.). Почерк — тот же, что в № 844.

отъ имоволожанъ и отъ жаблянъ къ петру и къ а=
кыше шьли мы на мылевъ а и(в)[а]не [къ] намъ не [съ][...

Между *жаблянъ* и *къ Петру* стоит зачеркнутая буква *и*.

Перевод: 'От имоволожан и жаблян к Петру и Якше. Мы пошли на Млев, а Иван к нам не ...'

Термин *жабляне* (в грамоте № 872 *жабьняне*) означает жителей Жабенского погоста, расположенного восточнее северных плесов оз. Селигер, у южной границы Деревской пятины [НПК, I: 612–652]. Пункт *Мылевъ* или *Мылево* находится на правом берегу р. Мсты в 18 км от ее истока из оз. Мстино. В средневековье он был центром громадного погоста, который при организации пятин был разделен на три одноименных: его левобережная часть стала Млевским погостом Деревской пятины [НПК, I: 130–153], а правобережная — Млевским Егорьевским и Млевским Спасским погостами Бежецкой пятины [НПК, VI: 304–355, 567–606]. Термин *имоволожане* (в берестяных грамотах № 885 и 844; ср. также № 573) — обозначение жителей Имоволожского погоста, местоположение которого оставалось загадочным (его нет в писцовых и изгонных книгах), хотя о самом его существовании хорошо известно из докончаний Новгорода с великими князьями 1268, 1424, 1456 и 1471 гг. [ГВНП: №№ 3, 19, 22, 26] и из записи, которую оставил *бывый попинъ Илия* в сентябрьской-февральской Праздничной минее XII в. (РГАДА, ф. 381, № 131, л. 136 об.; СК, № 76).

Грамота № 885 позволяет локализовать этот топоним. Между Жабенским и Млевским погостами, согласно показанию писцовой книги, расположен Коломенский погост, заметной особенностью которого является наличие как бы двух центров: его западная часть тяготеет к сельцу Коломно на оз. Коломно, а восточная — к сельцу Березка на оз. *Имоложье* [НПК, I: 71–100]. Совместное упоминание всех трех топонимов в едином контексте берестяной грамоты не оставляет сомнений в том, что восточная часть Коломенского погоста прежде составляла особый Имоволожский погост.

Этот погост расположен в местности, контролирующей волок из Тверцы в Мсту, т. е. в наиболее ответственном пункте главного торгового пути из Новгорода в среднерусские земли. Указанное обстоятельство разъясняет смысл формулярного постановления новгородских докончаний, касающегося финансового обеспечения князя (*А на Имоволожскомъ*

погостѣ куны ти [князю] *имати*). Договор 1268 г. в той же позиции упоминает наряду с Имоволожским также Важанский погост, который находился в среднем течении р. Свирь, т. е. на главном пути из Новгорода в Заволочье и другие северные земли.

№ 886 (предварит. стратигр. 1 треть XII в.)

... (пєрє)|д[ъ] к[ъ]мѧз[ь](ѧ)[ь] о[б]ѧ[в](и)[в]...
ни бєз васъ али мѧ имѣє[т](є) ... (| ...)

№ 889 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

(...) (ѿ) дъбрилѣ · къ [пь]троу [· б](ога) дѣла
...[жь]... ...оу о про... (| ...)

№ 890 (предварит. стратигр. сер. XII в.)

... | [вьв]єр[иц]-------[бє] лони а того не бєрьгоу [а] ...
ка со дроужиною ала [а]ковоу повели ати приє[м]... | ...

Перевод (с конъектурами): '... [такие-то обязались платить (?)] деньги [тебе (?)] в прошлом году, а этого не соблюдают (букв.: пренебрегают). Так [пошли же (?)] ...ка (возможно, Петрока) с дружиной или же прикажи Якову, чтобы арестовал (?) ...' Яков — возможно, то же лицо, что Якша. Вероятно, письмо было адресовано князю.

№ 891 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

ѿ пєтра къ вълъдѣноу
кєтъ ти бъръже поидєть въ
гъръдъ к(ъ) тъмоу же пристави къ=
нє

Между *Петра* и *къ* одна буква зачеркнута.

Перевод: 'От Петра к Володену. Кто раньше всех поедет в город, тому придай коня (т. е. с тем отправь в город коня)'.

С точки зрения древненовгородской морфологии чрезвычайно важна словоформа *кетъ* ⟨*кето*⟩ 'кто', известная доныне по единственному примеру *кето* из сильно фрагментированной берестяной грамоты № 12 из Старой Руссы.

№ 892 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.)

грамота : отъ дьмъкы къ ньжатъ ...
єсмь : въклъчилъ : въ подъв...
ногатъ : по толику и от...
просатъ : а отъ покровь[ц]- ...
рьзан : съдоровъ (боуди)

Попытка реконструкции: 'Грамота от Демки к Нежате. [Такого-то товара (возможно, сена)] я набил в подв[ал на столько-то] ногат. По такой цене (т. е. из такого расчета) и от-[дай, если] спросят. А от покровов (?) [оточти (?) столько-то] резан. Будь здоров'.

Демка может быть тем же лицом, что Демша в № 849. О Нежате см. № 855.

Грамота не имеет никаких признаков древненовгородского диалекта.

№ 893 (предварит. стратигр. 2 четв. — сер. XII в.). Почерк — тот же, что в № 853 и 898. Частично сохранились четыре заключительные строки первоначального текста, к сожалению, с большими разрывами текста между строками.

Строка 1: (... |) ...є : пшьниць :в: осминє и] ...

Строка 2: самь абьно же : промьшлаѧ : въ домоу : рано : въстани : а поздо л[аги : а] ѧдо [ти : се н]...

Строка 3: ... [же ти : б]оу[д]оуть : и чьрєвиє : и въхо : аѵи ти нє боудьть : солили : соущ[а] -(---) [п]рисовєсть : [сълы]|(та)...

Строка 4: ...[б]є [д]ь[л]ѧ : али ти : [нє д]ьлаєта : а наєми : въ нѧ : наимито :

Длина лакуны между *соущ[а]* и *[п]рисовесть* (в строке 3) в точности неизвестна; предположительно она составляет от 1 до 4 букв.

Перевод (с конъектурами). Строка 1: '... пшеницы две осмины ...' Строка 2: '... [делай] сам. Если же ведаешь домом, то рано встань, а поздно ляг. А я это ...' Строка 3: '... [рыбу солите как] есть — и потроха, и всё. Если же не будете солить суща, [а где] случаем сведаете — испробовав, [купите] ...' Строка 4: '... ради; если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника'.

Это фрагмент литературного произведения — поучения об управлении домом, своего рода "Домостроя" XII века. Очевидно, оно состояло из слабо упорядоченных отдельных сентенций частью нравоучительного, частью конкретно-хозяйственного характера. Центральная фраза находит ближайшее соответствие в "Поучении" Владимира Мономаха (если отвлечься от его собственно военной стороны): *ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживаите; и ночь, ѿвсюду нарядивше ѡколо вои, то же лазите, а рано встанѣте* (Лавр., л. 80 об.). Ср. также прямое упоминание дома у Мономаха, причем, как и в № 893, в контексте требования, чтобы хозяин делал все необходимое сам: *са*[м] *творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то ꙗ творилъ е(с)мь* (л. 83).

Грамота имела в длину не менее 62 см (это самая длинная по размеру из имеющихся ныне берестяных грамот). Если первоначальная ширина листа была, скажем, около 20 см, то такой лист мог содержать порядка 800 слов. Разумеется, текст мог быть записан и на нескольких листах.

Грамота написана тем же почерком, что и письмо Марты (№ 853). Таким образом, либо Марта пользовалась при написании писем услугами третьего лица, либо это именно она переписала для себя поучение.

В корпусе берестяных грамот, если не считать грамот церковного и учебного характера, крайне мало таких, где записан не только что родившийся под пером автора текст, а уже готовое произведение. Это прежде всего заговоры (№ 521, 715, 734); к числу народно-литературных произведений можно отнести также школьную шутку (№ 46). К собственно литературным текстам относится только грамота № 10, которая содержит загадку, взятую из апокрифической литературы (причем это не берестяная грамота в обычном смысле слова, а надпись на ободке берестяной чашечки, т. е. запись, имеющая несколько особую функцию).

На этом фоне находка грамоты № 893 представляет собой подлинную сенсацию. Береста была в древней Руси элементом (и как бы символом) повседневного быта — в отличие от пергамена, принадлежавшего миру церкви и книжников. Грамота № 893 показала, что в этот "берестяной мир" могли входить и литературные произведения.

Следующий сюрприз, связанный с этой грамотой, состоит в том, что, вопреки естественному ожиданию, содержащийся в ней литературный текст оказался написан не на стандартном древнерусском языке (не говоря уже о церковнославянском), а на древненовгородском диалекте. Это видно из словоформ *въхо* 'всё', *самь* ⟨*саме*⟩ 'сам', *лаги* 'ляг'. Интересно также то, что текст записан не по книжной, а по бытовой системе, т. е. тем же способом, что и обычные письма.

Из лексических особенностей грамоты № 893 нужно прежде всего отметить нигде более не встречающееся слово *абьно*, которое, судя по контексту, означает 'если', 'когда', 'коль скоро'. Следует полагать, что *но* здесь — частица (та же, что в *ано*, *ино*, *оконо* и т. д., ср. выше, № 809), а часть *абь* родственна наречию *абик* (*абьк*) 'тотчас'. Сохранение начального *а* (без йотации) определяется здесь теми же причинами, что в союзах *а*, *аче*, *аже*, *ати* и т. п.

Написание [*п*]*рисовесть* следует интерпретировать как ⟨*присъвѣсте*⟩ — 2 мн. презенса от не засвидетельствованного другими источниками глагола *присъвѣдѣти*. Морфологическая структура и контекст позволяют предположить для него значение 'при случае узнать' (о подходящем товаре и т. п.). Ср. др.-русск. *съвѣдѣти* (и *съвѣдати*) 'знать, узнать'; также у Фенне (363): *s v e d a i e s ty takoff tovar vinich kuptzoff, y ty mnie besz vesti ne dirsi.* С другой стороны, ср. у Даля [III: 463]: *пріосвѣдомиться* (о чем) 'осведомиться при случае'. Приставка *при-* в составе *присъвѣдѣти* могла также привносить значение 'для себя', ср. *присмотрéть*, *приискáть*. При этом значения 'для себя' и 'при случае, попутно' вполне совместимы, ср., например: *гуляя по городу, присмотрел себе в витрине шляпу*, и т. п.

№ 896 (предварит. стратигр. 1 пол. XII в.)

(... |) ...єши кнѧзю
... ѧ ѧзъ ти |...

№ 897 (предварит. стратигр. 1 пол. XII в.)

... | на нь на ивана ѧ и выѣдаи[тє] ...
[ѧ]ѧ[с]т[ь з]ѧ (-)-----оу моласа (| ...)

№ 898 (предварит. стратигр. 2 четв. XII в.). Почерк — тот же, что в № 853 и 893.

(... |) ... [испь]савъ : и[с]...
...аи т[ѧ]... (| ...)

№ 899 (предварит. стратигр. 1 пол. XII в.)

...тръкоу : ижь то ход... (| ...)

Скорее всего ...*тръкоу* — это конец от *Петръкоу*.

№ 900 (предварит. стратигр. 2 четв. — сер. XII в.)

отъ гъбъницъ къ старостѣ прадаи хотъжъръ не можемъ его тицат(и) ...
- [въ сел]ѣ гривън- -та... (| ...)

Перевод: 'От гобничей (*или*: гибничей) к старосте. Наложи штраф на Хотьжера: не можем его терпеть ...'; после лакуны: '... в селе гривна ...'

Грамота написана по одноеровой системе. В *прадаи* написание *а* вместо *о* — очевидно, простое предвосхищение следующего *а*.

Письмо исходит от жителей села *Гъбьно*. По-видимому, это тот же населенный пункт, который в НПК [II: 500] называется *Гибно* (из ранне-др.-русск. *Гыбьно*). Вариантность *гъб-/гыб-* — такая же, как, например, в чеш. *hebký* (также *hebný*) 'гибкий, мягкий' — *hybký* 'то же'; см. ЭССЯ [7: 189, 219], статьи **gъbъkъjь*, **gъbьnъjь*, **gybъkъjь*. Впрочем, нельзя исключать и того, что автору этой грамоты просто был свойствен эффект *ы* → *ъ*, т. е. что за *гъб-* здесь стоит ‹*гыб-*›.

Уникальное языческое имя *Хотьжьръ*, очевидно, первоначально означало 'охотно приносящий жертвы (богам)'. Ср. в НПК [III: 822] топоним *Людженицы*, предполагающий исходное имя *Людьжьръ* 'приносящий жертвы для людей'. Предположение о том, что мы имеем здесь дело не с *жьр-* 'приносить жертву', а с *жьр-* 'пожирать', во втором случае практически исключается и тем самым маловероятно и в первом.

Отметим древнее окончание *-ъ* (а не новое *-а*) в словоформе В. ед. *Хотъжъръ*.

Помимо берестяных грамот, на усадьбе Е найден также (в слоях 2 четв. XII в.) фрагмент деревянного сосуда с круговой надписью по ободку (сохранилась половина периметра сосуда):

...илъ духъ некрасовъ ...

*

Пытаясь определить общий характер обнаруженного на усадьбе Е летом 1998 г., а также в конце предыдущего сезона комплекса берестяных документов второй-третьей четвертей XII в., можно решительно утверждать, что он является частью переписки, связанной с судебным разбирательством разного рода конфликтов. Особое состояние усадьбы Е в рассматриваемое время демонстрируется и другими обстоятельствами. Здесь практически отсутствуют признаки жилой усадьбы, нет хозяйственных и ремесленных построек; имеются же остатки сооружений явно административного назначения, ярким элементом которых является в центре усадьбы настил из шестиметровых сосновых плах общей площадью около 130 кв.м с отверстиями для столбов несохранившегося навеса, под которым можно было собираться и в непогоду. Сама площадь усадьбы достигает 1400 кв. м., превосходя втрое любое из соседних владений.

В рассматриваемое время в Новгороде еще не было сословного и функционального деления суда, все дела — гражданские, имущественные, поземельные, уголовные — рассматривались в возникшем в результате восстания 1136 г. "сместном" суде князя и посадника. Повседневная деятельность этого суда не предусматривала участия в рутинном делопроизводстве самого князя. Его заменял полномочный представитель из числа знатных новгородцев. Участие же посадника было обязательным: князь, согласно формуле договора с Новгородом, не имел права "кончать суд без посадника".

Можно вернуться к уже высказанному ранее предположению, что священник и живописец Олисей-Гречин Петрович, живший на рубеже XII-XIII вв. на усадьбе А Троицкого

раскопа, был сыном Петра (Петрока) грамот усадьбы Е. Лишний раз на это указывает участие Олисея в "сместном" суде, засвидетельствованное берестяной грамотой № 502*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гринченко — *Б. Д. Гринченко.* Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.

Даль — *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

ДНД — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.

Медынцева А. А. 1978 — Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.

Напьерский — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868.

НГБ 1984–89 — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб.; Пг., 1859–1915.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет. Цит. по: Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1– . М., 1988– .

Синод. НПЛ — Синодальный список Новгородской I летописи.

СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

Слов. XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–. Л., 1984–.

Слов. рус. гов. Карел. — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 в. Вып. 1 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994.

Срезн. — *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М; Л., 1950–1965.

Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Фасмер — *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

Фенне — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607). V. II. Copenhagen, 1970. (Ссылки даются на страницы оригинала).

Элиасов Л. Е. 1980 — Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–

SSPNO — Słownik staropolskich nazw osobowych. T. I–VIII. Wrocław etc., 1965–1987.

* Работа выполнена при финансовой поддержке INTAS/РФФИ (проект № 95-0368) и РГНФ (проект № 96-01-00567).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1999

© 1999 г. Т.Е. ЯНКО

О ПОНЯТИЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

(на материале русского языка)*

0. ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена коммуникативным стратегиям говорящего и коммуникативным структурам, в которых воплощены коммуникативные стратегии. Предлагается точка зрения на коммуникативную структуру как на выразитель значения речевого акта. Это позволяет единообразно описывать коммуникативные структуры разных речевых актов: сообщения, вопроса, императива, восклицания и обращения. Выделяются три типа коммуникативных значений: коммуникативные значения, конституирующие речевые акты, такие, как значение ремы, коммуникативные значения, не конституирующие речевые акты и противопоставленные конституирующим, такие, как значение темы, и коммуникативные значения, модифицирующие компоненты речевых актов, такие, как контраст. Рассматривается взаимная сочетаемость конституирующих и модифицирующих значений в пределах единого фрагмента высказывания, например, 'рема плюс контраст', 'тема плюс контраст', 'императив плюс контраст'. Так встает задача "компонентного" анализа коммуникативных структур. В нее входит выделение инвентаря коммуникативных значений, описание их взаимной сочетаемости и средств выражения коммуникативных значений и их комбинаций. В результате строится исчисление коммуникативных структур конкретного языка, в данном случае, русского. Цель такого подхода состоит в достижении полноты описания коммуникативных структур, так как рассматриваются все возможные комбинации коммуникативных значений. Кроме того, при внесении в инвентарь элементарных коммуникативных значений новых значений, не учтенных ранее, становится возможным повторить процедуру "перемножения" новых элементов и уже имеющихся.

Будучи выразителем значения речевого акта и других коммуникативных значений, коммуникативная структура может одновременно рассматриваться как (1) воплощение коммуникативной стратегии говорящего и (2) результат воздействия контекста, который навязывает говорящему тот или иной коммуникативный выбор. Дается определение коммуникативной стратегии говорящего, который, заговорив, вынужден каждый раз выбирать среди типов речевых актов, стилей и жанров, дозировать информацию по коммуникативно охарактеризованным компонентам предложения и предложениям, решать, каков будет порядок следования коммуникативно охарактеризованных компонентов.

Понятие коммуникативной стратегии иллюстрируется коллекцией особых коммуникативных стратегий с "богатой" коммуникативной семантикой. Коммуникативные стратегии с особым вкладом коммуникативной структуры в семантическую наиболее ярко проявляют себя, если сравнить их с нейтральными коммуникативными стратегиями,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (проект 96-04-06402) и фонда INTAS (грант INTAS-96-0085).

т.е. такими, у которых вклад коммуникативной структуры в семантическую минимальный. Под особыми коммуникативными структурами понимаются такие, которые не могут быть объяснены только соображениями контекста и присутствием модифицирующих значений. Их анализ требует реконструировать изысканные коммуникативные намерения говорящего, который средствами коммуникативной структуры выражает нечто большее, чем простая фиксация в словах некоторого положения дел для сведения слушающего. Так, одна из рассмотренных коммуникативных стратегий вводит в рассмотрение некий важный объект, и роль коммуникативной структуры состоит в подчеркивании этой важности и особом сгущении смысла, которое достигается за счет присутствия в предложении сразу двух рем – начальной и конечной: *Проржавевшую авиационную бомбу подняли со дна моря тралом рыбаки Тихоокеанского флота.* Эту стратегию и соответствующую ей коммуникативную структуру мы называем суперпозицией ремы. А другая стратегия, напротив, состоит в том, чтобы "принизить" роль героя ситуации, отозвав его с начальной заглавной позиции, и сосредоточить все внимание на событии в целом; это придает высказыванию характер живописания картины, которая разворачивается перед глазами наблюдателя: *Приходит раз Герасим Николаевич к Августе Авдеевне в кабинет* (М. Булгаков). Эту стратегию мы назвали рецессией темы.

Работа состоит из двух основных разделов. Раздел 1 посвящен выделению инвентаря коммуникативных значений, исследованию их сочетаемости и средств выражения. Рассматриваются типы речевых актов, которые в русском языке имеют регулярное выражение средствами коммуникативных структур – раздел 1.1. Раздел 1.2 посвящен понятию ремы как конституирующего компонента речевого акта сообщения. В разделе 1.3 обсуждаются некоторые точки зрения на природу ремы, или фокуса. В разделах 1.4–1.5 вводятся понятия коммуникативной структуры, коммуникативной составляющей и коммуникативной стратегии. Разделы 1.6–1.12 посвящены коммуникативным компонентам вопроса, повелительного предложения, обращения, восклицания и сопутствующим проблемам. В разделе 1.13 рассматриваются модифицирующие коммуникативные значения: контраст, *да-нет*-значение (верификативное), эмфаза и их комбинации с конституентами речевых актов. Предлагается пересмотр традиционных взглядов на так называемые focus particles – слова *только* и *даже*, которые трактуются в работе как слова контраста, так как их толкование имеет существенную область пересечения с определением понятия коммуникативного контраста. Раздел 1.14 посвящен средствам выражения коммуникативных значений и их комбинаций в русском языке. В разделе 1.15 обсуждается возможность использования полученных правил выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей для определения границ между темой и ремой. Особые коммуникативные стратегии собраны во второй части статьи (раздел 2). Там коротко рассмотрено четыре специальных коммуникативных стратегии: тематизация бытующего предмета (раздел 2.1), суперпозиция ремы (раздел 2.2), рецессия темы (раздел 2.3) и неингерентная тема (раздел 2.4). В заключении подводятся итоги исследования.

1. ИСЧИСЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРУКТУР

Выделяется три типа коммуникативных значений: (1) коммуникативные значения, конституирующие речевые акты (значение ремы, конституирующей речевой акт сообщения, значение интеррогативности, конституирующей вопрос и делающей вопрос вопросом, значение императивности и др.); (2) не-конституирующие коммуникативные значения, которые противопоставлены конституирующим и которых в предложении может не быть; они служат основой для того, чтобы заговорить (значение темы, невопросительного компонента вопроса и др.); (3) коммуникативные значения, которые модифицируют компоненты речевых актов и которых тоже может не быть (контраст, верификация и др.). Коммуникативные значения первых двух типов совместимы со значениями третьего типа, т.е. существуют контрастная рема, контрастная тема,

контрастный вопросительный компонент, контрастный не-вопросительный компонент вопроса и контрастный императив, верификативная тема (*да-нет*-тема) и верификативная рема (*да-нет*-рема).

1.1. Основные типы речевых актов. Известно пять основных типов предложений, которые составляют набор обязательных для русского языка типов речевых актов – обязательных в том смысле, что большинство русских предложений относится к одному из этих типов и притом только к одному. Это повествовательное предложение, вопрос, императив, восклицание и обращение.

Возможны и другие иллокутивные функции, которые не выражаются грамматически, – клятвы, жалобы, советы и угрозы. Они паразитируют на регулярных речевых актах и становятся клятвами и угрозами благодаря лексике и соответствующей семантической интонации (интонации угрозы, жалобы или упрека).

Кроме выделенных пяти основных типов речевых актов, существует большое количество уникальных – фразеологизованных и фразеологических – типов речевых актов, таких, как *На!; Была не была!; Три–четыре!; Раз–два, взяли!; До свиданья; Гулять так гулять*.

1.2. Тема и рема. Рема – это компонент коммуникативной структуры, который конституирует речевой акт сообщения. Соответственно, тема – его не-конституирующий компонент, противопоставленный реме. Рема – это абсолютное достояние предложения, потому что она формирует предложение как произведение речи с определенным коммуникативным заданием, а роль темы – относительна: тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью.

Рема – это двусторонняя единица, у которой план содержания – фрагмент семантического представления ситуации, предназначенный для функционирования в качестве сообщаемого; план выражения ремы – цепочка словоформ с заданным на ней коммуникативно релевантным ударением определенного типа. В русском литературном языке – это ИК-1 по Е.А. Брызгуновой [РГ 1982: 97–122], каденция по С.О. Карцевскому, period intonation по У. Чейфу [Chafe 1988], "акцент А" по Д. Болинджеру [Bolinger 1958]. ИК-1 обозначается стрелкой вниз после словоформы-акцентоносителя – ↘; о номенклатуре и семантической интерпретации акцентов см. также [Pierrehumbert 1980; Steedman 1991]. Если в предложении есть фонетическое слово, отмеченное особой понижающейся интонацией ИК-1, которая не сопровождается последующими подъемами ИК-3 (см. ниже), и отсутствуют лексические (вопросительные слова) и морфологические (повелительное наклонение) маркеры других речевых актов, значит, перед нами речевой акт сообщения.

Тема имеет вариативное выражение. Прототипическим, но не единственным, средством выражения темы служит интонационный подъем – ИК-3 по Е.А. Брызгуновой [РГ 1982: 114–115], comma intonation по У. Чейфу [Chafe 1988], "акцент В" по Д. Болинджеру [Bolinger 1958], интонация незавершенности (incompleteness) по В.Р. Леману [Lehman 1974]. Этот акцент обозначается стрелкой вверх ↑ после словоформы-акцентоносителя. Существует другой тип подъема – это ИК-6 по Е.А. Брызгуновой [РГ 1982: 118]. Он обозначается знаком ↱. В беглой речи тема может нести акцент ИК-6, а также не иметь какого-либо заметного движения тона [РГ 1982: 118]. Акцент ИК-3 служит маркером темы, только если после него следует маркер ремы ИК-1: *Мой лучший друг ↑ – это Вася* ↘. Одиночный акцент ИК-3 маркирует *да-нет*-вопрос: *Это Вася ↑*? [РГ 1982: 111]. Комбинация акцентов в последовательности ИК-1–ИК-3 маркирует *да-нет*-вопрос с вынесенным в начало не-вопросительным компонентом: *Твой лучший друг ↘ – это Вася ↑*?

1.3. Некоторые точки зрения на природу того, что обычно называют ремой или фокусом. Наше определение ремы, как кажется, ближе всего к определению ремы, которое дает Матезиус: "Основные элементы актуального членения предложения –

это исходная точка [или] основа высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания" [Mathesius 1947], русский перевод [Матезиус 1967].

Взгляд на рему как на сообщаемое (stated) разделяет М.А.К. Хэллидей в работе [Halliday 1967], ср. также [Мельчук 1995: 149]. Близкое нам определение ремы дает С.В. Кодзасов: "мы понимаем под ремой тот компонент смысла, над которым производится операция при осуществлении речевого акта" [Кодзасов 1996: 191]. Определение фокуса как утверждаемой части (asserted part) мы находим у Р. Ван Валина [Van Valin 1993: 23]; с ним, однако спорит М.С. Драйер, который считает, что понятие утверждения определено только для пропозиций [Dryer 1996: 493]; между тем не всякий фокус (рема) имеют форму пропозиции. В [König 1991: 32] приводится подборка определений фокуса, вот некоторые из них:
– фокус выражает 'новую информацию' [Halliday 1966; Selkirk 1984];
– фокус выражает кульминацию и информативный центр [Bolinger 1985];
– фокус выражает информацию, которая не имеет семантического антецедента и к которой не привлекалось внимания слушающего [Rochemont 1986];
– фокус устанавливает отношение между значением выражения, которое находится в фокусе, и некоторым множеством альтернатив [Jacobs 1983; 1988; Rooth 1985].

Многие определения, которые даются реме, или фокусу, в позднейшей традиции, т.е. после Матезиуса, берут за точку отсчета новизну информации или актуализацию знания, не активированного ранее в сознании слушающего. И действительно рема и новое обычно экстенсионально совпадают. Поэтому определения, ставящие во главу угла новизну информации, соответствующей реме, имеют экстенсиональный характер, ибо собственная роль ремы – формировать сообщение – остается за кадром. Новое – это лишь "наполнитель" для ремы, и то не всегда, потому что "старое", или активированное, тоже бывает ремой: *Мне предложили пальто и шубу. Я выбрала шубу*\; *Девочки чаще всего дружат с девочками*\; ;*Помпей не имеет равных в любви к самому себе*\; *Только Иванов умел находить общий язык со студентами. Поэтому заняться вторым курсом опять пришлось Иванову*\; о понятии активации см. [Lambrecht 1994; Dryer 1996].

Даже такой испытанный способ выделения ремы, как метод вопросов, предложенный Э. Хэтчер и разработанный пражскими лингвистами, который применяется для определения границ темы и ремы, не всегда дает желаемый результат. Рема при таком походе – это то, что служит кратким ответом на некоторый вопрос, быть может, гипотетический, а тема – то, что заимствуется из вопроса при полном ответе [Hatcher 1956; Hajičová, Sgall, Benešová 1973; Ковтунова 1976: 39; Daneš 1970; 1986; Сгалл, Хаичова 1980; Николаева 1982: 13–15; Падучева 1984; Hajičová 1986; 1994: 256; Dryer 1996: 485]. Между тем, в примере – *Кто у них президент, а кто вице-президент? – Клинтон – президент, а Гор – вице-президент*\ словоформа *Гор* в ответе – это собственно ответ на вопрос, но он является темой, а рема *вице-президент* – это то, что уже было в вопросе. Безусловно, в рассмотренном примере рема *вице-президент* – не простая, а возникающая в ситуации выбора, который нарушает законы формирования рем и снимает некоторые запреты. Между тем в любом случае ей нельзя отказать в свойстве быть ремой, см. обсуждение таких примеров в [Halliday 1967: 223–231; Dryer 1996: 492–494].

Определения фокуса часто приводят не только к смешению фокуса и нового, но также фокуса и контраста, так как для фокуса часто признается характерной еще и идея выбора из множества возможностей [Jacobs 1983; 1988; Rooth 1985]. Кроме того, понятие фокуса распространяется и на речевые акты, иные, чем повествовательное предложение, например, на вопрос [Kuno 1982]. Заметим, однако, что в вопросе, во всяком случае прямо, ничего не сообщается, поэтому понятие фокуса, или сообщаемого, к вопросу не применимо.

С. Дик рассматривает типологию фокусов и показывает, что они бывают контрастные и простые, в его терминологии – комплетивные, среди контрастных выделяются селективные, рестриктивные и др. [Dik 1989: 282–285]. Свою задачу мы видим в том, чтобы показать, что разнообразие царит не только среди фокусов, но и среди топиков, интеррогативов и императивов и т.д. Это разнообразие достигается за счет модифицирующих значений.

Итак, функция ремы состоит в том, чтобы создавать отдельный и отличный от других тип речевого акта. Интенсионал ремы состоит в идентификации некоего речевого акта как сообщения. Связь коммуникативной структуры предложения со структурой дискурса опосредованна: она лежит через понятие информационной структуры[1] и понятие активации знаний в сознании собеседников, т.е. состоит в том, что фрагмент семантического представления, отвечающего реме, и новая информация как правило экстенсионально совпадают. Значит, коммуникативная структура выражает речевое намерение говорящего независимо от того, какие блоки информации (известные или неизвестные, активированные в сознании слушающего или не активированные) используются для формирования компонентов предложения, конституирующих предложения как речевые акты. При экстенсиональном совпадении между коммуникативными компонентами (темой–ремой) и информационными (активированное–неактивированное) нет интенсионального равенства. Путь от картины знаний, представленной в сознании собеседников, к коммуникативному членению предложения лежит через презумпцию рационального поведения говорящего, который старается сообщать только новое, а в качестве зачина использовать тем или иным образом активированную информацию. Однако, если по каким-то причинам он использует уже активированные данные в качестве ремы, это может не лишить ее свойства быть ремой. В разделе 1.13.1.2 при обсуждении слов контраста мы надеемся показать, что коммуникативные составляющие повествовательных предложений, лишенные "рематических" средств выражения, а именно – интонации ИК-1, ремами не являются: иллюзия ремы может возникать в темах в контексте слов с семантикой контраста, таких, как *только* (⟨*Маша и Коля считали Машу виноватой.*⟩ *И только Вася* ↑ ⟨*не осудил* ↘ *ее*⟩)[2], квантификации (⟨*Все присутствующие были против Маши. Но потом пришли Вася, Коля и Петя*⟩. *Они трое* ↑ ⟨*не осудили* ↘ *ее*⟩), существования единственного элемента (*Сам* ↑ *он* ⟨*не справится* ↘⟩), в контексте выбора (*Из американских* ↑ *вин* ⟨*он выписывает калифорнийские* ↘⟩), в контексте сложного предложения (*Вот Вася придет* ↑, ⟨*и мы все пойдем гулять* ↘⟩).

1.4. План содержания коммуникативной структуры предложения – фрагменты семантического представления некоторой ситуации, где каждый фрагмент предназначен

---

[1] *Теория коммуникативной структуры f-structure* [Reinhart 1981; Erteschik-Shir (*в печати*)], *где динамика* дискурса представлена в виде метафоры колоды карт, которую все время тасуют и пополняют собеседники, представляется не теорией коммуникативной структуры, а скорее теорией информационной структуры дискурса. Дело в том, что говорящие в диалоге не только обмениваются информацией (т.е. как бы перекладывают имеющиеся карточки и создают новые, и при этом чем новее информация, тем ближе к вершине колоды находится соответствующая ей карточка), но упаковывают ее в речевые произведения с определенными коммуникативными целями, и притом – весьма разнообразными. Нельзя не признать, что информационная структура в большой степени определяет коммуникативную структуру. Зависимость коммуникативной структуры от информационной была бы еще более существенной, если бы говорящие использовали только повествовательные предложения и совсем не задавали бы вопросов и не позволяли бы себе в порыве чувств использовать восклицательные предложения. Дело в том, что вопросительные предложения, императивы и восклицания в большей степени, чем повествовательные предложения, выражают внутренний мир говорящих и воздействие говорящих друг на друга, и они гораздо меньше связаны с окружающим собеседников миром, в частности, с контекстом дискурса. Как кажется, в теории фокус-структуры речевые намерения говорящего уходят на задний план, уступая место процессам обмена информацией.

[2] В угловые скобки помещается необходимый для обсуждаемых феноменов контекст.

для функционирования в роли сообщаемого, в роли вопросительного или не-вопросительного компонента вопроса и т.д. План выражения коммуникативной структуры – цепочка словоформ с заданной на ней системой тональных коммуникативно релевантных акцентов и выбранными по специальным правилам словоформами-носителями таких акцентов, а также порядком следования просодически оформленных линейных фрагментов предложения.

Соответствие разбиения семантического представления ситуации на коммуникативно охарактеризованные блоки просодически оформленным линейным фрагментам предложения обычно имеет однозначный характер. Так, если говорящий предполагает передать слушающему сообщение о Васе, которое состоит в том, что Вася занят писанием стихов, то в предложении *Вася пишет стихи* словоформа *Вася* – это тема, а *пишет стихи* – рема. Однако соответствие между семантическим уровнем и поверхностным при выражении коммуникативной структуры может иметь и сложный характер. Так, если роль сообщаемой части играет *да-нет*-значение, т.е. смысл 'соответствие некоторого положения дел действительности' (когда сообщается, что некоторое известное положение дел имело или не имело место), то на поверхностном уровне это выражается целым предложением, в котором акцентоносителем служит личная форма глагола: *Вася пришел* ⤡. Двойная стрелка здесь обозначает верификативную, или *да-нет*-рему, так же, как и контраст, так как *да-нет*-значение – это частный случай контраста (по Е.А. Брызгуновой – это ИК-2 [РГ 1982: 111]), о контрасте см. ниже в разделе 1.13.1, о верификации – 1.13.2. Приведем другой пример. Коммуникативно релевантный компонент может при эллипсисе сокращаться до нулевого выражения. Так, русские вопросы с *А* (*А Вася*?)[3], восходящие к вопросам с вопросительным словом (*А Вася* ↘ *где*?) или к *да-нет*-вопросам (*А Вася* ↘ *идет* ↗?), вообще лишены материального воплощения собственно вопросительной части (вопросительные компоненты *где*? и *идет*? в вопросе *А Вася* ↘ ↗? отсутствуют) – ее наследницей служит интонация ИК-4 (знак ↘ ↗), по Е.А. Брызгуновой, которая фиксируется на единственно оставшемся невопросительном компоненте.

1.4.1. Коммуникативная составляющая служит носителем коммуникативного значения, быть может, не единственного. Темы, ремы, вопросительные и не-вопросительные компоненты вопросов, контрастные темы, контрастные ремы предложений и т.д. – это примеры коммуникативных составляющих. Коммуникативные составляющие могут быть разрывными. Так, в предложении из анекдота *Выходит Анка замуж* составляющая *выходит замуж* – это разрывная рема (или результат дислокации, по И.И. Ковтуновой [1976: 120–125]), а *Анка* – тема, которая попадает в образовавшуюся при разрыве коммуникативную нишу. Коммуникативная составляющая весьма часто представляет собой одну синтаксическую составляющую. В некоторых случаях это могут быть две и более синтаксических составляющих. В предложении ⟨*Не курицу лис,*⟩ *Подстерег* ↗ *– монах девку* ↘ словоформа *подстерег* – это тема, а *монах девку* – рема, которая состоит из двух синтаксических составляющих, не сводимых к единой синтаксической составляющей. Эта коммуникативная структура отличается от коммуникативной структуры предложения *Выходит* ↱ *Анка замуж* ↘, где *выходит* – это компонент дислоцированной ремы *выходит замуж*. Формальное отличие линейно-акцентной структуры с дислокацией ремы *Выходит* ↱ *Анка замуж* ↘ от коммуникативной структуры с глаголом-темой *Подстерег* ↗ *– монах девку* ↘ состоит в том, что на словоформе *подстерег* может быть как тон ИК-3, так и ИК-6, а на словоформе *выходит* тона ИК-3 не может быть: **Выходит* ↗ *Анка замуж* ↘. Таким образом, в пред-

[3] О русских эллиптических вопросах типа *А Вася*? см. [РГ 1982: 114–115; Кодзасов 1996: 198; Матусевич 1976: 261–266], румынских, греческих, албанских, македонских [Николаева 1996: 241–245], вьетнамских и польских [Huszcza 1988: 62], японских типа *Syokuzi wa*? 'А поесть?' [Backhouse 1993: 132].

ложении *Подстерег ↑ – монах девку ↘* глагол – это тема, а в предложении *Выходит ↱ Анка замуж ↘* глагол – компонент ремы.

1.5. Коммуникативная стратегия говорящего состоит в выборе коммуникативных намерений и распределении квантов информации по коммуникативным составляющим. Коммуникативная стратегия включает в себя: (1) выбор глобального речевого намерения, например, намерения констатировать факт, задать вопрос, обратиться с просьбой; (2) отбор тех компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям; (3) определение того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему и т.д. (так, один и тот же объем информации может составить одну рему – ⟨*– Что это вы так расстроены?*⟩ *– Дети кашу ↘ плохо едят* – или две в разных предложениях ⟨*– Что это вы так расстроены?*⟩ *– Да все дети ↘. Они у меня кашу ↘ плохо едят*); (4) соотнесение квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии (так, активированное в сознании говорящего и входящее в его личную сферу – свое – с большой вероятностью станет не-конституирующим компонентом будущего предложения); (5) определение порядка следования коммуникативных составляющих (так, если говорящий сильно под впечатлением от происходящего, он может начать сообщение прямо с ремы, тема тогда попадет в конечную заударную позицию; (6) настройку коммуникативной структуры высказывания на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный, режим озвучивания письменного текста, скажем, прогноза погоды или сводки новостей), стиль (эпический, разговорный) и жанр (стихи, анекдот, лозунг, рекламный призыв, лекцию), о коммуникативных стратегиях см. [Бергельсон, Кибрик 1987; Кибрик 1992: 185; Бергельсон 1998].

Рассмотрев понятия коммуникативной структуры, коммуникативной стратегии и коммуникативной составляющей, вернемся к рассмотрению коммуникативных компонентов речевых актов.

1.6. Коммуникативные компоненты вопроса. Коммуникативным конституентом вопроса служит его вопросительный компонент, или неизвестное вопроса. Так, в вопросе *Где Вадик познакомился с Марусей*? слово *где* – это вопросительный компонент (неизвестное вопроса), а *Вадик познакомился с Марусей* – это не-вопросительный компонент (известное вопроса). В *да-нет*-вопросе *Вадик познакомился с Марусей ↑*? ⟨*Или с Катей*?⟩ компонент *Вадик познакомился с* – это не-вопросительный компонент, а *Марусей* – вопросительный компонент. В вопросе ⟨*– Что за радость*?⟩ *Вадик с Марусей ↑ познакомился*? весь вопрос в целом – это вопросительный компонент, а не-вопросительного компонента в нем нет. Не-вопросительный компонент – это не-конституирующий компонент вопроса. В вопросах *Который час*? и *Что делать*? не-вопросительного компонента тоже нет, но в целом, не-конституирующий компонент вопроса функционально очень весом, так как он задает условия для поиска информации.

1.7. Коммуникативные компоненты повелительного предложения. В императивном предложении тоже есть конституирующая – императивная – и может быть не-конституирующая (не-императивная) часть. Приведем примеры не-конституирующих компонентов императива: *Студентов с первого курса* ⟨*не забудь включить в список на стипендию*⟩; *Суп* ⟨*не ешь – от него полнеют*⟩. В последнем примере составляющая *суп* служит не-императивным компонентом повелительного предложения. Итак, в императиве не-конституирующая часть тоже может быть, но чаще всего ее не бывает.

1.8. Обращение. Речевой акт обращения может быть самостоятельным, как *Васяя*!, или входить в состав речевого акта другого типа на правах внеструктурного элемента; *Подвинься, Зин* (В. Высоцкий). Мы не находим в составе обращений не-конституирующих частей.

1.9. Восклицательные предложения задаются набором структурных схем, которые включают восклицательные лексемы и конструкции, например *Какой!, Что за!, Какая*

сегодня хорошая погода! Черт возьми! Ну и жара же!. В составе восклицательных предложений не-конституирующий компонент отсутствует.

Выражение сильных чувств говорящего может не только формировать отдельный речевой акт восклицания, но и паразитировать на речевых актах других видов на правах не-конституирующего модифицирующего значения. Последнее явление мы определяем как эмфазу, см. раздел 1.13.4.

1.10. Не-конституирующие элементы в речевых актах задают основу для старта речевого акта. Не-конституирующий элемент – это то, про что делается сообщение, про что спрашивается, касательно чего высказывается просьба: *Студенты на первом курсе* – ⟨*хорошие*⟩; *Студенты с первого курса* – ⟨*пришли*⟩?; *Студентов с первого курса* ⟨*где найти*⟩?; *Студентов с первого курса* ⟨*не забудь включить в список на стипендию*⟩.

1.11. Коммуникативная структура в узком смысле задает один из пяти рассмотренных типов речевых актов. Это членение на тему и рему, вопросительный и не-вопросительный компонент вопроса и т.д. Область определения коммуникативной структуры в этом смысле – предложение.

1.12. Коммуникативная структура в широком смысле включает, кроме того, что понимается под коммуникативной структурой в узком смысле, коммуникативные значения, которые не образуют речевые акты, а модифицируют их. Это – контраст, верификативное, или *да-нет*-значение, эмфаза и некоторые другие. Область определения этих значений – конституенты коммуникативных структур в узком смысле: темы, ремы, вопросительные и не-вопросительные компоненты вопросов, императивные и не-императивные компоненты повелительных предложений. Контраст и другие значения определены на готовой коммуникативной составляющей (теме, реме, вопросительном компоненте и т.д.) и выражаются синкретично с ней. Так, особое ударение на словоформе *воскресную* формирует контрастную тему в предложении *Воскресную ↑↑ прогулку пришлось отложить*.

1.13. Модифицирующие коммуникативные значения. Контраст, *да-нет*-значение (верификативное значение, или верификация) и другие модифицирующие коммуникативные значения тоже выражают отношения между говорящим, миром и слушающим, но не служат для формирования речевых актов, а дифференцируют речевые акты внутри одного типа. Они выражаются синкретично со значениями, которые формируют речевые акты: определенный план выражения – акцентная структура совместно со способами выбора носителей релевантных акцентов – маркирует одновременно тему плюс контраст или вопрос плюс верификацию. Значение речевого акта в предложении есть всегда, а контраст – необязательно.

1.13.1. Контраст. Семантика контраста состоит в том, что при контрасте (1) возникает идея об ассоциированном с выделенным элементом множестве и о процедуре выбора из этого известного обоим собеседникам множества; (2) при сопоставлении выделенного элемента с другими, которые могли бы оказаться на его месте, возникает идея об отрицании всех других возможностей, кроме выделенной, либо, если контекст эксплицитно указывает на то, что выделенный элемент попадает в такую же ситуацию, что и другие элементы, возникает инклюзивное значение (≈ 'тоже', ср. *У всех ⤵ ⤵ жена сбежала; У меня у самого ⤵ ⤵ жена сбежала; В эстафете победили они ⤵ ⤵ же*); (3) если речь идет о повествовательном предложении, то выбор элемента, который попал под контраст, связан с опровержением (*Это не Вася, а Петя ⤵ ⤵*) или подтверждением ожиданий некоего оппонента, например слушающего, но не обязательно его (*Да-да, это Вася ⤵ ⤵*). А если речь идет о вопросе, то говорящий опять же просит подтвердить или опровергнуть его предположения касательно возможного выбора. Таким образом, *да-нет*-вопрос – это контрастный вопрос.

Соглашается говорящий с мнением предыдущего оратора или опровергает его, выражается не средствами контраста. Контраст отвечает только за соотнесенность с

предшествующим ему высказыванием. Таким образом, явление контраста возбуждает к жизни два компонента фонового знания (background knowledge) – (1) ассоциативное множество элементов, на фоне которых рассматривается референт выражения, попавшего под контраст (когда мы говорим *Вася* ↘↘ – это значит, что есть и другие, например Петя и Маша), и (2) отсылку назад к мнению предыдущего оратора, с которым говорящий соглашается или не соглашается.

Прототипический способ выражения контраста – интенсивное акцентное выделение акцентоносителя контрастной коммуникативной составляющей.

1.13.1.1. Сочетаемость контраста с конституентами речевых актов. Контраст совместим со всеми конституирующими и не-конституирующими элементами речевых актов, кроме восклицания и обращения. Контраст выражается синкретично с конституирующими и не-конституирующими значениями речевых актов. Бывают контрастные ремы (*Вася пришел* ↘↘, ⟨*а не приехал*⟩) – это классический тип контраста, или так называемое логическое ударение, контрастные темы (*Воскресную* ↑↑ *прогулку пришлось отложить окончательно*), контрастные вопросительные компоненты вопроса (*КТО пришел*?; *Кто именно* ↘↘ *пришел*?; *Который*?) и контрастные не-вопросительные компоненты вопроса – *Какое оборудование завод Продмаш производит серийно* ↘↘?; *Серийно* ↘↘ *завод Продмаш какое оборудование производит*? Вопросы без вопросительного слова, или *да-нет*-вопросы, – это, как уже говорилось выше, контрастные вопросы, в которых синкретично выражается интеррогативность и контраст: *Вася* ↑ *пришел*? ⟨*Или Маша*?⟩; *Вася пришел* ↑? ⟨*Или на велосипеде приехал*?⟩. Императивный компонент тоже может включаться в контрастное противопоставление: *Ты лучше пиши* ↘↘, ⟨*а не читай*⟩; *Пиши стихи* ↘↘, ⟨*а не прозу*⟩. Не-императивный компонент с контрастом выглядит так: *Красный* ↑↑ *бархат – не шей*, ⟨*лучше синий*⟩; *Красный бархат* ↑↑ *– не шей*, ⟨*лучше синий ситец*⟩.

Впервые о сочетаемости контраста с темой нам стало известно из работ Ю.С. Мартемьянова [1970; 1971: 70], где контраст понимается как один из случаев эмфазы и говорится о том, что "интонационно-акцентуационные средства сигнализируют о внутренней эмфазе на соответствующем слове темы или ремы", см. также о контрастном начале в [Падучева 1985: 118]; о контрастной теме [Богуславский 1996: 386][4].

В сферу действия контраста могут попасть единицы любого уровня – от фонемы до предложения ⟨*не немецкий, а*⟩*не**не**цкий*; ⟨*не пришел, а*⟩*ушел*; ⟨*не ветер ветку клонит, а*⟩ ***мое сердечко стонет*** (сфера действия выделена жирным шрифтом). Контрастная коммуникативная составляющая формируется в соответствии с определенными правилами, которые регламентируют выбор носителя соответствующего ударения. Итак, рема (тема) и контрастная рема (контрастная тема) – это различные понятия, и контраст не выражается отдельно, а соединяется с коммуникативными компонентами речевых актов.

1.13.1.2. Слова контраста. Слова *именно, даже* и *только*, английское *only* традиционно считаются рематизаторами, или фокализаторами (см., например [Апресян 1988: 19; König 1991; Hajičová, Sgall 1996; 7; Богуславский 1998: 10–12]). Между тем, (1) толкования этих слов имеют весьма существенную область пересечения с определением коммуникативного контраста. Так, упрощенное толкование предложения *Иван*

---

[4] Приведем толкование контрастной темы, которое строится на понятии выбора элемента из множества. Представляется, что идея выбора – это конституирующий семантический признак не только контрастной темы, но и контраста вообще: "Семантическая нагрузка контрастной темы состоит в следующем: если некоторый элемент *d* в составе пропозиции *P*(*d*) выделяется в качестве контрастной темы, то к пропозиции *P*(*d*) добавляется значение 'элемент *d* выбран говорящим среди других релевантных элементов, и говорящий ничего не сообщает о том, обладают ли они свойством *P*'. Прагматически предложения с контрастной темой чаще всего предполагают, что кроме *d* ни один объект не обладает свойством *P*. Контрастная тема выделяется подъемом интонации и ставится в начале предложения" [Богуславский 1996: 386].

читает только журналы, по И.А. Мельчуку[5], таково: 'Иван читает журналы, и неверно, что существует такой X, не являющийся журналом, который Иван читает' [Мельчук 1974: 69]. Очевидно, что требование наличия ассоциированного множества, выбора из него и отрицания других возможностей, кроме выбранной, которые предусмотрены контрастом (см. подраздел 1.13.1), у слова *только* налицо. Кроме того, (2) слово *только* и другие слова-рематизаторы могут легко включаться в тематическую составляющую, ср.: (а) *Петя проиграл, Вася проиграл, и только Ваня* ↘↘ *выиграл* – (б) *Петя проиграл, Вася проиграл, и только Ваня* ↑↑ // *выиграл* ↘↘. В примере (а) группа *только Ваня* – это контрастная рема, а в примере (б) группа *только Ваня* имеет статус темы. При такой расстановке коммуникативных сил группа *только Ваня* в примере (б) служит контрастной темой, а глагольная группа *выиграл* – это контрастная рема. Из примеров (а) и (б) видно, что в них рематическая интерпретация группы с *только* возникает не автоматически, т.е. под давлением контекста сопоставления, а в результате коммуникативной стратегии говорящего.

Приведем другой пример – из газеты – с "тематическим" *только: Только после смерти Мао и ареста его жены* ↑ *Дэн получил возможность реализовать свою мечту о преобразовании Китая* ↘. Аналогичный пример можно привести и для *даже*, которое тоже традиционно считается рематизатором: *Даже после смерти Мао и ареста его жены* ↑ *Дэн не получил возможности осуществить свою мечту о преобразовании Китая* ↘. Ср. также английские соответствия: *Only after Mao's death* ↑ *did Dan get an opportunity of fulfill his plans concerning China's* ↘ *reformation; Even after Mao's death* ↑ *Dan did not get an opportunity to fulfill his plans concerning China's* ↘ *reformation.*

Контраст, который выражается лексически, может быть не связан с особым акцентным выделением (ср. *Маша любит только Васю* ↘), а в некоторых специальных случаях контрастная составляющая даже может остаться "безударной". Под безударностью здесь понимается отсутствие коммуникативно релевантного ударения. Так, Т.М. Николаева указывает на "отсутствие прямой смысловой зависимости между наличием частицы и возникновением акцентного выделения" [Николаева 1985: 125].

На идее о том, что слово *only* служит фокализатором, т.е. формирует рему, основана трактовка фокусов (рем) второй встречаемости ("second occurence") как "безударных" [Partee 1994: 364]:

A. *Eva only gave xerox copies to the GRADUATE STUDENTS.*

B. *No, PETR only gave xerox copies to the graduate students.*

Группа *only gave xerox copies to the graduate students* в предложении B интерпретируется как фокус, потому что содержит слово *only*, но она "безударна", так как целиком заимствована из предшествующего предложения A. Между тем примеры употребления *только* и *only* в роли темы показывают, что то, что предлагается считать фокусами второй встречаемости, – это, скорее, заударные топики (темы), чем фокусы, или ремы (ср. также высказывание М. Драйера, согласующееся с нашей точкой зрения [Dryer 1996: 477]). Они "безударны", как и положено быть темам, которые расположены после рем. Значит, ремой в предложении B служит составляющая *PETR*, и другой ремы в этом предложении нет.

Наша гипотеза состоит в том, что "безударных" рем (фокусов) не бывает. Рема может выражаться лексически или морфологически (ср. японский маркер темы *wa*,

---

[5] Можно привести также более поздние толкования слова *только* у других авторов [Николаева 1985: 25, 29, 97, 125; Богуславский 1996: 308]. Предлагаемые там толкования *только* лишь подтверждают нашу гипотезу о существенном пересечении в толкованиях *только* и определении понятия контраста. Это же положение распространяется на слово *даже* и слово *сам*, ср.: "...для всех них [фокусных частиц] свойственно представление о некоторых других объектах, на фоне которых рассматривается данный" [Богуславский 1996: 308].

который отделяет тему от ремы), но чтобы конституирующий компонент речевого акта вообще не имел регулярного средства выражения, кажется маловероятным. В русском и в английском рема воплощается как линейный поверхностный фрагмент предложения, оформленный определенным типом коммуникативно релевантного ударения. Мы понимаем рему как компонент структуры предложения, имеющий определенное поверхностное выражение. В русском языке – это интонационный контур ИК-1 плюс отсутствие акцента ИК-3, который в речевых актах других типов (*вопросах*) *может следовать за* ИК-1, *а также отсутствие вопросительных слов*, восклицательных лексем, морфемы повелительного наклонения и показателей уникальных речевых актов. Таким образом, компоненты повествовательных предложений в отсутствии ИК-1 мы не решаемся назвать ремами, ср., однако, иную точку зрения в [Partee 1994: 364; Кодзасов 1996: 194; Богусловский 1998: 11].

Заметим также, что при исследовании коммуникативной структуры лингвисты часто увлекались поисками ускользающего смысла и не всегда отдавали должное плану выражения. В большинстве случаев причиной тому было возмущающее действие модифицирующих значений, в первую очередь, смысловые искажения, которые вносил контраст, а также так называемые фокусные частицы и кванторные слова[6]. И это приводило к тому, что фрагменты предложения, маркированные как темы, трактовались как ремы. И данной работе мы исходим из гипотезы об инвариантном выражении ремы. Рема – это то, что определенным образом выражается. В повествовательном предложении есть всего два коммуникативных компонента – тема и рема, и трудно было бы предположить, что они могут "меняться" средствами выражения.

Итак, было продемонстрировано пересечение определения контраста с толкованиями слов, которые традиционно называют focus particles, и показано, что эффект т.н. "безударного фокуса" возникает за счет того, что присущее фокусным словам значение контраста может образовывать в предложении контрастную тему, которая ошибочно принимается за рему. Значит, focus particles следует скорее считать словами контраста, чем рематизаторами, и имеет смысл отграничить их от таких слов, как слово *редко*, которое действительно практически всегда служит ремой [Падучева 1989: 21; Булыгина, Шмелев 1997: 203]. Слова контраста могут входить в тематическую коммуникативную составляющую, что служит объяснением для феномена так называемых "безударных" фокусов, которые при ближайшем рассмотрении оказываются заударными темами.

1.13.2. Верификативное (*да-нет-*) значение – это частный случай контраста. Здесь релевантное множество, из которого производится выбор, – две возможности – "да" и "нет", или "истина" и "ложь", или "имеет место" и "не имеет места". Когда говорящий произносит повествовательное предложение, предполагается, что то, о чем он говорит, есть на самом деле, т.е. предложение по умолчанию понимается как истинное. Значит, в контекстно не зависимом повествовательном предложении, кроме информации о положении дел, содержится оценка положения дел как имеющего или не имеющего места в реальном мире. Пусть содержание положения дел известно заранее, а имеет положение дел место в мире или не имеет, неизвестно. Такое бывает, когда чего-то, например приезда Васи, ждут или о нем спрашивают. В таком случае информация о положении дел известна заранее. Когда ожидания сбываются, говорят *Вася пришел* ⤵⤵; *Вася таки пришел* ⤵⤵; *Вася действительно* ⤵⤵ *пришел; А Вася и пришел* ⤵⤵. Здесь в центре сообщения – не какое было событие, а было ли оно. Регулярный способ выражения *да*-значения – контрастное акцентное выделение финитного глагола. *Нет*-значение выражается лексически – с помощью отрицательной частицы

---

[6] Сложное предложение также служит возмущающим контекстом, потому что "трансформирует" целое предложение в тему. Так, в примере *Приду я завтра пораньше домой* ↑ *и сяду телевизор смотреть* ↓ фрагмент *приду я завтра пораньше домой* – это тема, а в примере *Когда я пришел домой* ↑, *никого еще не было* ↓ тема – это *когда я пришел домой*.

не. Другие лексические способы выражения *да-нет*-значения – слова *правда, и, отнюдь*.

1.13.2.1. Сочетаемость *да-нет*-значения с конституентами речевых актов. *Да-нет*-значение может сочетаться со значениями, которые формируют типы речевого акта, – со значением ремы, значением темы, с вопросительным и не-вопросительным компонентами вопроса (для вопросов с вопросительным словом). Примеры верификативной (или *да-нет*-) ремы – *Вася пришел* ↘↘ ; ⟨*Вася пришел* ↑ ?⟩ – *Пришел* ↘↘ . Пример верификативной темы: *Вот приедет* ↑↑ *барин*, ⟨*барин нас рассудит*⟩. Сочетание *да-нет*-значения с вопросительным компонентом вопроса представлено примером *Вася пришел* ↑?, а с не-вопросительным компонентом – примером ⟨*Когда*⟩ *Вася наконец придет* ↘↘?

1.13.3. Информация о положении дел[7] – это тоже одно из модифицирующих коммуникативных значений. Информация о положении дел и истинностная оценка, или *да-нет*-значение, могут выражаться отдельно друг от друга. Когда информация о положении дел известна заранее, в предложении может сообщаться только, имеет данное положение дел место в мире или нет. Предложение с такой расстановкой коммуникативных сил мы назвали верификативным. Возможна и обратная ситуация – когда заранее известно *да-нет*-значение, а в центре сообщения оказывается только то, в чем соответствующее событие состоит. Такая коммуникативная ситуация возникает в том случае, когда по косвенным признакам видно, что что-то происходит, но неизвестно, что именно. Когда слышат шум, говорят: *Самолет* ↘ *летит; Ветер* ↘ *бушует над бором*. Когда видят толпу на улице и карету скорой помощи, говорят: *Машина прохожего* ↘ *сбила*. Сообщаемым в таких предложениях служит только информация о положении дел. Предложения такого типа исследовали S.-Y. Kuroda [1972], S. Schmerling [1974], Т.М. Николаева [1981; 1982; 1985], Ch. Bonnot, I. Fougeron [1982; 1983], А.Н. Баранов, И.М. Кобозева [1983], O. Yokoyama [1986], H.J. Sasse [1987; 1995], H.R. Mehlig [1991], Т.Е. Янко [1991], E. Maslova [1995]. Эта традиция берет начало от так называемых thetic sentences, которые рассматривал Матезиус (*Your eyes* ↘ *are red*; ср. *Ты плачешь? У тебя же глаза* ↘ *красные*).

1.13.3.1. Сочетаемость признака 'информация о положении дел' с конституентами речевых актов. Приведем примеры сочетаемости признака 'информация о положении дел' с темой (а), ремой (б), интеррогативностью (в) и не-вопросительным компонентом вопроса (г): (а) ⟨*Это*⟩ *не стол* ↑ *упал*, ⟨*а полка рухнула*⟩; (б) ⟨*Это не стол* ↑ *упал, а*⟩ *полка* ↘ *рухнула;* (в) ⟨*Это*⟩ *стол* ↑ *упал?;* (г) *Если это стол* ↘ *упал*, ⟨*Вася рассердится* ↑⟩?

1.13.4. Эмфаза. В семантику эмфазы входит представление о норме. В эмфатических высказываниях она оказывается либо превышенной, либо положение дел, по поводу которого выражаются сильные чувства, решительно отстает от стандарта. Таким образом, возникает представление о некоторой шкале ценностей, и оказывается, что то положение дел, о котором говорится, можно отнести к одной или другой границе шкалы. Так, в предложении *Двадцать крон я за нее отдала!* содержится идея о том, что двадцать крон – это очень много, а в предложении *У тебя уже есть сын?!*, напротив, предполагается, что слушающему слишком мало лет для того, чтобы иметь ребенка.

---

[7] Вместо нового термина "информация о положении дел" здесь можно также использовать термины "пропозиция" (в противовес истинностному значению) или "диктум" (по Ш. Балли [Балли 1955]) в противовес модусу. Мы вводим новый термин, чтобы избежать груза ненужных ассоциаций и обсуждения вопроса правомочности использования этих терминов, отдавая себе отчет в том, что необходимые понятия уже разработаны в логике и лингвистике.

Сочетаемость эмфазы с компонентами речевых актов не столь очевидна, как сочетаемость с ними контраста. Комбинация эмфазы с не-конституирующими компонентами речевых актов затруднена. В примерах, где она возможна, она поддержана лексическими эмфатическими средствами, например, словом *такой*. Приведем пример с эмфатической темой: *Такую огромную↑ котлету мне ни за что не съесть*↘ (мы оставляем здесь интонацию эмфазы на словоформе *такую* не помеченной, на ней зафиксирован только знак темы *↑*). Прототипический способ выражения эмфазы – эмфатическая интонация.

1.14. Средства выражения коммуникативных значений в русском языке сводятся к следующему: (1) речеактовые коммуникативные значения маркируются фразовыми акцентами, лексически (так, для речевого акта вопроса лексическое выражение – с помощью вопросительного слова – регулярно) и морфологически (так, императив маркируется наклонением), 2) модифицирующие значения (контраст и верификация) – интенсивностью фразового акцента (графически это изображается не одной стрелкой, а двумя) и лексически, а (3) сфера действия коммуникативных значений (объем коммуникативной составляющей) – выбором акцентоносителя в коммуникативной составляющей.

Покажем, что при разных коммуникативных структурах и одной лексико-синтаксической структуре акцентоносители могут быть различны. В предложении *Короткие юбки снова вошли в моду*↘ рему *снова вошли в моду* оформляет ударение на словоформе *моду*, подобно тому, как фразовое ударение формирует фонетическое слово, делая его фонетически отдельным от других слов. Между тем в предложении с тем же лексико-синтаксическим составом, но другим объемом коммуникативных составляющих (в нем одна коммуникативная составляющая – это цельная рема), ударение – на словоформе *юбки:* ⟨*– Что ты так радуешься?*⟩ *– Короткие юбки*↘ *снова в моду вошли.*

Средства выражения речеактовых (1) и модифицирующих (2) коммуникативных значений мы рассмотрели выше при обсуждении коммуникативных значений. Рассмотрим теперь средства выражения объема коммуникативной составляющей (3). В следующем разделе будут введены группы правил для составляющих различной синтаксической природы. Коммуникативная составляющая может быть именной группой (*Вася*), глагольной группой (*читает книгу*), целым предложением (⟨*Тише,*⟩ *Вася книгу читает*), двумя и более синтаксическими составляющими, не сводимыми к одной (⟨*Не курицу лис, подстерег*⟩ *монах девку*), нулевой составляющей (*А Вася?*, где собственно вопросительная часть *где?* или *пойдет?* утрачена при эллипсисе), разрывной составляющей (*Выходит* ⟨*Анка*⟩ *замуж*), подчиненной составляющей, которая сама входит в более крупную синтаксическую составляющую (⟨*Селедку купила*⟩ *баночного посола;* ⟨*Жену он себе выбрал*⟩ *красивую;* ⟨*Затормозил он*⟩ *резко*).

Перейдем к рассмотрению групп правил выбора акцентоносителя.

1.14.1. Правила выбора акцентоносителя коммуникативной составляющей. Существует несколько групп правил выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей в зависимости от ее синтаксического статуса: правила выбора акцентоносителя в именной и глагольной группе (NP и VP); правила выбора акцентоносителя в нексусной составляющей, т.е. когда коммуникативная составляющая – это все предложение в целом (S), раздел 1.14.1.1; правила выбора акцентоносителя в контрастной коммуникативной составляющей, раздел 1.14.1.2; правила выбора акцентоносителя в верификативной составляющей, раздел 1.14.1.3; правила выбора акцентоносителя в синтаксически сложной коммуникативной составляющей, которая состоит из двух или более синтаксических составляющих, не сводимых к одной, раздел 1.14.1.4. На правилах выбора акцентоносителя в именных NP и глагольных группах VP мы не останавливаемся, т.к. эта задача решена в работах И.И. Ковтуновой [1976: 146], см. также [Николаева 1982: 9; Кодзасов 1993: 183]. Мы приведем только примеры (следуя за

И.И. Ковтуновой, мы выделяем акцентоноситель прописными буквами): *белый от инея ПОЕЗД; поезд из САРАТОВА; натюрморт с зеленой лампой на фоне ночного НЕБА; быстро СКРЫЛСЯ; скрылся за ближним ЛЕСОМ; умеет писать друзьям длинные письма на десяти СТРАНИЦАХ.*

1.14.1.1. Акцентоноситель в составляющей, равной целому предложению выбирается в соответствии со следующими правилами: в предложении, где есть подлежащее и дополнение, ударение падает на дополнение, если оно новое (⟨– *Что случилось?*⟩ – *Иванов руку ↘ сломал*); если оно старое (активированное) – ударение падает на подлежащее [⟨– *Что случилось с часами?*⟩ – *Их дети ↘ уронили* (ср. ⟨– *Что случилось?*⟩ – *Дети часы ↘ уронили*)]; если в предложении имеется подлежащее и сказуемое, ударение падает на подлежащее (⟨– *Ты что ходишь на цыпочках?*⟩ *Бабушка ↘ спит*). Если в предложении несколько актантов, то ударение падает на "последний" (предполагается, что актанты глагола пронумерованы): ⟨– *Почему так пусто в отделе?*⟩ – *Директор пять человек в Москву для обмена опытом ↘ командировал*. Таким образом, акцентоноситель, выбранный по синтаксическому признаку, уступает свое право "предыдущему" акцентоносителю, если он сам уже активирован в предтексте. Значит, если в предложении n актантов, и n-й актант – активированный, то акцентоноситель – n-1-й актант. Это же правило можно распространить не только на актанты, но и вообще на всю иерархию акцентоносителей. Так, если в предложении есть актант и сирконстант и актант – активированный, то роль акцентоносителя уходит к сирконстанту, несмотря на то, что в общем случае у него меньше шансов стать в предложении рассматриваемого типа акцентоносителем. Кроме того, актант может уступать свое право акцентоносителя, если он "не-прототипический". Так, "неодушевленное" подлежащее может иметь приоритет перед "одушевленным" дополнением: ⟨– *Почему же вы уехали?*⟩ – *Катю совесть ↘ замучила* (но ср. *Здесь нацисты людей ↘ замучили*). Приведем иерархию компонентов предложения в соответствии с их готовностью принять на себя роль акцентоносителя коммуникативной составляющей типа S. Элементы приводятся в порядке возрастания их права на роль акцентоносителя: активированные, обстоятельства образа действия, сказуемое, сирконстанты, подлежащее, другие актанты в порядке их следования в предположении, что актанты каждого данного предиката упорядочены.

1.14.1.2. Акцентоноситель в контрастной составляющей определяется в соответствии со следующими правилами. Если под контраст попадает референт одиночной словоформы, то она ударна и образует цельную контрастную составляющую: *Воскресную ↑↑ ⟨прогулку пришлось отложить окончательно⟩*. Здесь словоформа *воскресную* служит носителем контрастного ударения, так как ее референт подвержен контрасту: воскресная прогулка противопоставлена как минимум субботней, а может быть, и какой-то еще. Словоформа *воскресную* составляет контрастную тему анализируемого предложения. Если контрасту подвержен референт составляющей, которая представляет собой именную или глагольную группу или целое предложение, то акцентоноситель выбирается в соответствии с правилами для VP, NP или S. Так, если воскресная прогулка противопоставлена вечернему чаю [пример (а)], то в составляющей *воскресная прогулка* акцентоноситель – слово *прогулка*, если писание стихов противопоставлено вспахиванию земли [пример (б)], то в составляющей *пишет стихи* ударение на словоформе *стихи*. Если писание стихов Васей противопоставлено вспахиванию земли Ваней [пример (в)], то акцентоноситель в составляющей *Вася пишет стихи* – на словоформе *стихи*. Ср.: (а) *Воскресную прогулку ↑↑ пришлось отложить, а традиционный вечерний чай остался в распорядке дня;* (б) *Он пашет землю, а не пишет стихи ↘↘*; (в) *Я рад тому, что Вася стихи ↘↘ пишет, а не тому, что Ваня землю пашет*. В рассмотренных примерах (а)–(в) неважно, о контрастной теме речь

или о контрастной реме, – акцентоноситель здесь выбирается по общим правилам. В *да-нет*-вопросе (контрастном) и в контрастном не-вопросительном компоненте вопроса акцентоноситель выбирается в соответствии с теми же правилами. ⟨*Что ты так радуешься?*⟩ *Вася стихи ↑ пишет?; Вася стихи ↘* пишет // *давно ↑?*

Возникает вопрос: какова коммуникативная роль фрагментов, которые входят в одну ближайшую в дереве зависимостей синтаксическую составляющую с контрастно выделенными, но не попали в контрастную коммуникативную составляющую? Или, на примере, какая коммуникативная роль приходится на компонент *прогулку*, если под контраст подпадает словоформа *воскресную* в предложении *Воскресную ↑↑ прогулку пришлось отложить окончательно?* Если в предложении контраст приходится на конституирующий компонент – рему, вопросительный компонент вопроса или императив – то все фрагменты, входящие в соответствующую именную или глагольную группу, но не входящие в контрастную коммуникативную составляющую, отходят к не-конституирующему компоненту. Они промыкают к темам: ***Я доволен воскресной прогулкой*** ↘↘ ⟨*а не воскресным походом в театр*⟩; ***Я доволен*** *воскресной* ↘↘ ***прогулкой***; *Я* ↘↘ ***доволен воскресной прогулкой*** (здесь тема с примыкающими к ней остатками синтаксических составляющих, образовавшимися в результате контраста, помечена жирным шрифтом, а сами остатки контрастных составляющих дополнительно помечены разрядкой).

Если контраст приходится на не-конституирующий компонент, то все фрагменты, которые не попали в контрастную коммуникативную составляющую или в конституирующий компонент, приходятся на заударные компоненты коммуникативной структуры, т.е. тоже входят в не-конституирующий компонент. Примеры: *Воскресную ↑↑* ***прогулку*** *пришлось отложить.* Здесь словоформа *воскресную* – это контрастная тема, *пришлось отложить* – это рема, а словоформа *прогулку* – это заударная, или атоническая, тема (здесь она помечена жирным шрифтом). Кроме того, элементы, не попавшие под контраст или в конституирующий компонент, могут находиться – в соответствии со своей синтаксической ролью – в абсолютном начале предложения: ***Воскресная*** *прогулка ↑↑* ⟨*прошла великолепно, а традиционному воскресному чаю в саду помешал дождь*⟩. Для элемента, вроде словоформы *воскресная* в последнем примере, авторы Э. Валльдуви, Э. Энгдаль [Vallduví, Engdahl 1996] предусматривают термин "link." Link – это фрагмент темы (а мы будем использовать его для любого не-конституирующего компонента коммуникативной структуры, т.е. не только для темы повествовательного предложения), который унаследован из предтекста – лингвистического или экстралингвистического – и находится в начале предложения.

Итак, при анализе контрастных коммуникативных составляющих возникает вопрос о коммуникативном статусе периферийных коммуникативных компонентов, таких, как "остатки" синтаксических составляющих, образовавшихся в результате контраста.

1.14.1.2.1. Периферийные коммуникативные компоненты. Рассмотрим коммуникативные роли, которые приходятся на долю второстепенных компонентов коммуникативной структуры предложения. Эта задача возникает как результат описания структуры контрастной коммуникативной составляющей, но представляет самостоятельный интерес, так как проливает свет на более широкий круг коммуникативных явлений.

1.14.1.2.1.1. Атоническая тема – компонент коммуникативной структуры, который, с точки зрения плана выражения, произносится на ровном тоне в аллегровом темпе и без пауз внутри этого фрагмента. Он расположен после другого, ударного, компонента коммуникативной структуры. С точки зрения плана содержания атоническая тема – это коммуникативная ниша для того, что говорящий полагает не самым важным, то, что, быть может, уже известно из самого ближайшего предтекста, или то, что, по мнению говорящего, сопутствует основному содержанию высказывания. Атоническая тема – это, в частности, коммуникативное пристанище для говорящего, потому что

туда попадают его ремарки [пример (а)], эмоциональные и вероятностные оценки сообщаемого [пример (б)], другие парентезы и обращения [пример (в)]: (а) *Дубечня – **так называлась наша первая станция** – находилась в семнадцати верстах от города* (А. Чехов); (б) *Дубечня, **к счастью**, находилась в семнадцати верстах от города*; (в) *Подвинься, **Зин*** (В. Высоцкий), в примерах (а)–(в) атонические темы помечены жирным штрифтом.

В атонической позиции может располагаться глагол, прикрытый справа и слева своими актантами. Я. Фирбас называет такой глагол переходом (transition) [Firbas 1956; 1961]. Если "левый" актант выражен одним полноударным словом, то глагол попадает в позицию, описанную Б. Дельбрюком [Delbrück, Windisch 1878] и Я. Ваккернагелем [Wackernagel 1892][8]. На такое свойство глагола указывал сам Ваккернагель в своем знаменитом труде об индоевропейском порядке слов [Wackernagel 1892]. Так возникает проблема расширенного понимания закона Ваккернагеля. Перспектива расширения, во-первых, угадывается в труде самого Ваккернагеля, указавшего на возможное атоническое употребление глагола. Таким образом, демонстрируется, что во второй позиции могут оказаться не только фразовые частицы, но и глаголы. И во-вторых, другие авторы, объясняя некоторые исключения из действия закона Ваккернагеля, указывали на то, что вести отсчет позиций иногда приходится не с начала предложения, а от некоего "барьера" внутри предложения, обусловленного коммуникативной или синтаксической структурой предложения [Зализняк 1993: 286–287; Красухин 1997]. Атоническая тема весьма часто совпадает со второй позицией в предложении, т.е. той позицией, которую описал Ваккернагель как пристанище для так называемых фразовых частиц в тех языках, где действует закон Ваккернагеля.

Ситуацию спада для атонической темы в русском языке образуют все вторые позиции после релевантного для коммуникативной структуры предложения ударения, т.е. позиция и после полноценной темы, и ремы, маркированных акцентами ИК-1 и ИК-3, а также после контрастных акцентов, например ИК-2. Ударение ИК-6 (*Приходит* ┌˙ *муж домой* ↘), наравне с подъемом и каденцией, участвует в образовании атонических тем. Здесь словоформа *муж* – это атоническая тема. Если первое слово в предложении имеет акцент ИК-1 [пример (а)], ИК-3 [пример (б)] или ИК-6 [пример (в)], то атоническая тема, которая возникает после такого слова, оказывается в позиции, описанной Ваккернагелем: (а) ⟨*Пришел больной к врачу.*⟩ *Осмотрел* ↘ *врач больного;* (б) *Больной* ↗ *назавтра пришел в себя* ↘; (в) *Приходит* ┌˙ *муж домой* ↘. Здесь темы *врач больного, назавтра* и *муж* – это заударные атонические темы, которые одновременно можно назвать ваккернагелевскими темами.

За точку отсчета при определении атонической темы берется не слово, как это предусматривает формулировка закона Ваккернагеля, а коммуникативная составляющая, которая может быть крупнее, чем слово. Поэтому атоническая тема оказывается в ваккернагелевской позиции только тогда, когда начальная коммуникативная составляющая представляет собой одно слово. Далее, позиция Ваккернагеля – это вторая позиция после полноударного слова, а атоническая тема – это вторая позиция не просто после ударного слова, а после носителя коммуникативно релевантного акцента – ИК-1, ИК-3 или ИК-6. Если носитель коммуникативно релевантного ударения совпадает со всей коммуникативной составляющей и начинает предложение, то атоническая тема оказывается в позиции Ваккернагеля.

Заметим, что заударная позиция может остаться невостребованной в качестве позиции спада, т.е. после нее может возникнуть другая "ударная" составляющая. Так, после ИК-3 может возникнуть второе ударение ИК-3: *На другой день* ↗, *в двенадцатом часу утра* ↗ *гробовщик и его дочери* ↗ *вышли из калитки* (А. Пушкин). Здесь после темы *на другой день* имеется вторая полноценная тема *в двенадцатом часу утра*, а после этой – и третья *гробовщик и его дочери* [Падучева 1984].

---

[8] В формулировке К. Уоткинса закон Ваккернагеля гласит: "в индоевропейском... энклитики занимают вторую позицию в предложении" [Watkins 1964: 1036].

Вторая позиция после темы – это прототипическая позиция для атонической темы. Она не только заударная, но и предударная. Это позиция между двух огней: темой и ремой. Мы позволяем себе обобщить понятие ваккернагелевской позиции и подвести под него под именем атонической темы более широкий круг коммуникативно теневых позиций в предложении, т.е. не только второй, и не только после первого полнозначного слова, но и других, не-прототипических. Мы называем атонической любую позицию спада, т.е. заударную, которая становится пристанищем для всех коммуникативно не релевантных компонентов коммуникативной структуры. Эти позиции возникают после темы (*Больной↑* ***назавтра*** *пришел в себя*); после ремы (*Он стар↘* ***для тебя***), в частности, в абсолютном начале не-первого предложения текста, т.е. после ремы или другого ударного элемента предыдущего предложения в контексте повтора (⟨*Что с Васей↘?*⟩ – ***С Васей*** *беда*); после фрагмента разрывной сложной ремы (*Приходит ↱* ***муж*** *домой↘*). В атоническую позицию попадают "обрубки" синтаксических составляющих, которые остаются в результате контраста, например, *прогулку* в *воскресную↑↑* ***прогулку.***

1.14.1.2.1.2. Ваккернагелевская тема. Ваккернагелевская тема – это атоническая тема, которая расположена после первого полнозначного слова в предложении.

Расширенное понимание закона Ваккернагеля нам понадобится впоследствии для описания одной из принятых в русской речи коммуникативных структур, подчиняющейся закону Ваккернагеля в расширенной интерпретации. Это коммуникативная структура с препозицией глагола и интонацией ИК-6: *Приходит ↱* ***муж*** *домой↘*; *Посадил ↱* ***дед*** *репку↘*; *Снесла ↱* ***курочка*** *яичко↘*; *Приходит ↱* ***раз Герасим Николаевич к Августе Авдеевне*** *в кабинет↘* (М. Булгаков). Такую коммуникативную структуру мы называем рецессией темы, раздел 2.3. Рецессивная тема – это частный случай атонической темы, которая одновременно находится в позиции Ваккернагеля. В примерах выше рецессивные темы помечены жирным шрифтом. Расширенное понимание закона Ваккернагеля здесь возникает в связи с тем, что во вторую позицию попадают не энклитики, а полнозначные слова и конструкции, которые при другой структуре, признаваемой нами за нейтральную, играют роль полноценных тем: *Муж↑ приходит домой↘*; *Дед↑ посадил репку↘*; *Курочка ↑ снесла яичко↘*; *Раз Герасим Николаевич↑ приходит к Августе Авдеевне в кабинет↘*. Под действие закона Ваккернагеля в ортодоксальном смысле попадают слова, "словесно безударные", т.е. не образующие фонетического слова, или, иначе, не несущие словесного ударения. В рассматриваемых же предложениях с рецессией фрагменты предложений "безударны" с точки зрения коммуникативно релевантных ударений (на них нет ИК-1, ИК-3, ИК-6), а словесное ударение в них есть. Остальные требования закона Ваккернагеля здесь выполняются: позиция, которую занимает ретировавшаяся с передней линии тема, – это всегда вторая позиция после первого полнозначного слова, в данном случае – после глагола.

Еще одним важным источником ваккернагелевских тем служит коммуникативная структура с глаголом-темой и актантом или обстоятельством-ремой. Другие – активированные – актанты глагола могут в таком случае оказаться в ваккернагелевской позиции после глагола. Так, в примере ⟨*Служил ↱ на Кавказе один барин↘.*⟩ *Звали↑ его Жилин↘* (Л. Толстой) во втором предложении глагол – это тема, потому что сообщение о том, как звали барина, предвосхищено введением героя в рассмотрение в первом предложении. Тогда словоформа *Жилин* – актант глагола *звали* – служит в этом предложении ремой, а другой актант – *его* – это ваккернагелевская тема. Сравним другую пару предложений ⟨*Пришло ↱ ему раз письмо из дома↘.*⟩ *Пишет↑ ему старуха мать↘* (Л. Толстой). В последней паре примеров ситуация получения Жилиным письма из дома, зафиксированная в первом предложении, индуцирует

появление во втором предложении глагола *пишет*, который играет роль темы. Фрагмент *старуха мать* играет в этом предложении роль ремы, а местоимение *его* – это тоже ваккернагелевская тема.

1.14.1.2.1.3. Парентеза. Как соотносится понятие атонической темы с понятием парентезы? Парентеза – это один из компонентов семантико-синтаксической структуры предложения, который коммуникативно реализуется как атоническая тема. Синтаксически парентезы не связаны с остальным предложением и выражают оценки и метатекстовые связи пропозиции, которая остается за вычетом парентетического компонента. Семантическая связь парентетического выражения с основным высказыванием выражается в том, что основное высказывание заполняет пропозициональную семантическую валентность парентетического выражения. В семантической структуре предложения фрагмент, относимый к парентезе, играет роль вершинного предиката по отношению к основной пропозиции. Атоническая тема – это коммуникативная роль для более широкого круга явлений, чем парентеза. Парентеза – это элемент, находящийся за пределами синтаксической структуры предложения, а, скажем, остатки именных и глагольных групп, которые получаются в результате контраста, – это тоже атонические темы, но не парентезы, и они входят в синтаксическую структуру предложения. Парентезы и остатки контраста – это не единственные претенденты на заполнение атонических позиций.

Обсудив понятия, связанные с периферийными коммуникативными ролями, которые возникли в связи с описанием плана выражения контраста, но имеют более широкую применимость в теории коммуникативной структуры, продолжим обсуждение плана выражения других коммуникативных значений.

1.14.1.3. Акцентоносителем в верификативной составляющей служит глагол в личной форме: *Вася уже пришел* \\. Если в предложении глагольная связка опущена, то в соответствующем верификативном предложении она восстанавливается, ср.: *Вася учитель – Вася и есть* \\ *учитель*.

1.14.1.4. Правила акцентуации в коммуникативной составляющей, равной двум синтаксическим составляющим, не сводимым к одной. Рассмотрим примеры: ⟨*Не курицу лис,*⟩ *Подстерег // монах девку; Они сфотографировались // в Москве на Арбате; Он наведывается сюда // изредка в одну соседскую семью* (две косые черты отделяют тему от ремы). Здесь в реме вычленяются две синтаксические составляющие *монах* и *девку; в Москве* и *на Арбате; изредка* и *в одну соседскую семью*, и в каждой из них выбирается акцентоноситель в соответствии с правилами выбора акцентоносителя в именных и глагольных группах. (Заметим, что в данном примере задача решается для рем.) Далее, первая синтаксическая составляющая получает восходящий акцент типа ИК-6 (↱), а вторая маркируется рематическим падением тона: *Подстерег* ↑ *// монах* ↱ *девку* ↘; *Они сфотографировались* ↑ *// в Москве* ↱ *на Арбате* ↘; *Он наведывается* ↑ *сюда // изредка* ↱ *в одну соседскую семью* ↘.

1.15. О границе между темой и ремой. Полученные правила выбора акцентоносителя в коммуникативных составляющих различной синтаксической природы приближают нас к разрешению "больной" проблемы теории коммуникативной структуры – проведению границ между темой и ремой. Нельзя, однако, не признать, что во многих случаях однозначное решение здесь невозможно по двум причинам: (1) из-за вариативного плана выражения не-конституирующих компонентов и (2) из-за широкой омонимии, возникающей при выборе акцентоносителя коммуникативной составляющей. Так, в коммуникативной составляющей *пишет стихи* акцентоноситель тот же, что и в составляющих *стихи* и *Вася пишет стихи*.

Выше, на примере лексико-синтаксической структуры *Короткие юбки снова вошли в моду* мы показали, что акцентоносители в коммуникативных составляющих разного объема могут быть различны. Приведем другой пример. Рассмотрим неразмеченное предложение с лексико-синтаксической структурой *Вступает в силу новый закон*.

Пусть в этом предложении *новый закон* – тема, а *вступает в силу* – рема. В соответствии с рассмотренными выше правилами в коммуникативной составляющей *вступает в силу* акцентоносителем будет словоформа *силу*. И все предложение, расчлененное на тему и рему, получит вид: *Новый закон вступает в силу* ⟍. А при объеме составляющей, равной всему этому предложению, акцентоносителем станет слово *закон*, и коммуникативно нерасчлененное предложение будет, соответственно, иметь вид *Вступает в силу новый закон* ⟍ или при другом порядке слов, но с сохранением акцентоносителя: ⟨ – *Что ты так радуешься?*⟩ – *Новый закон* ⟍ *в силу вступает*. Рассмотренные два коммуникативных членения – это не исчерпывающий список коммуникативных структур, возможных при данной лексико-синтаксической структуре. Задачу исследователя облегчает то, что все возможные здесь другие коммуникативные членения легко вычисляются по контексту. Так, еще одна не рассмотренная выше коммуникативная структура с акцентоносителем *закон* может быть получена в следующем контексте, имеющем, впрочем, искусственный характер: ⟨– *Что там новенького вступает в силу?*⟩ – *Вступает в силу новый закон* ⟍. Здесь *вступает в силу новый* – это тема, а *закон* – рема.

Таким образом, дополнительным фактором, позволяющим сделать границу между темой и ремой более определенной, служит контекст, например, контекст повтора, который может навязывать фрагменту роль темы, а рема тогда легко вычленяется по остаточному принципу. Этот принцип используется при применении метода вопросов.

Еще одним фактором, служащим решению задачи отделить тему от ремы, служит инвентаризация особых коммуникативных стратегий, которой посвящен следующий раздел. Семантический эффект, производимый коммуникативной структурой в тексте, позволяет осуществить ее атрибуцию и идентифицировать ее коммуникативные составляющие.

Невзирая на все рассмотренные факторы, нельзя не признать, что омонимия в этой сфере языка распространена гораздо более широко, чем в других сферах. Рассмотренные средства выражения коммуникативной структуры иногда позволяют однозначно идентифицировать только выражаемый коммуникативными структурами тип речевого акта, когда мы знаем, где кончается рема, но не всегда точно знаем, где она началась. Случается, что это приводит лингвистов к сомнениям в подлинном существовании языковых единиц, называемых коммуникативными конституентами высказывания. Выше мы надеялись показать, что темы и ремы существуют, несмотря на то, что граница между коммуникативными компонентами предложения остается зыбкой. Существование неразрешимых случаев омонимии – это известное свойство языка.

Основной результат первой части состоит в построении своего рода исчисления коммуникативных структур русского языка. Рассмотрен инвентарь элементарных коммуникативных значений, их сочетаемость и средства выражения коммуникативных значений и их комбинаций. Таким образом, показано, что коммуникативные значения образуют структуру, которая обнаруживается средствами "компонентного" анализа коммуникативных значений.

2. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РУССКОЙ РЕЧИ

Во второй части статьи рассмотрены некоторые особые коммуникативные стратегии, выработанные русской речью для создания ярких коммуникативных эффектов, при которых достигается существенный вклад коммуникативной структуры в семантическую. Вариативность коммуникативных структур относительно лексико-синтаксической структуры может объясняться и контекстными факторами, из которых важнейший такой: то, что активировано, стремится быть темой, а то, что ново для слушающего, – это рема. Однако контекстные факторы при анализе особых коммуникативных стратегий не релевантны: они не образуют коммуникативных хитросплетений, с которыми связано существенное приращение смысла. Мы рассмотрим коммуни-

кативные стратегии, которые представляют собой результат специального коммуникативного замысла говорящего, когда за счет нестандартного расположения коммуникативных компонентов предложения относительно друг друга достигаются особые семантические эффекты. Эти стратегии сложились в русской речи, и говорящий при реализации своего намерения пользуется готовыми образцами. Так, когда мы говорим *Прихожу я вчера домой.* ⟨*Вижу,что никого нет дома*⟩, мы пользуемся готовой моделью устной речи, специально предназначенной для живописания картин прошлого, которого мы были свидетелями, или будущего, которое открывается нашему мысленному взору: *Поеду я завтра на дачу.* Эта модель широко представлена в сказках (*Посадил дед репку*), анекдотах (*Возвращается муж из командировки*), занимательных историях (*Поднимается он вновь по лестнице... И вдруг видит: сидит покойник Василий Леденцов на столе и сапог зашнуровывает* (М. Зощенко); *Служил на Кавказе офицером один барин... Пришло ему раз письмо из дома* (Л. Толстой)). Данная коммуникативная стратегия предназначена для воссоздания мысленного о б р а з а действительности. Говорящий делает вид, что прошлое или будущее у него как перед глазами. А для репортажа о том, что у него действительно перед глазами, данная коммуникативная стратегия не годится: **Докладываю: поднимается подозреваемый к себе в квартиру, включает свет, закрывает за собой дверь; *Выходит на площадку запасной Пашутин* (ср.: *Выходит вчера на площадку запасной Пашутин, забивает трехочковый и быстро выводит команду из тупика*).

В работах И.И. Ковтуновой [Ковтунова 1976] введено и в работах Е.В. Падучевой [Падучева 1984; 1985] развито понятие к о м м у н и к а т и в н о й п а р а д и г м ы – класса предложений с одинаковой лексико-синтаксической, но различной линейно-акцентной структурой. В коммуникативной парадигме выделяется нейтральный член, у которого вклад коммуникативной структуры в семантическую минимальный. Различия между членами коммуникативной парадигмы описываются в терминах линейно-акцентных преобразований, которые происходят с нейтральными, или исходными, членами коммуникативной парадигмы. Линейно-акцентные преобразования характеризуются планом выражения и планом содержания. При линейно-акцентных преобразованиях нейтральных структур возникают коммуникативные структуры, которые отражают воздействие контекста, или структуры с "богатым" планом содержания, выдающим особые коммуникативные стратегии говорящего, который имеет в виду нечто большее, чем просто отразить в словах некоторое положение дел для сведения слушающего.

Традиционно считается, что линейно-акцентные преобразования нейтральных структур могут также отражать действие контекста или присутствие модифицирующих коммуникативных значений, таких, как контраст или эмфаза. Линейно-акцентные преобразования, связанные с этими факторами, в данном разделе не рассматриваются.

2.1. Тематизация бытующего предмета используется в предложениях введения в рассмотрение нового объекта или бытования объекта в некоторой области бытия; при такой стратегии "меняются местами" область бытия (место) и бытующий предмет – бытующий предмет становится темой и помещается в препозицию, а место занимает рематическую позицию: *Шестая дивизия ↑ скопилась в соседнем лесу ↘* (И. Бабель). Нейтральная структура здесь была бы такая: *В соседнем лесу ↑ скопилась шестая дивизия ↘*. Как показала Н.Д. Арутюнова, нейтральные бытийные предложения строятся по образцу "локализатор (или место) – бытийный глагол (или глагол, содержащий в своем значении бытийный компонент) – бытующий предмет": *В этом краю ↑ есть леса ↘* [Арутюнова, Ширяев 1983: 53–55]. Локализатор *в этом краю* здесь тема, а глагол в сочетании с именем бытующего предмета – рема, бытующий предмет *леса* – собственно рема, т.е. ударное слово ремы. Термин "тематизация бытующего предмета" используется для того, чтобы показать производность данной коммуникативной структуры, потому что бытующему предмету в норме положено быть ремой. Между тем в

предложениях с тематизацией он занимает ненавязчивую позицию темы, т.е. вводится как уже освоенный и знакомый. Предложения с тематизацией бытующего предмета уподобляются нейтральному типу предложений характеризации (по Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, Ширяев 1983: 10]); таких, как *Вася пошел в школу*, так как рематический акцент получает компонент предложения, имеющий характеризующее значение.

Предложения с тематизацией бытующего предмета широко употребляются в описательных художественных текстах, где для каждого предмета, который представляет собой элемент общей картины, принята следующая схема представления: предмет – его локализация. Такая диспозиция противоположна нейтральной: локализация – бытующий предмет. Так, фрагмент из произведения Бабеля ... *беспечная серьга ↑ колыхалась в ухе Суровцева ↘, круглые башни ↑ вырастали из рва, заросшего желтой скатертью цветов ↘ ... голубая ступень ↑, остаток лестницы, по которой поднимались когда-то польские короли, блестела в кустарнике ↘* при нейтральной расстановке коммуникативных сил имел бы следующий вид: *В ухе Суровцева ↑ колыхалась беспечная серьга ↘. Из рва ↑, заросшего желтой скатертью цветов, вырастали круглые башни ↘. В кустарнике ↑ блестела голубая ступень ↘.*

2.2. Суперпозиция ремы. При суперпозиции ремы рематизуются локализатор и бытующий предмет одновременно: *Новые волнения ↘ вспыхнули в этом году на улицах Бруклина ↘*. Соответствующее нейтральное предложение: *На улицах Бруклина ↑ в этом году вспыхнули новые волнения ↘*. Суперпозиция ремы возможна не только в бытийных предложениях, но и в предложениях характеризации: *Проржавевшую авиационную бомбу ↘ подняли со дна моря тралом рыбаки Тихоокеанского флота ↘*. Нейтральная коммуникативная структура здесь была бы такая: *Рыбаки Тихоокеанского флота ↑ подняли со дна моря тралом проржавевшую авиационную бомбу ↘*. Суперпозиция ремы служит для сгущенной подачи смысла, достигаемой за счет присутствия в предложении сразу двух сообщений и, соответственно, двух рем. При такой изысканной стратегии достигается особая коммуникативная напряженность, которая широко используется в художественных и публицистических текстах. Это сугубо литературная стратегия письменного текста, специально предназначенного для чтения вслух. Предложениями с суперпозицией ремы не говорят, а пишут, чтобы потом прочесть. В разговорной речи предложения с заключенными в них двумя сообщениями были бы разбиты на два: *Со дна моря поднята проржавевшая авиационная бомба. Ее выловили вчера рыбаки Тихоокеанского флота.* В предложениях с суперпозицией ремы особая дозировка информации, и присущая им двойственность не имплицитная, а вполне весомая, потому что от каждого сообщения в предложении остается по реме. Характерно, что каждая из рем связана с определенным аспектом семантической структуры такого сложного в семантическом и коммуникативном отношении образования: начальная рема вводит в рассмотрение новый объект (или событие), а конечная – дает ему дальнейшую характеристику, поэтому суперпозиция ремы возможна как в бытийных предложениях, так и в предложениях характеризации.

Таким образом, коммуникативная идея, присущая предложениям с суперпозицией ремы, или, иначе говоря, заключенная в них коммуникативная стратегия, состоит в двойной концентрации смысла на один речевой акт. Дальняя цель такой коммуникативной стратегии – произвести особое впечатление на сознание адресата. Она очень характерна для рассказов Бабеля, а также для прозы Пушкина и Паустовского. В устном исполнении специфический интонационный контур предложений с суперпозицией ремы, когда на первую именную группу предложения, обозначающую основной предмет сообщения, падает рематический акцент, можно часто наблюдать в речи дикторов радио и телевидения при сообщении новостей: более подробно о суперпозиции ремы см. [Янко 1994].

2.3. Рецессия темы и ее частный случай д и с л о к а ц и я сложной ремы служат для того, чтобы убрать участников ситуации с начальной заглавной позиции и привлечь внимание адресата к ситуации в целом; о дислокации см. [Ковтунова 1976: 121]. При рецессии темы используется порядок слов с препозицией глагола. Это коммуникативная стратегия бытует в повествовательных текстах и в разговорной речи для передачи картин, которые разворачиваются перед мысленным взором говорящего: *Посадил ↱ дед репку ↘; Выходит ↱ Анка замуж ↘; Служил ↱ на Кавказе офицером один барин ↘; Сидит ↱ чукча на барже ↘; Напеку ↱ я завтра с утра блинов ↘.* В таких предложениях имена известных героев, которым было бы естественно служить полноценной темой – дед, Кавказ, чукча, говорящий – убраны на задний план – в заударную позицию между частями сложной (дислоцированной) ремы (*Выходит* ***Анка*** *замуж*) или в абсолютный безударный конец после глагола-ремы (⟨*Приходит больной к врачу*⟩. *Осмотрел ↘* ***врач больного***), в двух последних примерах рецессивные темы выделены жирным шрифтом. Предложения с препозицией глагола и рецессивной темой отличаются от предложений с препозицией глагола, где глагол – это тема: ⟨*Завтра я уезжаю.*⟩ *Проводит ↑ меня Вася ↘.*

В [Падучева 1985: 120] структура, подобная той, которую мы вычленяем в последнем примере, рассматривается как контрастная дислокация сложной ремы, ср.: *Живут ↑ строители по всей трассе канала ↘; Выглядит ↑ она превосходно ↘.* Представляется, однако, что в последних примерах начальный глагол – это не фрагмент дислоцированной ремы, а тема. Предложения с глаголом-темой возникают в тех случаях, когда ситуация обозначенная глаголом, активируется в предтексте. Так, во втором предложении из фрагмента текста *Вчера я встретил Машу. Выглядит ↑ она превосходно ↘* глагол – тема, обстоятельство – рема, а актант глагола *она* – ваккернагелевская тема. Аналогично, в примере *Служил ↱ на Кавказе один барин ↘. Звали ↑ его Жилин ↘* (Л. Толстой) в первом предложении глагол – это фрагмент дислоцированной ремы *служил барин*, а во втором – глагол – это тема, потому что то, как звали барина, активировано в первом предложении введением героя в рассмотрение. Таким образом, в предложениях *Служил ↱ на Кавказе один барин ↘* и *Звали ↑ его Жилин ↘* разные коммуникативные структуры. В первом предложении – дислокация сложной ремы, а во втором – коммуникативная структура с глаголом-темой. И средства выражения этих коммуникативных структур различны: в первом предложении на глаголе фиксируется акцент ИК-6, и ИК-3 там не может быть, а во втором – глагол служит носителем "тематического" акцента ИК-3 или его варианта в данной позиции – ИК-6. Коммуникативная структура с глаголом-темой в большей степени отражает воздействие контекста, чем служит результатом специальной коммуникативной стратегии говорящего. Она навязана говорящему предшествующим контекстом и тем самым ограничивает его выбор. Между тем при использовании специальных коммуникативных стратегий у говорящего есть выбор по крайней мере из двух возможностей: выбрать специальную коммуникативную стратегию или нейтральную, соответствующую ей[9].

В предложениях с рецессивной темой отход активированных (данных или квазиданных) именных групп с начальной тематической позиции в ваккернагелевский тыл сигнализирует о том, что внимание адресата должно быть сосредоточено на событии в целом. Ни одна из именных групп при этом не рассматривается как полновесная тема и не служит, соответственно, точкой отсчета для рассмотрения события.

---

[9] Ю.С. Степанов обращает внимание на весьма ограниченную применимость предложений с начальным глаголом, высказывая несогласие с мнением Э. Бернекера [Berneker 1900], который считал, что "в русском языке порядок слов VSO (*Посеял мужик репу*) равноправен с порядком SVO и чуть ли не преобладает над ним" [Степанов 1989: 227].

Сравним употребление частицы *же* с темой *Анка* в предложении *Выходит Анка замуж*. Частица *же* берется как образец частицы, частично сохранившей в современном русском языке верность закону Ваккернагеля: ⟨*Он называл студентов по имени отчеству.*⟩ *По имени же отчеству называют людей заслуженных*. Здесь частица *же* разделяет казалось бы неделимую именную группу *имени отчеству*. Аналогично, словоформа *Анка* разделяет глагольную группу *выходит замуж*. Таким образом, мы рассматриваем предложения с рецессивной темой как подчиняющуюся закону Ваккернагеля в его расширенном понимании. При этом рецессивные темы могут рассматриваться как относящиеся ко всему оставшемуся высказыванию, т.е. к реме. Значит, у них есть общие черты с фразовыми частицами, которые тоже относятся ко всему высказыванию в целом за вычетом их самих. Рецессия тем в ваккернагелевскую позицию на "задворки" коммуникативной структуры ведет к снижению их коммуникативного ранга. Расширенное понимание закона Ваккернагеля здесь состоит в том, что рассматриваемое явление охватывает не класс "маленьких" слов или словоформ, таких, как *же*, которым в словаре предписано занимать ваккернагелевскую позицию, а целую коммуникативную категорию рецессивных тем, которые уподобляются энклитикам. Так, в предложении *Служил* ↱ *на Кавказе один барин* ↘ ваккернагелевская тема *на Кавказе* уподобляется энклитике и соответствующим образом произносится, ср.: *Служил* ↱ *там один барин* ↘.

При такой коммуникативной стратегии достигается известный эффект эвиденциальности – впечатление развертывания картины перед глазами наблюдателя. Коммуникативная стратегия с рецессивной темой специально используется в нарративных текстах: сказках, занимательных историях, анекдотах. Русские анекдоты практически всегда начинаются предложением с рецессивной темой. Это значит, что герой у анекдота есть – это Василий Иванович, Петька, Анка, чукча, Вовочка, муж, возвращающийся из командировки[10]. Он понимается как старый знакомец, но подспудно ощущается, что речь пойдет не столько о нем, сколько о той ситуации, в которой он оказался.

Расщепление синтаксически сложной ремы мы вслед за И.И. Ковтуновой называем дислокацией сложной ремы [Ковтунова 1976: 122]. В предложении из анекдота *Выходит* ***Анка*** *замуж* рема *выходит замуж*, расщепляется на две части, а тема попадает в безударную позицию между частями сложной ремы. Дислокация сложной ремы – это не единственный способ подавить тему. Если в предложении с препозицией глагола референты обоих актантов глагола активированные, то глагол – это рема, а оба актанта, расположенные за глаголом, – это рецессивная тема: ⟨*Пришел больной к врачу.*⟩ *Осмотрел* ↘ ***врач больного***. Здесь *осмотрел* – это рема, а *врач больного* – рецессивная тема. Нейтральная линейно-акцентная структура здесь была бы такая: ⟨*Пришел больной к врачу.*⟩ *Врач* ↑ *осмотрел* ↘ *больного*. В последнем предложении именная группа *врач* – это тема, глагол *осмотрел* – рема, а именная группа *больного* – атоническая тема. При рецессии темы *врач* и *больного* сливаются в одну ваккернагелевскую тему *врач больного*.

Предложения с рецессией темы могут вводить в рассмотрение новый предмет: *Приходит к врачу больной; Посадил дед репку; Снесла курочка яичко*. Здесь вводимые в рассмотрение предметы – это *больной*, *репка* и *яичко*. При этом в них сохраняется эффект эвиденциальности. В этом нет никакого парадокса, потому что эвиденциальность и введение в рассмотрение или сообщение о появлении на сцене прекрасно сосуществуют. На эффект введения в рассмотрение "работает" рематичность одного из актантов и семантика глагола, который содержит сему бытования, каузации

---

[10] Герои сказок и анекдотов – Штирлиц, Вовочка, чукча, дед и баба, старик со старухой – кочуют из текста в текст, известные всем носителям русского языка. Во всяком случае, традиция рассказывания сказок и анекдотов предполагает их известными, и коммуникативные стратегии учитывают этот фактор.

бытования или появления на сцене, а на эвиденциальность – то, что ни один из актантов не служит полномерной темой, а только рецессивной.

Если эвиденциальность и введение в рассмотрение прекрасно сочетаются друг с другом, то существуют значения, которые с эвиденциальностью несовместимы. Так, не всякий глагол может реализовать эту коммуникативную стратегию. В контексте рецессии темы невозможны, например, глаголы со значением постоянных свойств. Так, предложение *?Тонет в воде железо* приобретает нестандартное для себя значение наблюдаемого процесса погружения куска железа на дно бассейна; в норме же предложение с данной лексико-синтаксической структурой имеет линейно-акцентную структуру *Железо тонет в воде* и представляет собой предложение о свойствах железа [Булыгина, Шмелев 1997: 82].

Таким образом, рецессия темы должна находиться в гармонии с другими элементами смысла предложения и структуры текста. Во-первых, значение эвиденциальности, которое ей присуще, должно сочетаться с таксономической категорией предиката. Во-вторых, с рецессией не совместимо настоящее время в конкретно-процессном значении, поскольку она нацелена на создание образа действительности и используется в рассказе о том, что было, или в мечтах о том, что будет. Поэтому глагольное время в таких предложениях либо прошедшее, либо будущее, а настоящее, которое в них может быть, понимается как praesens scaenicum или как praesens historicum: *Возвращается Петька из разведки.*

2.4. Неингерентная тема служит для логической связи предложений в тексте и передачи иллокутивных значений, таких, как "объясняю", "делаю вывод", "предупреждаю", "советую": *Вам врача ↘ надо вызвать; ⟨А это что? – Чайка.⟩ Константин Гаврилыч ↘ убил* (А. Чехов); *⟨Худо, брат, жить в Париже:⟩ есть ↘ нечего* (А. Пушкин); *⟨Тише⟩ Бабушка ↘ спит.* Все предложение служит тогда единой ремой по отношению к отсутствующей в его составе теме. В связи с этим термин "предложения с неингерентной темой", предложенный И.М. Кобозевой и А.Н. Барановым [Баранов, Кобозева 1983], представляется очень удачным. Рема в этом случае – это больше, чем просто рема, ибо она служит наследницей тех семантических и логических отношений – причинно-следственных, изъяснительных, определительных и других, – которые существуют между предложением и предшествующим контекстом. Коммуникативная структура с неингерентной темой используется для поддержания логической связности текста. Она бытует в устной речи, когда нужно дать обоснование положению дел, представленному в предшествующем контексте, или указать на то, что предложение имеет ценность не само по себе, а подчинено некоему вышестоящему предикату пропозициональной установки. При этом, сам предикат пропозициональной установки – *объясняю, напоминаю, советую* – может быть эксплицитно не выражен. Только коммуникативная структура, наследуя коммуникативные особенности полной структуры, выражает отношение текущего сообщения к предтексту. Таким образом, коммуникативная структура таких предложений имплицитно выражает одно из перформативных значений. Для таких предложений характерна вторичная коммуникативная слитность, которая иконически поддерживается просодической нерасчлененностью. Предложения с неингерентной темой обычно короткие и произносятся, как слово, без пауз на одном дыхании.

Все активированные компоненты, которые в таких предложениях могут быть, тоже подавлены, как и в предложениях с рецессивной темой, акцент на них невозможен и они произносятся в аллегровом темпе: *⟨– Почему вы не сажаете леса из секвой?⟩ – А секвойя вырождается ↘* (ср.: *⟨– Чем вы так расстроены?⟩ – Секвойя ↘ вырождается*). Представляется, что рецессивная тема в предложениях с рецессией более весома в своей роли темы, чем предупомянутые фрагменты в предложении, у которого все средства брошены на то, чтобы сделать его цельной ремой по отношению к отсутствующей в его составе другой теме.

Были выявлены законы выбора акцентоносителя в предложениях с неингерентной темой. Эти законы под именем правил выбора акцентоносителя в нексусной составляющей мы привели в разделе 1.14.1.1 при обсуждении правил выбора акцентоносителя в коммуникативных составляющих различной синтаксической структуры. Тем самым было решено несколько задач, имеющих отношение не только к предложениям с неингерентной темой, но содержащих важные следствия для теории коммуникативной структуры. Оказалось, что акцентоносители в предложениях с неингерентной темой совпадают с акцентоносителями в контекстно независимых коммуникативно нерасчлененных предложениях и в большинстве типов придаточных предложений – придаточных изъяснительных, определительных, причинных. Таким образом, было показано, как формируется коммуникативно охарактеризованная составляющая, когда она представляет собой не именную и не глагольную группу, а целое предложение. Акцент в предложениях с неингерентной темой не направлен на выделение ударного слова, а имеет лишь ф о р м и р у ю щ у ю функцию, подобную той роли, которую играет в слове словесное ударение. Правила выбора акцентоносителя в предложениях с неингерентной темой позволяют верифицировать известные правила системного упорядочения русского языка, потому что ранжирование глагольных актантов и ранжирование групп в соответствии с их готовностью принять на себя роль акцентоносителя в предложениях с неингерентной темой совпадают.

Коммуникативные стратегии, связанные с отсутствием темы, – неингерентная и рецессивная тема – приводят нас к идее коммуникативной нерасчлененности. Между тем, в противоречие с коммуникативной нерасчлененностью вступают процессы активации. То, что активировано в предтексте, "торчит" из нерасчлененных предложений. Хорошо для исследователя, когда темы нет и не может быть, как в предложении *Стоял мороз.* Предложения с неингерентной темой, вынесенной в предтекст, тоже мощными линейно-просодическими средствами справляются с задачей нивелировать предупомянутые элементы. Кроме того, в предложениях с неингерентной темой есть "вышестоящая" (неингерентная) тема, которой они семантически подчинены. А в предложениях с рецессией процесс подавления темы не доходит до конца. Их сверхзадача – привлечь внимание к событию в целом. В этом случае достаточно просто убрать тему с заглавной позиции в позицию Ваккернагеля – после ремы или между частями расщепленной синтаксически сложной ремы. Это наводит на мысль о том, что коммуникативная нерасчлененность – шкалярное понятие[11], потому что в предложениях, которые разделяют свойства нерасчлененных, например отсутствие препозитивной темы, находятся активированные компоненты, идущие вразрез с нерасчлененной трактовкой.

В разделе **2** проанализированы особые коммуникативные структуры, выработанные русской речью и имеющие более нейтральные, чем они сами, но и менее яркие варианты. Тем самым обоснована необходимость введения понятия коммуникативной стратегии, которое особенно рельефно вырисовывается в коммуникативных структурах с богатой коммуникативной семантикой. В предложениях с суперпозицией ремы заключено одновременно два сообщения, что производит особое впечатление на аудиторию. Это коммуникативная структура письменного текста, который предназначен для устного исполнения. Не держа перед собой листа бумаги с написанным текстом, нельзя произнести предложения с суперпозицией ремы: коммуникативная структура выдает вторичный речевой акт. В предложениях с рецессией темы налицо выражаемое коммуникативной структурой значение эвиденциальности. Эвиденциальность достигается за счет отсутствия в предложениях полновесной темы. Это значит, что ни один из героев не служит полноценной коммуникативной точкой отсчета при совершении речевого акта. Когда начало предложения оголено, адресат окунается непосредственно в гущу событий и на первый план выступает внимание к событию в

[11] Т.М. Николаева отмечает, что "нерасчлененные высказывания могут отражать событие разной степени целостности" [Николаева 1982: 96].

целом. Если в предложении с препозицией глагола и уделяется внимание конкретному герою, то только как герою, появляющемуся на сцене, и его имя тогда не тема, а собственно рема: *Приходит к врачу больной* \. Несмотря на эффект эвиденциальности, в жанре репортажа рецессия темы невозможна. Никакого парадокса тут нет, потому что эта коммуникативная структура нацелена на создание образа действительности. А когда мы говорим *Там завтрак* \ *на столе,* то нет образа, а есть сама жизнь. Но за это отвечает уже коммуникативная структура с неингерентной темой, потому что она замещает отсутствующий в составе предложения вершинный предикат речевого действия. Коммуникативная структура с неингерентной темой бытует в разговорной речи, а в художественном тексте она используется для имитации живого диалога.

Итак, основной итог второго раздела – это инвентаризация, естественно, неполная, особых коммуникативных стратегий, сложившихся в русской речи. Особые коммуникативные стратегии демонстрируют возможности коммуникативных структур при передаче смысла. Анализ таких стратегий представляет и самостоятельный интерес, так как дает возможность более глубокого проникновения в замысел говорящего, в частности, в замысел писателя.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье предложен понятийный аппарат и соответствующий метаязык для описания коммуникативных структур языка. Коммуникативная структура рассматривается прежде всего как выразитель значения речевого акта. Выделено три типа коммуникативных значений: коммуникативные значения, конституирующие речевые акты, неконституирующие коммуникативные значения, противопоставленные конституирующим, и модифицирующие коммуникативные значения. Коммуникативные значения первых двух типов совместимы со значениями третьего типа в пределах единого фрагмента предложения. Рассмотрены средства выражения коммуникативных значений и их комбинаций в русском литературном языке. Основное средство выражения конституентов речевых актов – линейно-акцентная структура, модифицирующих значений – интенсивность фразовых акцентов, а объема (сферы действия) коммуникативных значений – принцип выбора акцентоносителя. Рассмотрены и лексические средства выражения коммуникативных значений. Предложено трактовать слова типа *только* как слова контраста и отличать их от слов типа *редко*, которые интерпретируются как слова ремы. Введено понятие коммуникативной стратегии, которое проиллюстрировано коллекцией особых коммуникативных стратегий, конвенционализованных русским узусом. Разработаны принципы описания коммуникативных структур с "богатой" коммуникативной семантикой. Предложено расширенное понимание закона Ваккернагеля, и рассмотрена коммуникативная структура, бытующая в русской устной речи и следующая закону Ваккернагеля в его расширенной интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1988 – Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. 1983 – Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.

Балли Ш. 1955 – Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Баранов А.Н., Кобозева И.М. 1983 – Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // ИАН СЛЯ. 1983. № 7.

Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. 1987 – Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.

Бергельсон М.Б. 1998 – Речевые стратегии и формирование пропозициональной структуры в диалоге // Труды Международного семинара "Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям". Т. 1. Казань, 1998.

Богуславский И.М. 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Богуславский И.М. 1998 – Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. 1998.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997 – Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Зализняк А.А. 1993 – Место энклитик в предложении и их порядок // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993.

Кибрик А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Ковтунова И.И. 1976 – Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Кодзасов С.В. 1993 – Интонация предложений с дискурсными словами. Группы: едва, действительно, вообще, совсем, прямо // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Кодзасов С.В. 1996 – Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.

Красухин К.Г. 1997 – Закон Вакернагеля и структура индоевропейского предложения // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1997. № 72.

Мартемьянов Ю.С. 1970 – К описанию текста: язык валентно-эмфазно-юнктивных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13.

Мартемьянов Ю.С. 1971 – К описанию текста: язык валентно-эмфазно-юнктивных отношений (продолжение) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1971. Вып. 14.

Матезиус В. 1967 – О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Матусевич М.И. 1976 – Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.

Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ⇔ Текст". М., 1974.

Мельчук И.А. 1995 – Русский язык в модели "Смысл ⇔ Текст" // Wiener Slawistischer Almanach. 1995.

Николаева Т.М. 1981 – Категориально-грамматическая цельность высказывания и его прагматический аспект // ИАН СЛЯ. 1981. № 1.

Николаева Т.М. 1982 – Семантика акцентного выделения. М., 1982.

РГ 1982 – Русская грамматика 1982. Т. 1. М., 1982.

Николаева Т.М. 1985 – Функции частиц в высказывании. М., 1985.

Николаева Т.М. 1996 – Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.

Падучева Е.В. 1984 – Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // НТИ. Сер. 2. 1984. № 10.

Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Падучева Е.В. 1989 – К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.

Сгалл П., Хаичова Е. 1980 – Актуальное членение предложения и метод вопросов // Slovnik praci filizofiké fakulty Brnenské univerzity T. A28. 1980.

Степанов Ю.С. 1989 – Индоевропейское предложение. М., 1989.

Янко Т.Е. 1991 – Коммуникативная структура с неингерентной темой // НТИ. Сер. 2. 1991. № 7.

Янко Т.Е. 1994 – Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений // ВЯ. 1994. № 6.

Backhouse A.E. 1993 – The Japanese language: An introduction [Oxford]. 1993.

Berneker E. 1900 – Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900.

Bolinger D. 1958 – A theory of pitch accent in English // Word. V. 14. 1958.

Bolinger D. 1985 – Two views of accent // Journal of linguistics. V. 21. 1985.

Bonnot Ch., Fougeron I. 1982 – L'accent de phrase non-final en russe. Est-il toujours un signe d'expressivité ou de familiarité? // BSLP. T. LXXVII. 1982.

Bonnot Ch., Fougeron I. 1983 – Accent de phrase non-final et relations interénonciatives en russe moderne // RESI. T. 55. Paris, 1983.

Chafe W. 1988 – Linking intonation units in spoken English // J. Haiman, S. Thompson (eds.) Clause combining in grammar and discourse. Typological studies in languages. V. 18. Amsterdam, 1988.

Daneš F. 1970 – One instance of Prague school methodology: Functional analysis of utterance and text // Method and theory of linguistics. The Hague, 1970.

Daneš F. 1986 – The "question test" re-examined // Language and discourse: Test and protest. Linguistic and Literary studies in Western Europe. V. 19. Amsterdam/Philadelphia, 1986.

Delbrück B. [& *Windisch E.*] 1878 – Syntaktische Forschungen. Bd. III. Halle / Saale. 1878.

Dik S. 1989 – The theory of functional grammar. Part I: The structure of the clause. Dordrecht, 1989.

Dryer M.S. 1996 – Focus, pragmatic presupposition, and activated propositions // Journal of pragmatics. V. 26. 1996.

Firbas J. 1956 – Poznamky k problematice anglického slovního pořadku z hlediska členeni větného // Sborník praci filozofické fakulty brněnske university. T. A4. 1956.

Firbas J. 1961 – On the communicative vafue of the modern English finite verb // Brno studies in English. 1961. V. 3.

Erteschik-Shir N. (в печати). – The dynamics of focus structure. Cambridge university press. (в печати).

Jacobs J. 1983 – Fokus und Skalen. Zur Syntax und Semantik der Gradpartikeln im Deutschen. Tübingen, 1983.

Jacobs J. 1988 – Fokus-Hintergrund-Gliederung und Grammatik // H. Altmann (ed.), Intonationsforschungen. Tübingen. 1988.

Hajičová E. 1986 – A note on the order of constituents in relation to the principle of GB theory // Language and discourse: Test and protest. Linguistic & Literary studies in Western Europe. V. 19. Amsterdam/Philadelphia, 1986.

Hajičová E. 1994 – Topic/focus and related research // Prague school of structural and functional linguistics. Amsterdam/Philadelphia, 1994.

Hajičová E., Sgall P. 1996 – Focus, topic, and scope // B. Partee, J. Peregrin (Eds.). Discourse kinematics, topic-focus structure, and logics. Proceedings of the 8th European school in logic, language and information. Prague, 1996.

Hajičová E., Sgall P., Benešová E. 1973 – Topic, focus, and generative semantics. Kronberg Taunus, 1973.

Halliday M.A.K. 1966 – Intonation system in English // Patterns of language. London, 1966.

Halliday M.A.K. 1967 – Notes on transitivity and theme in English // Journal of linguistics, 1967. V. 3.

Hatcher A.G. 1956 – Syntax and the sentence // Word. 1956. № 12.

Huszcza R. 1988 – Thematic-rhematic structure of questions in typologically distant languages. Polish and Vietnamese sentence questions // Problemy językoznawstwa konfrontatywnego. Polono-slavica varsoviensia. Warszawa, 1988.

König E. 1991 – The meaning of focus particles. A comparative perspective. London; New York, 1991.

Kuno S. 1982 – The focus of the question and the focus of the answer // Papers from the parasession on nondeclarativeness sentences from the regional meeting of the Chicago linguistics society. 1982.

Kuroda S.-Y. 1972 – The categorical and thetic judgement: Evidence from Japanese // Foundations of language. 1972. № 9.

Lambrecht K. 1994 – Information structure and sentence form. Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.

Lehman W.R. 1974 – Proto-indo-european syntax. Austin; London, 1974.

Maslova E. 1995 – VS/SV opposition in Russian and the thetic/categorical distinction // Sprachtypologie und Universalienforschung. Bd. 48. № 1/2. 1995.

Mathesius V. 1947 – O tak zvaném aktuálním členění větném // Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, 1947.

Mehlig H.R. 1991 – Экзистенциальные и экспликативные вопросы // Rling. 1991. № 15.

Partee B. 1994 – Focus, quantification, and semantics-pragmatics issues, preliminary version // Focus and natural language processing. V. 2: Semantics. Heidelberg. 1994.

Pierrehumbert J. 1980 – The phonology and phonetics of English intonation. MIT. 1980.

Reinhart T. 1981 – Pragmatics and linguistics: an analysis of sentence topics // Philosophica. 1981. № 27.

Rochemont M.S. 1986 – Focus in generative grammar. Amsterdam, 1986.

Rooth M.E. 1985 – Association with focus. Amherst. 1985.

Sasse H.-J. 1987. – The thetic/categorical distinction revisited // Linguistics. V. 25. № 3. 1987.

Sasse H.-J. 1995 – 'Theticity' and VS order: a case study // Sprachtypologie und Universalienforschung. Bd. 48. N 1 / N 2, 1995.

Schmerling S.F. 1974 – A Re-examination of "Normal stress" // Language. 1974. V. 50. № 1.

Steedman M. 1991. – Structure and intonation // Language. V. 67. 1991.

Selkirk E.O. 1984. – Phonology and syntax: The relation between sound and structure. Cambridge, 1984.

Vallduví E., Engdahl E. 1996 – The linguistic realization of information packaging // Linguistics. V. 34. № 3. 1996.

Van Valin R. 1993 – A synopsis of role and reference grammar // Advances in role and reference grammar. Amsterdam, 1993.

Wackernagel J. 1892 – Über ein Gesetz der indogermanischer Wortstellung // IF. 1892.

Watkins C. 1964 – Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure // Proceedings of the 9-th International congress of linguists. Hague, 1964.

Yokoyama O.T. 1986 – Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia, 1986.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1999

© 1999 г. Р.З. МУРЯСОВ

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ В ГРАММАТИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Классификации частей речи, выявление и описание их грамматических признаков (категорий) представляют собой важнейший результат деятельности многих поколений лингвистов в области систематики и таксономии языковых единиц. Несмотря на то, что современная лингвистическая наука не располагает однозначным решением вопроса о строгих, т.е. логически последовательных, а в идеале единых, непротиворечивых критериях выделения частей речи, в рамках и.-е. языков выкристаллизовалась более или менее устойчивая система, в которой достаточно рельефно выступают два крупных класса – существительные и глаголы, образующие по своим когнитивным, т.е. предметно-логическим основаниям, и совокупности формально-грамматических признаков полярные полюсы. Подобного рода их противопоставленность, однако, не означает, что они, ввиду локализованности в континууме между ними других частей речи, не пересекаются между собой, т.е. не имеют общих зон. Отдавая дань получившей в последние десятилетия развитие вербоцентрической теории в лингвистике, в частности в синтаксисе, следует указать на особое положение имени существительного в иерархии частей речи не только в плане организации вокабуляра языка (в германистике, например, отмечается, что существительные в современном немецком языке составляют около 60% лексики), но и в плане его внутридискурсивных потенций, в особенности способности номинализаций к когнитивному переосмыслению действия или события, обозначенного глаголом, названному Р. Лангакером реификацией [Longacker 1991: 78]. Если ядром пропозиции является предикат и пропозиционная функция может быть определена "как предикат и некоторая характеристика переменных" [Степанов 1998 : 290], то при обеспечении прогрессии текста ведущая роль принадлежит номинализациям, позволяющим представлять многослойно эшелонированные пропозиции в компрессированном виде. Как известно, ядро такого рода номинализаций составляют субстантиваты. Особая и в какой-то мере уникальная специфика имени существительного в концептуализации мира, например, в лексике немецкого языка, заключается в том, что единица любого уровня и теоретически любого размера – от буквы до сложных предложений – может стать субстантиватом не только в плане выполнения синтаксических функций существительных, но и морфологически – любой субстантиват сопровождается артиклем, который ipso facto служит его морфологическим маркером. Но нет обратного явления, т.е. такого, чтобы любое слово могло вербализироваться, адъективизироваться или адвербиализироваться. Таким образом, имя существительное выходит далеко за пределы субстанциональности в строгом смысле этого термина, т.е. вещности, составляющей ядро предметности и являющейся, как отмечает Ю.С. Степанов, "самой семантической из категорий языка", так как "только к отношениям между сущностями (вещами) и словами может хорошо подходить определение семантики как отношений между знаками и объектами внешнего мира" [Степанов 1998 : 290].

В орбиту субстанциональности оказываются вовлеченными также несубстанциональные имена, названные Дж. Лайонзом характеризующими универсалиями [Лайонз 1978 : 357], например, опредмеченные предикаты, а предикаты по определению Ю.С. Степанова, – это "самая несемантическая из категорий" [Степанов 1998 : 420],

так как "отношения между предикатами как особыми мыслительными единицами, их внеязыковыми объективными коррелятами во внешнем мире и их языковыми выражениями – отношения принципиально иного порядка, они вовлекают в свою сферу не только и даже не столько семантику, сколько синтаксис" [Степанов 1998 : 290]. Таким образом, семантическое пространство предметности оказывается наиболее сложной и противоречивой категорией, конституируемой гетерогенными в логико-смысловом, а вследствие этого и в формально-грамматическом отношении, группировками слов.

Анализ классов слов, выявляемых на основе тех или иных обобщенных признаков внутри таких наиболее крупных таксонов, как части речи, приводит к выделению группировок с разными качественными и количественными характеристиками [ЛЭС 1990]. С одной стороны, в рамках каждой знаменательной части речи обнаруживаются категории, находящие свое выражение в структуре языка в специальной системе, совокупности форм, т.е. формальных средств, образующих закрытый класс. Подобного рода средства образуют жесткие модели, основной разновидностью которых являются грамматические, т.е. словоизменительные парадигмы. С другой стороны, в пределах частей речи выделяются группировки слов, базирующиеся на таких семантических признаках, которые по своей степени обобщенности сопоставимы с семантическими признаками уровня частей речи и их грамматических категорий и играющих важную роль в конституировании когнитивных оснований частей речи (см. об этом более подробно специальное исследование Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1997]), но не находящие своего выражения в специальных морфологических средствах и, следовательно, не могущих претендовать на статус грамматических категорий. Если части речи и их грамматические признаки (категории) с некоторыми оговорками можно отнести в разряд качественных таксономий [ЛЭС 1990 : 504], то группировки слов последнего типа представляют собой внутренне противоречивые разряды слов, не объективируемые, в отличие от грамматических категорий, в специализированных, или регулярных формальных средствах, входящих друг с другом в оппозитивные отношения, а находящие в грамматической системе языка лишь косвенное выражение и которые проглядываются через призму собственно грамматических категорий. Рассмотрение грамматических особенностей отдельных типов обобщенных семантических классов, получающих в лингвистической литературе самые разнообразные названия: лексико-грамматические разряды, лексико-грамматические категории, структурно-семантические разряды, подкатегории части речи, семантико-грамматические классы, семантические и синтаксические субклассы, "скрытые" грамматические категории и т.д., оказывается теснейшим образом связанным с неодинаковым статусом грамматических категорий в грамматическом строе конкретного языка, что в конечном счете выливается в разного рода классификации грамматических категорий, отличающихся между собой разной степенью своей грамматикализации в плане удовлетворения основному требованию признания той или иной категории грамматической, а именно наличия ее парадигматического ядра. С этой точки зрения можно указать на два принципиально отличных типа грамматических категорий: 1) категории, базирующиеся на парадигмах, способных образовать в н у т р и л е к с е м н ы е г р а м м а т и ч е с к и е о п п о з и ц и и, если, конечно, под лексемой понимать "слово, рассматриваемое как единица словарного состава языка в совокупности его конкретных грамматических форм и выражающих их флексий..." [ЛЭС : 257]; 2) категории, базирующиеся не на противопоставлении разных форм одного и того же слова, а на противопоставлении целых классов слов, например, категория рода существительных в и.-е. языках. Сам факт возможности выделения категорий разной степени грамматикализации свидетельствует о полевой структуре грамматического строя языка. Полевая структура пронизывает всю систему языка и присуща ей онтологически, ибо она в своей сущности асимметрична. Основополагающими признаками полевого строения являются наличие ядра той или иной категории, конституируемого классом, обладающим полным набором признаков, свойственных данному грамматическому явлению, и периферии, или периферийных зон, характеризующихся отсутствием, или неполнотой того или

иного признака или признаков. Говоря о полевой структуре грамматического строя, мы имеем ввиду две разновидности ее проявления: 1) разную степень грамматикализации категорий, обусловленную неодинаковым характером их парадигматической репрезентации и 2) разную степень полноты охвата лексического материала той или иной грамматической категорией, т.е. разным лексическим диапазоном функционирования грамматических категорий. С первой точки зрения интерес представляет классификация морфологических категорий у А.В. Бондарко, который выделяет три их типа: последовательно коррелятивные – непоследовательно коррелятивные – некоррелятивные [Бондарко 1976]. Первые два типа как раз и базируются на различиях лексического диапазона их функционирования, а противопоставления коррелятивных категорий некоррелятивным отражает их неодинаковое отношение к грамматической парадигме. Ср. также словоизменительные и несловоизменительные морфологические категории [РГ 1980 : 456].

Полевая природа семантического пространства предметности в грамматическом аспекте обусловлена тем, что она конституируется гетерогенными семантическими зонами, изучение которых возвращает исследователя к основополагающей проблеме теории языка – проблеме взаимодействия частей речи. Ведущая роль во взаимопереходе частей речи принадлежит межкатегориальному словопроизводству, играющему одновременно основную роль в субкатегоризации класса имен существительных. В лингвистической онтологии межкатегориального словопроизводства заложено взаимодействие разнородных категориальных семантических признаков. Отглагольные отадъективные существительные образуют тот субкласс, который обладает рядом грамматических особенностей и благодаря которым они противостоят другим семантическим группировкам, прежде всего классу конкретных нарицательных имен, образующих семасиологическое ядро ноэтического пространства предметности в целом.

Таким образом, полевая структура имен существительных как грамматического класса высшего ранга, с одной стороны, обусловлена отсутствием единообразия в технике морфологического оформления тех или иных семантических признаков, с другой стороны, полевой характер языковой организации и функционирования грамматических категорий существительных теснейшим образом связан с субкатегоризацией существительных на группировки слов, объединенных на основе обобщенных семантических признаков, отрицательно или положительно "реагирующих" на семантические признаки уровня грамматической категориальности. В этом случае полевая структура частей речи и их грамматических категорий рассматривается в контексте проблемы взаимодействия лексики и грамматики.

С точки зрения различий парадигматических оснований, т.е. морфологической техники выражения, спорным является статус категории рода в индоевропейских, особенно в германских и романских языках, в которых родовая принадлежность существительных не определяется характером финали основы, т.е. ее фонематическим исходом, как это, например, имеет место в русском языке, ср. русск. *стол*, *окно* и *рука*, нем. *die Hand*, *das Land*, *der Sand*. Грамматичность категории рода в немецком языке далеко не бесспорна. Но она не может быть признана бесспорной грамматической категорией и в русском языке. Примерно таким же неустойчивым положением в грамматическом строе русского языка характеризуется категория одушевленности-неодушевленности, определяемая то как лексико-грамматическая категория, то как лексико-грамматический разряд наряду с такими лексико-грамматическими разрядами, как абстрактные, конкретные, собственные, нарицательные и т.п. имена, то как грамматическая категория.

Хотя каждая из двух категорий (рода и одушевленности-неодушевленности) имеет свою специфику языковой объективации, они имеют много общего. Степень грамматичности категории рода зависит от того, в рамках какой части речи она рассматривается. Так, в пределах существительных она определяется как "несловоизменительная, синтагматически выявляемая морфологическая категория, выражающаяся в способности существительного в формах единственного числа относиться избирательно

к родовым формам согласуемой (в сказуемом – координируемой) с ним словоформой" [РГ 1980 : 465], или как "некоррелятивная морфологическая категория" [Бондарко 1976], а в классе прилагательных – как словоизменительная, "выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм" [РГ 1980 : 545], или "последовательно коррелятивная морфологическая категория" [Бондарко 1976 : 77].

Противоречивый статус категории рода характерен также для других индоевропейских языков. Например, во французском языке в классе одушевленных существительных В.Г. Гак определяет ее как категорию словоизменительную, грамматическую (*un/une élève*), в рамках неодушевленных существительных – как "классифицирующую лексикализованную (определенная форма закреплена за определенным словом)" [Гак 1986 : 84].

Не менее противоречиво положение категории рода в грамматическом строе немецкого языка. В лингвистической литературе распространены парадоксальные дефиниции категории рода, противоречащие пониманию грамматической категории как "грамматического значения, реализованного и формально выраженного в противопоставленных членах" [Шендельс 1970 : 6]. Ср., например, определение рода в Берлинской Академической грамматике немецкого языка: "Mit dem grammatischen Geschlecht kommt einem Substantiv ein unveränderliches klassifizierendes Merkmal" [GDG 1981: 572]. Даже у одного и того же автора можно встретить взаимоисключающие дефиниции данной категории. Например, О.И. Москальская, с одной стороны, род называет грамматическим родом ("das grammatische Geschlecht"), с другой стороны, этим же автором род определяется как лексико-грамматическое явление [Moskalskaja 1983 : 148]. В конечном счете получается нечто логически несовместимое: г р а м м а т и ч е с к и й р о д представляет собой л е к с и к о - г р а м м а т и ч е с к и й ф е н о м е н.

Очевидно, что категория рода, несмотря на то, что любое существительное имеет родовой признак и каждое новое существительное "рождается"с родовым признаком, относится к периферии грамматических категорий. Основной причиной тому является невозможность построения внутрилексемных родовых грамматических оппозиций в силу лексемно-фиксированного, лексемно-ингерентного характера родового признака существительных. С другой стороны, как это ни парадоксально, именно родовой признак существительных играет важнейшую роль в формировании морфологической парадигматики как самих существительных (типов склонений и отчасти форм образования мн. числа), так и морфологической парадигматики других, зависимых от существительного, частей речи, прежде всего прилагательных и местоимений, парадигматические характеристики которых, по крайней мере в единственном числе, предетерминируются родовым признаком существительных. Таким образом, сложность и противоречивость данной категории заключается в том, что в качестве ее формальных, т.е. грамматических маркеров выступают грамматические маркеры прилагательных, местоимений и, например, в русском языке, глаголов. По флексиям последних мы определяем родовой признак существительного, хотя грамматические флексии самих зависимых частей речи облигаторно диктуются лексемно-фиксированным родовым признаком существительного. Иначе говоря, признаки грамматичности категории рода существительных приходится искать за пределами самих существительных. Итак, лексемно-фиксированный характер родового признака у существительных и его косвенное (синтагматическое) выражение, т.е. через парадигматику других частей речи, свидетельствует о совершенно особой разновидности категории, которая может быть локализована в периферии грамматических категорий и может быть определена как лексико-грамматическая классифицирующая. Однако тяготение рода к грамматике может колебаться от языка к языку. Так, В.Г. Гак, сравнивая категорию рода в русском и французском языках, отмечает, что французские существительные одушевленные образуют форму женского рода свободнее, чем русские. "Большая регулярность образования форм женского рода во французском языке, – пишет В.Г. Гак, – побуждает считать эту категорию у одушевленных существительных – в том случае,

естественно, когда она не связана с изменением лексического значения слова – *грамматической словоизменительной категорией*. В русском языке род выражается словообразовательными средствами и не образует грамматического значения у одушевленных существительных [Гак 1977 : 111].

Значительный интерес представляет с точки зрения уровневой интерпретации в грамматической системе языка категория одушевленности-неодушевленности, являющаяся одной из наиболее универсальных семантических категорий языков мира. В рамках индоевропейских языков только в славянских репрезентация данной семантической категории достигла определенной грамматикализации, но, по-видимому, недостаточно высокой степени формализации, чтобы ей можно было приписать статус бесспорной грамматической категории. Если род существительных в ряде и.-е. языков (например, в русском, немецком и французском) может быть определен как лексико-грамматическая или (с некоторыми оговорками) как классифицирующая грамматическая категория, то категория одушевленности-неодушевленности обнаруживает бóльшую зависимость от внутриструктурных особенностей конкретных языков, чем категория рода, и характеризуется неодинаковым уровневым статусом в грамматической системе разных языков. В германских и романских языках категория одушевленности-неодушевленности не является грамматической категорией, так как нельзя указать на какие-либо специализированные регулярные грамматические средства ее выражения. Она не может быть отнесена в вышеназванных языках и в разряд лексико-грамматических категорий, как, например, рассмотренная выше категория рода, хотя в грамматическом строе этих языков можно наблюдать некоторые эпизодические рефлексы, реминисценции, обусловленные семантическим признаком одушевленности-неодушевленности, например, доминирование флексии *-s* у одушевленных существительных английского языка в посессивном падеже, наличие изолированного типа слабого склонения в немецком языке, включающего в основном относительно небольшой класс одушевленных существительных и т.д. Только в славянских языках, в частности, в русском, прослеживается более или менее регулярный характер противопоставления грамматических форм существительных по признаку "одушевленность-неодушевленность". В характере и степени грамматикализации категорий рода и одушевленности-неодушевленности в русском языке обнаруживается определенное сходство, а именно обе категории находят свое морфологическое выражение в парадигматике слов, согласуемых с существительными. Однако между этими двумя категориями существует и принципиальное различие в характере их грамматической репрезентации. Если категория рода получает лишь косвенное грамматическое выражение, т.е. за пределами самого существительного, в его синтагматике, то категория одушевленности-неодушевленности характеризуется относительно последовательной морфологической противопоставленностью в деклинационной парадигме множественного числа и неполное (частичное – только у существительных мужского рода) выражение в парадигме единственного числа самих существительных. Кроме того, в русском языке категория рода получает косвенное выражение только в деклинационных и конъюнгационных парадигмах единственного числа, между тем как "во множественном числе грамматическое значение рода не имеет выражения" [РГ 1980 : 466]. Таким образом, если исходить из основного требования к признанию грамматического характера той или иной категории – наличие парадигмы, – то категория одушевленности-неодушевленности *более грамматична*, чем категория рода, так как семантический признак "одушевленность-неодушевленность" базируется на морфологической оппозиции, выявляемой в рамках категорий падежа и числа. Если исходить из того положения, что минимальным условием существования грамматической категории является наличие противопоставления двух словоформ одного и того же слова, то категория одушевленности-неодушевленности удовлетворяет этому требованию, и, следовательно, она должна быть признана грамматической категорией, в то время как род, не имея такого морфологического основания, не может претендовать на статус грамматической категории.

В германских языках категория одушевленности-неодушевленности рассматривается как лексико-грамматический разряд.

Таким образом, сопоставление специфики репрезентации обобщенных семантических признаков в грамматическом строе языка приводит к выявлению континуума грамматических зон с флуктуирующими границами, характеризующимися разной степенью грамматичности и обеспечивающими плавный переход от признаков таксонов уровня грамматической категориальности к обобщенным семантическим признакам, занимающим промежуточное положение между грамматикой и лексикой. Исходя из критерия наличия или отсутствия парадигматического основания и возможности описания категориальных значений в виде грамматических оппозиций, можно построить ряд грамматических категорий по степени убывания грамматичности: грамматические категории с полным внутрилексемным парадигматическим основанием – грамматические категории с неполным (частичным) внутрилексемным парадигматическим основанием (например, категория одушевленности-неодушевленности в русском языке) – грамматические категории, базирующиеся на лексемо-фиксированных морфологических признаках и, соответственно, межлексемных или классных морфологических противопоставлениях, или лексемно-фиксированные грамматические категории (например, категория рода в и.-е. языках) – лексико-грамматические разряды, которые вслед за А.В. Бондарко можно было бы определить как "грамматически значимые (т.е. существенные для грамматики) группировки слов в рамках данной части речи" [Бондарко 1976 : 156].

Второй аспект полевой природы грамматического строя языка связан с исследованием проблемы взаимодействия грамматики и лексики, проявляющегося в борьбе двух тенденций: с одной стороны, давление грамматической системы, исходящее из ядра части речи, т.е. стремление грамматических категорий к всеобъемлющему охвату лексики данной части речи, с другой стороны, наблюдается, по образному выражению В.Н. Ярцевой, "сопротивление лексического материала... унифицирующему и нивелирующему воздействию грамматики" [Ярцева 1968 : 31].

Вычленение весьма сложной системы лексико-грамматических разрядов в рамках конкретной части речи, как было отмечено выше, есть следствие гетерогенного строения когнитивного пространства предметности, обусловленного наличием в нем семантических зон, характеризуемых разной степенью субстанциональности. В орбиту субстанциональности, образующей ядро предметности, оказываются вовлеченными группировки слов, примарно обладающие другими, непредметными категориальными признаками, онтологически чуждыми понятию субстанциональности. Эти группировки слов занимают в классе существительных периферийное положение по отношению к генуинной, т.е. субстанциональной, вещной, предметности. Многообразие лексико-грамматических разрядов (ЛГР) в классе имен существительных обусловлено, таким образом, многообразием семантических зон, которым свойственна качественно разная степень предметности.

В грамматиках и.-е. языков прослеживается пестрая картина ЛГР существительных, хотя их номенклатура в основном достаточно стабильна. Как правило, выделяются следующие ЛГР существительных, большинство из которых образуют оппозитивные пары: конкретные (ИК) – абстрактные (ИА), собственные-нарицательные (ИС–ИН), занимающие в иерархических построениях разных авторов различные ступени. Для одних авторов отправной точкой иерархического построения служит оппозитивная пара ИС–ИН, для других – одушевленные-неодушевленные (ИО–ИнеО), третьи считают исходной оппозицией коррелятивную пару конкретные-абстрактные (ИК–ИА), для четвертых ведущей оппозицией является нарицательные-ненарицательные (ИН–ИнеН) (Gattungsnamen–Nichtgattungsnamen). При этом наиболее спорным оказывается положение имен абстрактных, которые рассматриваются как подкласс то в составе ИН, то в составе ИнеО и т.п. У разных авторов неодинаков также объем некоторых ЛГР. Особенно диффузны границы между ИК и ИА. Так, Л. Теньер делит

существительные на "конкретные понятия, к которым в принципе относятся понятия предметов и процессов, и абстрактные понятия, к которым относятся их атрибуты" [Теньер 1988 : 74]. В классификациях некоторых авторов имена собирательные противопоставляются существительным-индивидуативам [Schendels 1982]. Неправомерным представляется выделение в системе ЛГР оппозитивной пары "исчисляемые-неисчисляемые" [Moskalskaja 1983], так как данная оппозиция предполагает совершенно иной ракурс рассмотрения вопроса, принципиально отличный от критериев вычленения других ЛГР. Во-первых, такая оппозиция не имеет своей зоны в семантическом пространстве предметности, во-вторых, она представляет собой не что иное, как модифицированную интерпретацию грамматической категории числа.

К классификации ЛГР возможны два подхода: 1) семиологический и 2) грамматический. С семиологической точки зрения, т.е. по характеру своего значения, речь должна идти не о бинарной оппозиции или дихотомическом делении, а о триаде: ИС–ИН–ИА. Такого рода субкатегоризация существительных оправдана в семантическом плане их разной денотативно-сигнификативной спецификой. Идея семиологической триады в классе имен существительных имплицитно присутствует в известной работе Е. Куриловича об именах собственных, в которой существительные подразделяются на имена нарицательные, "имеющие полную семантическую структуру", и существительные "с недостаточными структурами", под которыми имеются в виду собственные и абстрактные имена. О последних, в частности, он замечает, что это имена "с нулевой сферой применимости" и "более высокого языкового порядка" [Курилович 1962 : 252]. Соотношение денотативного и сигнификативного типов значений [Арутюнова 1976; Уфимцева 1974; Степанов 1981; 1982; Падучева 1985; Новиков 1982] и вид референции и денотативный статус существительного имеет чувствительные последствия для его грамматических характеристик.

При конструировании оппозиции ЛГР на основе их грамматических особенностей возможны минимум два подхода. Во-первых, исходя из полноты-неполноты грамматических признаков, что будет соответствовать противопоставлениям ядра части речи ее периферии. Такой подход находит свое отражение в оппозиции "ИН–ИнеН" (Gattungsnamen–Nichtgattungsnamen) [Admoni 1972]. Ядро конституируется конкретными нарицательными именами, обладающими всеми грамматическими категориями существительных как части речи, а в периферии, соответственно, локализуются группы существительных с неполными грамматическими структурами. Во-вторых, возможны более конкретные оппозиции ЛГР, а именно оппозиции на основе их отношения к конкретной грамматической категории. Так, по отношению ЛГР к категории числа конкретные имена-индивидуативы противопоставляются ИА, ИС, ИВ (именам вещественным) и ИСоб. (собирательным), а с точки зрения употребления-неупотребления артикля конкретные имена-индивидуативы и ИСоб. противопоставляются ИА, ИС и ИВ, а по отношению к деклинационным парадигмам ИС и ИВ противостоят ИА, ИСоб. и конкретным именам-индивидуативам.

Не все ЛГР, существенные для морфологической парадигматики, обладают равной значимостью для синтаксиса. Напротив, некоторые морфологически релевантные классы могут быть не существенными для синтаксиса и, наоборот, синтаксически релевантные оппозиции ЛГР малозначимы или вовсе не существенны для морфологии. Так, в немецком языке с синтаксической точки зрения первостепенной значимостью обладают оппозиции "ИО-ИнеО", "человек – не-человек", "ИК–ИА" [GDG 1981]. Между тем как морфологическая значимость первых двух оппозиций равна нулю. В русском языке, однако, оппозиция "ИН–ИнеО" значима как в морфологическом, так и в синтаксическом аспектах. Если морфологическая значимость ЛГР зависит от внутриструктурных особенностей данного языка, то для их синтаксического аспекта характерна бóльшая универсальность. Например, такие оппозиции, как "ИО-ИнеО", "ИА–ИК" играют важную роль в структурном и семантическом конструировании предложения в разных языках.

Когда речь идет о соотношении грамматических категорий и ЛГР, обычно говорят о разной степени охвата первыми последних. Здесь возможна и несколько иная интерпретация данного соотношения, а именно можно говорить о положительной или отрицательной "реакции" ЛГР на ту или иную грамматическую категорию. Исходя из обобщенного признака ЛГР, в грамматике априорно можно ожидать положительных или отрицательных результатов в плане автоматизированности или вероятностном характере действия морфологических правил, причем степень вероятности отклонения, или, что то же самое, строгости правил, неодинакова для ЛГР разных частей речи. Существительные оказываются в этом отношении более гибкими, чем глаголы. Например, под влиянием текста, его жанра и функциональной специфики почти от всех существительных можно образовать форму мн. числа (правда, нередко этот процесс сопровождается лексико-семантическим варьированием лексемы), в то время как субкатегоризация глаголов на переходные-непереходные диктует жесткую модель образования залоговых противопоставлений. В любом случае, когда в глагольной системе грамматическая модель не останавливается перед сопротивлением лексики, а преодолевает его, как отмечает Е.И. Шендельс, возникает "конфликтная ситуация" [Шендельс 1982]. Ср., крайне редко встречающиеся, а потому и воспринимаемые как грамматические экзотизмы, пассивные конструкции от непереходных глаголов: «"Mir scheint, wir sind angekommen". "A n g e k o m m e n w o r d e n warf Morris ein ..."Wer weiβ, wohin man uns gebracht hat"» (W. Weitbrecht) ("Мне кажется, мы прибыли". "Нас прибыли", вмешался в разговор Моррис... "...Кто знает, куда они нас доставили"). Структуры *wir sind angekommen*, *wir sind angekommen worden* и *man hat uns gebracht* являются кореферентными, т.е. обозначают одну и ту же внеязыковую ситуацию. Аналогичные полуотмеченные или неотмеченные структуры встречаются и в словообразовании. Так в суффиксальной системе немецкого языка весьма продуктивна изограмматическая оппозиция "агенс-пациенс", например *Lehrer – Lehrling, Prüfer – Prüfling, Pfleger – Pflegling, Sieger – Besiegter* и т.п. Стремление к регулярному использованию оппозиции "агенс-пациенс" в рамках обозначения лица приводит к созданию неотмеченных (аграмматичных) и в силу этого стилистически маркированных словообразовательных структур: «Da war die "Volksgemeinschaft" zwischen den Unternehmern und den U n t e r n o m m e n e n , den Verdienern und den V e r d i e n t e n...» (B. Brecht) (*zwischen den Unternehmern und den Unternommenen* "между предпринимателями и жертвами предпринимательства", букв. "предпринятыми", *zweischen den Verdienern und den V e r d i e n t e n...* "между наживающимися и теми, на ком они наживаются"). Пациентивные существительные *die *Unternommenen* и *die *Verdienten* представляют собой неотмеченные структуры, так как базовые глаголы *unternehmen* "предпринимать" и *verdienen* "зарабатывать" не могут иметь в качестве объекта обозначения лиц и, следовательно, невозможны одушевленные субстантивированные причастия II мужского и женского родов. Ср. также: ...Die hübsche Blonde, der man nie ansieht, wieviel sie vom Leben wirklich weiβ, spielt (Süddeutsche Zeitung); *die Lesende und die *Vorgelesene* "читающая и та, которой (для которой) читают вслух, т.е. слушающая".

Семантические признаки глаголов уровня лексико-грамматических разрядов "предельность-непредельность" ("терминативность-курсивность") и переходность-непереходность существенным образом влияют на функционирование даже такой продуктивной словообразовательной модели, как субстантивация именных форм глаголов. Немаловажную роль играет при этом также семантический признак глагола "антропонимичность-неантропонимичность". Так, все три родовые формы субстантиваций презентных и перфектных причастий в немецком языке возможны лишь от глаголов, характеризуемых одновременно тремя признаками: терминативность, переходность и антропонимичность: *der / die/ das Kommende, der /die/ das Gekommene*. Отсутствие одного из трех указанных признаков вызывает ущербность модели субстантивации, ср.: *der /die Findende* и *der /die/ das Gefundene; der /die Vorlesende* (или *der Vorleser*) и *das Vorgelesene*.

По полноте-неполноте реализации парадигматических потенций части речи следует указать на следующие типы лексико-грамматических разрядов.

1. ЛГР, реализующие относительно полно всю парадигму класса существительных. Такими разрядами, образующими семантическое и грамматико-парадигматическое ядро данной части речи являются одушевленные и неодушевленные конкретные существительные (за исключением субклассов вещественных и собирательных имен).

2. Полярную точку образует ЛГР имен собственных, в рамках которого ни одна грамматическая категория не реализует свои парадигматические потенции в полной мере и по строгим системным моделям. ИС, особенно семантическое ядро данного ЛГР – антропонимы обычно не образуют формы мн. числа, хотя сами по себе такие формы ИС, по выражению В.Г. Адмони, не противоречат языковой норме [Admoni 1972 : 94]. Употребление определенного и неопределенного артиклей обусловлено, как правило, рядом синтаксических и стилистических причин. Наконец, имеются также особенности в склонении имен собственных, а именно нейтрализация родовой детерминированности деклинационной парадигмы – существительные мужского и женского родов получают одинаковые флексии в генетиве, ср.: *Peters, Petras Eltern* «родители Петера, Петры», *Friderikens, Mariens, Annemaries Bücher* «книги Фридерика, Марии, Аннемарии». При образовании от ИС формы мн. числа, т.е. при существительных с фамильно-собирательным значением возможен только несклоняемый тип основы, например, «Man müßte den Friedländers unverzüglicht eine neue Videonummer zur Verfügung stellen...» (W. Weitbrecht). Особенно сложную картину представляет склонение поликомпонентных личных имен, в которых наиболее последовательно проявляется стремление к монофлексии, а также других имен собственных, которым присуща тенденция к общему падежу. Ср.: «der Dichter des "Götz", der erste Band des "Henri Quatre", Thomas Mann hat das in "Königliche Hoheit" in eine Glassammlung verwandelt...» (K. Mann); «...Und von "Königliche Hoheit" hat er mir erzählt» (K. Mann) и т.д.

3. Лексико-грамматические разряды абстрактных, вещественных и собирательных имен занимают промежуточные зоны между вышеуказанными полярными классами существительных. Близки к именам собственным в грамматическом отношении вещественные имена, отрицательно «реагирующие» на категории числа и определенности-неопределенности, а также имеющие некоторые особенности в образовании падежных форм. Срединное положение в этом ряду занимают абстрактные и собирательные имена. Так, собирательные имена, подчиняясь нормативным типам склонения (в зависимости от рода), вместе с тем обычно не образуют формы мн. числа и характеризуются тенденцией к употреблению без артикля. Имена собирательные являются преимущественно singularia tantum и могут употребляться с артиклем, однако регулярность их деклинационной парадигмы может быть нарушена в зависимости от характера подтипов собирательности. На основе анализа соотношения ЛГР и грамматических характеристик существительных можно выделить грамматические категории разной «чувствительности» по отношению к обобщенным семантическим признакам. Наиболее чувствительным в этом отношении является категория числа, обнаруживающая оппозитивную регулярность только в пределах конкретных существительных, а в сфере имен собственных ей присуща дефектность. Существенные запреты налагаются на употребление артикля с ЛГР имен собственных, вещественных и абстрактных.

Таким образом, грамматическая неполнота присуща крайним полярным зонам в денотатно-сигнификатном континууме имен: именам, употребляемым только денотатно, т.е. ИС, образующим множество из одного элемента и обладающим идеальной субстантностью и гипертрофированной номинативностью, с одной стороны, и именам, употребляемым в основном только сигнификатно, т.е. ИА. Грамматическая полнота свойственна «денотативно-сигнификативным» [Уфимцева 1974], или «субстантно-предикатным (вещно-признаковым)» [Никитин 1988], т.е. нарицательным именам, занимающим промежуточное положение между ИС и ИА.

По своим предметно-понятийным основам общие имена представляют собой принципиально иные таксономические классификации, чем анализируемые ЛГР, грамматическая значимость которых рассматривается с морфологических позиций, т.е. в плане их взаимодействия с грамматическими категориями. Ю.С. Степанов пишет, что в словаре пересекаются линии двух типов, обусловленные самой системой языка: одни линии идут от отражения в словах предметов объективного мира и образуют основные таксономические классы, например, «животные», «люди» и т.д., которые от синтаксиса не зависят; таксономические линии второго типа идут от синтаксиса, например, денотатные и сигникатные группировки, индивидные и общие имена, классы предикатов [Степанов 1981 : 47]. Деление имен на денотатные и сигникатные представляет интерес таким образом, не только с точки зрения морфологии, но и в синтаксическом плане, так как оно отражает различие субъекта и предиката. «Хотя и нельзя сказать, чтобы это отражение было взаимно-однозначно, ...однако, не будучи однозначным, это отношение между функцией в предложении и группировкой в словаре все же весьма определенно», – пишет Ю.С. Степанов [Степанов 1981 : 47].

Между полнотой-неполнотой грамматических признаков разных ЛГР и их словообразовательными характеристиками существует определенный изоморфизм. Вопросы соотношения ЛГР и словообразования интегрируются в комплекс проблем, связанных с исследованием взаимодействия словообразовательной системы с грамматическим строем языка, с одной стороны, и с учением о словарном составе языка, с другой. В рамках данной статьи могут быть рассмотрены лишь некоторые аспекты этой крупной проблемы. В плане своей внутренней формальной структурации ЛГР обнаруживают теснейшую связь со словообразовательной системой, точнее, с ее аффиксальной подсистемой, известной в лингвистической традиции также под названием «морфологическое словообразование». С точки зрения морфемной (т.е. непосредственной, собственно структурной) выраженности различаются ЛГР разной степени характеризованности.

1. Морфемно (аффиксально) нехарактеризованные подклассы существительных, например, субкласс антропонимов, составляющий ядро ЛГР имен собственных.

2. Слабо характеризованные подклассы существительных, например, топонимические и некоторые другие субклассы имен собственных.

3. Среднехарактеризованный ЛГР: имена вещественные, ядро которых характеризовано слабо (*Gold, Brot, Fleisch, Milch, Schnee, Wein* и т.п.), а периферия, конституируемая вещественно-собирательными существительными, представлена некоторыми аффиксальными моделями (*Abgängsel, Kehricht*).

4. Последовательно или сильно характеризованные лексико-грамматические разряды: имена конкретные (одушевленные и неодушевленные), абстрактные и собирательные.

Между степенью морфемной (аффиксальной) характеризованности ЛГР и полнотой-неполнотой реализации ими парадигматических потенций прослеживается определенный параллелизм: минимальная грамматическая маркированность предполагает и минимальную внутреннюю морфемную маркированность и, наоборот, ЛГР, образующий ядро предметности (имена конкретные), а также ЛГР, располагающиеся в грамматическом плане между ядром и периферией (ИВ), обладают достаточно четкой аффиксальной выраженностью.

Между лексико-грамматическими разрядами и деривационно-семантическими категориями возможны следующие соотношения:

1. Лексико-грамматический разряд и деривационно-семантическая категория одноименны, например, ЛГР имен собирательных и имен вещественных и деривационно-семантические категории собирательности и вещественности.

2. Лексико-грамматический разряд в качестве своего морфо-семантического ядра имеет одну деривационно-семантическую категорию, например, деривационно-семан-

тическая категория лица образует мощное, разветвленное морфологическое ядро ЛГР одушевленности, обозначения инструментов – аналогичное ядро ЛГР неодушевленности.

3. В качестве морфо-семантического ядра ЛГР выступают две или даже более деривационно-семантических категорий. Особо последовательной аффиксальной структурированностью отличается ЛГР абстрактных имен, морфо-семантическое ядро которого образуют имена действия, имена качества, а также идеонимы (абстрактные имена с суффиксом *-ismus*). Данный ЛГР базируется на одной из самых продуктивных разновидностей словообразования, названной Е.А. Земской «конструктивным словообразованием», «при котором производные создаются в целях изменения структуры речи: происходит свертка пропозиции, упрощается синтаксическое построение речи» [Земская 1992 : 8–9].

4. Деривационно-семантические категории не имеют коррелятов в виде лексико-грамматических разрядов, например, локативы (*nomina loci*), категория однократных имен действия (nomina acti) и т.д.

В плане аффиксальной мотивированности категории грамматического рода существительных разных ЛГР следует указать на два типа их взаимодействия.

1. Грамматический род существительных мотивирован их словообразовательной структурой. Все ЛГР, кроме имен собственных, подчинены этому правилу.

2. Грамматический род существительных не мотивирован их словообразовательной структурой. Наличие или отсутствие аффикса не влияет на родовую характеристику существительного и не предетерминирует его отнесенность к тому или иному типу склонения. Так, решающим фактором при определении рода топонимов оказывается не их структура, как это обычно имеет место в сфере имен нарицательных, а их отнесенность к тому или иному классу топонимов. Например, все ойконимы в немецком языке среднего рода, независимо от того, каким родовым показателем характеризуется коррелирующий с последним компонентом апеллятив, ср. *die Burg* «крепость», *der Berg* «гора», *der Wald* «лес», *das Feld* «поле», *die Wiese* «поле, луг», *die Stadt* «город», но: *das* (*groß, kleine, grüne, schöne*) *Brandenburg, Hamburg, Falkenberg, Wittenberg, Fürstenwalde, Saarfeld, Schwanheide* и т.д. Таким образом, свойственное суффиксам и полусуффиксам других ЛГР предграмматическое структурное содержание, т.е. функция предетерминации грамматических характеристик существительных, у суффиксов и полусуффиксов топонимов оказывается атрофированной.

Несмотря на указанную выше взаимосвязь между ЛГР и деривационно-семантическими категориями, между ними существует принципиальное различие. Оно заключается прежде всего в формах их выражения, обнаружения и в их разнонаправленной языковой сущности. Деривационные категории выявляются независимо от их отношения к грамматическим категориям. Они выступают как бы «усилителями» структурной четкости ЛГР. Аффиксальная структурированность ЛГР – явление распространенное, но не обязательное.

Наиболее контрастны в плане словообразовательной характеристики ИС и ИН. Грамматическая неполнота ИС сопровождается также их деривационной ущербностью.

В рамках экзоцентрического словообразования ИС следует указать на их неравномощные внутрикатегориальные и межкатегориальные словообразовательные потенции. В этом отношении между антропонимами и топонимами наблюдаются существенные различия. Антропонимам в большей степени свойственно внутрикатегориальное словопроизводство, например, *Marxist, Kantianer, Feuerbachianer* и т.п. Переход антропонима в результате морфологического словообразования в классы прилагательных и глаголов носит ограниченный характер. От личных имен, как правило, фамилий, прилагательные с посессивным значением, эквивалентным значению genetivus auctoris, могут быть образованы только с помощью суффикса *-sche*, который при существительных других ЛГР не встречается, например, *Beethovensche Musik, das*

Montesquieusche Buch, die Mozartsche Musik и т.д. Прилагательные с суффиксом *-sche* от топонимов единичны: *Pommern – pommersche: in einem pommerschen Dorf.* Вариант *- isch* встречается при основах личных имен редко.

Словообразовательные гнезда, базой которых служат антропонимы, несравненно беднее, чем гнезда с апеллятивной базой, что объясняется непродуктивностью межкатегориального словопроизводства у первых и большой его продуктивностью у последних, с одной стороны, и однонаправленностью аффиксации, т.е. отсутствием префиксального способа словопроизводства при образовании глаголов от антропонимов, с другой.

Топоосновы обнаруживают высокую продуктивность при образовании относительных прилагательных с помощью суффиксов *-isch* и *-er*, причем между этими суффиксами существует определенная специализация. Суффикс *-isch* присоединяется, как правило, к основам макротопонимов – названий континентов, стран, регионов: *asiatisch, europäisch, italienisch, kanadisch, skandinavisch, sibirisch* и т.п., в то время как с помощью суффикса *-er* образуются прилагательные от названий городов: *die Berliner Universität, der Münchner Pakt, die Leipziger Messe.* Лишь от отдельных макротопонимов прилагательные образуются с помощью суффикса *-er*: «Ein Schweizer Bahnhofvorsteher winkte, und zwei Schweizer Polizisten standen neben dem Gepäck...» (E.M. Remarque).

Несмотря на свою продуктивность, оттопонимические прилагательные с *-er* ущербны в грамматическом плане: они не «подстраиваются» под парадигматические и согласовательные классы прилагательных (они не различаются по родам, не образуют форм числа и не склоняются по падежам) и не употребляются в качестве предикатива.

Большая продуктивность адъективного суффикса *-isch* при топоосновах обусловливает, возможно, появление новой модели субстантивации с топонимическим значением, например, *das Bayerische, das Brandenburgische, das Rheinische, das Magdeburgische, das Thüringische...*: «Ein Justitiar aus dem Rheinischen, der viel lieber ein Schauspieler sein wollte...» (J. Schulz); «Vor drei Tagen war Otto mit Sack und Pack zu seiner Mutter irgendwohin ins Magdeburgische abgedampft» (H. Jobst) и др.). Ср. русск. *подмосковье, псковщина, поволжье, зауралье* и др.

Между именами собственными и другими ЛГР существуют также значительные различия в плане их структурных модификаций в словообразовательном процессе. Более автоматизированному и предсказуемому характеру модификаций ИН в качестве производящих основ противостоят зачастую хаотические, непредсказуемые структурные модификации ИС. Правда, в данном случае следует дифференцировать эндоцентрическое и экзоцентрическое словообразование антропонимов и топонимов. От первых могут быть образованы немотивированные, произвольные гипокористические формы, что совершенно недопустимо в рамках имен нарицательных, например, *Elsbeth, Elise, Elsa, Betti, Ilse, Liese* и т.д. от *Elisabeth.* В экзоцентрическом словообразовании антропонимы обычно не подвергаются каким-либо существенным деформациям. Структурные модификации ИН носят в основном морфонологический характер, т.е. имеют место явления усечения или наращения фонемы или фонемного комплекса на стыке производящей основы и деривационного суффикса, а также изменения в фонематическом составе корневой фонемы, названные в морфологии внутренней флексией (аблаут, умлаут, преломление гласных, чередования согласных), а опущения или добавления значимых единиц языка встречаются относительно редко. Например: *anbieten → Ange**b**ot, aufbieten → Auf**ge**bot, **ge**heim → heimlich, groß**e** Bogen spucken → Bogenspucker, auf der Bärenhaut liegen → Bärenhäuter.* Структурные модификации топонимов обнаруживают значительную амплитуду колебаний от автоматизированных моделей типа *Berliner, Moskauer, Engländer, Schweizer* до одноосновной компрессии поликомпонентных топооснов, например, русск. *Ростов-на-Дону → ростовчане, Комсомольск-на-Амуре → комсомольчане, Нижний Новгород → нижегородцы*, нем. *Bad Blankenburg → Blankenburger, Bad Lauchstädt → Lauchstädter,*

Dominikanische Republik → *Dominikaner, Trinidad* und *Tobago* → *Trinidader*. Особенно распространено явление универбации путем опущения одного или ряда компонентов составных топонимов при образовании от них обозначений жителей во французском языке: *Saint-Germain-en-Laye* → *Saint-Germainois, Saint-Pol-sur-Mer* → *Saint-Polois, Saint-Amand-les-Eaux* → *Amandinois, Chamonix-Mont-Blanc* → *Chamoniard, Saint-Jean-de-Luz* → *Luziens*. Подобного рода универбации приводят во французском языке к созданию серии омонимов, например: *Ferte-Bernard* (Sarthe) / *Ferte-Masse* (Orne) / *Ferte-sous-Jouarre* (Seine et Marne) → *Fertois, Nogent-en-Bassigny* (Haute-Marne) / *Nogent-le-Rotrou* (Eure-et-Loir) / *Nogent-sur-Marne* (Valde-Marne) / *Nogent-sur-Oise* (Oise) / *Nogent-sur-Seine* (Aube) → *Nogentais, Montreuil, Montrevil-sur-Mer* (Mas-de-Calais) → *Montreuillois* и т.д.

Топонимы редко выступают в качестве производящих основ глаголов. Глаголы, образованные от названий городов, областей, гор и т.п. относительно немногочисленны: *alpen* «содержать скот на горных альпийских пастбищах, заниматься отгонным скотоводством (на горных альпийских пастбищах)», *berlinern* «говорить на берлинском диалекте», *coventrieren* «разбомбить, стереть с лица земли (от названия английского города Ковентри, уничтоженного немецко-фашистской авиацией)» и т.п.

Наиболее существенным для характеристики деривационных потенций ИС в качестве производящих основ является внутрикатегориальное словопроизводство.

Итак, принцип поляризации ИС и ИН, постулированный Е. Куриловичем, прослеживается достаточно последовательно в морфологии в узком смысле слова. Однако специфика лексического значения ИС предопределяет также ряд их особенностей в словообразовательной системе языка, в частности, в словопроизводстве. Сопоставление деривационных потенций ИН и ИС в качестве производящих основ свидетельствует об относительной бедности суффиксальных моделей последних как в количественном отношении, так и в плане содержательном: соответствующие производные либо терминологичны, либо образуют имена, близкие к номенам. Таким образом, лексическая дефектность ИС влечет за собой не только грамматическую неполноту, но и их деривационную дефектность, проявляющуюся прежде всего в том, что если в сфере ИН явно доминирует межкатегориальное словопроизводство (в особенности взаимопереход в результате словообразовательного процесса полярных частей речи), то область ИС в основном ограничивается внутрикатегориальным словопроизводством. Положение о том, что чем полярнее части речи, тем большим взаимопроникновением они характеризуются в деривационном отношении [Мурясов 1987], не распространяется на имена собственные, и, следовательно, наиболее продуктивная межкатегориальная модель словопроизводства «существительное ↔ глагол» в сфере ИС практически не «работает».

Мы продемонстрировали некую модель описания грамматических и деривационных характеристик лексико-грамматических разрядов на примере противопоставления ИС и ИН, т.е. в пределах одной части речи – существительных. Не меньший интерес представляют вопросы влияния ЛГР глагола как базовой части речи на формирование семантической структуры слов результирующей части речи в словообразовании. Проиллюстрируем данное положение на примере взаимодействия глагольных семантических признаков «предельность-непредельность» и «переходность-непереходность» и образованных от них агентивных существительных. Изучение лексикографических интерпретаций агентивных существительных и их употреблений в составе предложений и сверхфразовых единиц показало, что вышеназванные признаки глаголов, в особенности семантический признак «предельность-непредельность» находит свое отражение в семантической структуре первых. Речь идет об агентивах, обозначающих лица, являющихся исполнителями действий в прошлом (см. об этом более подробно [Мурясов 1987; Murjazov 1994]).

Темпоральное значение некоторых агентивов варьирует в зависимости от их

денотатного или сигнификатного употребления в предложении. Одним из формальных средств разграничения *денотатного и сигнификатного употреблений одного и того же* агентива в немецком языке служат противопоставления определенного и неопределенного артикля. Употребление агентива в предикатной функции с неопределенным артиклем в ед. числе и resp. его отсутствие во мн. числе служит сигналом семантической модели «субъект – характеристика субъекта», т.е. сигнификатного употребления агентива с вневременным значением, например: «Hochgewachsen war er und schlank..., e i n V e r f ü h r e r der Frauen» (K. Zuchardt); «Was sonst bleibt euch übrig mit eurem Tausendjährigem Reich und euren infamen Rüstungen? Ihr B e r u f s m ö r d e r und V e r b r e c h e r!» (E.M. Remarque). Употребление того же самого имени в качестве предиката с определенным артиклем сигнализирует о семантической модели акциональности и денотатном, следовательно, перфективном характере агентива: «In der Truhe i s t eine Leiche v e r s t e c k t, und der Butler ist d e r M ö r d e r» (B. Brecht).

Чтобы иметь перфективное значение, агентив не обязательно должен занимать в предложении позицию субъекта или предиката. Здесь важна не синтаксическая функция, а наличие определенного артикля, предполагающего нередко денотатный пациентив при агентиве: «Clinton ist auf der Suche nach dem M ö r d e r seines Bruders» (Süddeutche Zeitung).

При актуализации их временного значения агентивы интегрируются в систему средств, формирующих «длинный семантический признак» [Степанов 1981: 91, 241; 1989] темпоральности высказывания. Агентивы от непредельных глаголов при наличии ситуации временной локализованности могут выражать таксис одновременности, а агентивы от предельных глаголов всегда выражают исполнителя действия, предшествующего действию предиката предложения в прошлом, настоящем и будущем, т.е. таксис предшествования независимо от темпоральной локализованности или нелокализованности действия высказывания, ср.: «Der Kommissar nahm ernst das Photo zur Hand und b e t r a c h t e t e die Gesichtszüge der schönen unbekannten. Sie lächelte offen, dem B e t r a c h t e r zugewandt» (W. Weitbrecht) (одновременность); «Übrigens, in der Hölderlinstraβe soll einer 'ne Frau e r m o r d e t h a b e n... Sexualmord, sagt er, hast du davon gehört?» «Nein, ist mir neu, aber den M ö r d e r kriegen sie bestimmt...» (H. Mager) (предшествование при темпоральной локализованности); «Zunächst sei dennoch noch einmal betont, daβ jeder Bürger verpflichtet ist, eine gefundene Sache unverzüglich dem V e r l i e r e r (= dem, der die Sache v e r l o r e n h a t)... zurückzungeben» (Neue Berliner Illustrierte) (агентив – *Verlierer* обозначает лицо – носителя действия, предшествующего действию предиката *ist verpflichtet, zurückzungeben* при отсутствии временной локализованности).

Предварительное исследование соотношения грамматических и словообразовательных характеристик существительных и отчасти глаголов позволяет придти к заключению о том, что попытка дать точное описание, адекватное истинному положению грамматических признаков и ЛГР в семантическом пространстве предметности, приводит к выявлению промежуточных категорий и семантических группировок слов, зон с диффузными границами. Неопределенность границ является онтологическим свойством не только семантических полей, она отражает также онтологию таких наиболее универсальных семантических пространств языка, как предметность, процессуальность, признаковость и конституирующих их наиболее крупных семантико-грамматических классов. Когнитивные основания частей речи асимметричны. «Во многих случаях, – пишет В.Г. Гак, – анализируемые языковые явления образуют своего рода спектр, где между отрезками четко различающихся цветов находятся переходные зоны, которые трудно приписать определенному цвету» [Гак 1998].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н.Д. 1976 – Предложение и его смысл. М., 1976.
Бондарко А.В. 1980 – Теория морфологических категорий. Л., 1976.
Гак В.Г. 1977 – Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.

Гак В.Г. 1986 – Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.
Гак В.Г. 1998 – Языковые преобразования. М., 1998.
Земская Е.А. 1992 – Словообразование как деятельность. М., 1992.
Кубрякова Е.С. 1997 – Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
Курилович Е. 1962 – Положение имени собственного в языке. В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962.
Лайонз Дж. 1978 – Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Мурясов Р.З. 1987 – Грамматика производного слова // ВЯ. 1987. № 5.
Никитин М.В. 1988 – Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
Новиков Л.А. 1982 – Семантика русского языка. М., 1982.
Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
РГ 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
Степанов Ю.С. 1981 – Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
Степанов Ю.С. 1989 – Индоевропейское предложение. М., 1989.
Степанов Ю.С. 1998 – Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
Теньер Л. 1988 – Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
Шендельс Е.И. 1970 – Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
Шендельс Е.И. 1982 – Совместимость/несовместимость грамматических и лексических значений // ВЯ. 1982. № 4.
Уфимцева А.А. 1974 – Типы словесных знаков. М., 1974.
Ярцева В.Н. 1968 – Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
Admoni W. 1972 – Der deutsche Sprachbau. L., 1972.
GDG 1981 – Grundzüge einer deutschen Grammatik / Hrsg. von K.-E. Heidolph. W. Flämig und V. Motsch. Berlin, 1981.
Langacker R.W. 1991 – Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin, 1991.
Moskalskaja O.I. 1983 – Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M., 1983.
Murjazov R.Z. 1994 – Isogrammatische Merkmale der Wortbildungen // Deutsche Sprache. 1994. № 7.
Schendels E.I. 1982 – Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. M., 1982.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1999

© 1999 г. Б.Л. ИОМДИН

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ

Глаголы иррационального понимания – это ментальные предикаты с пропозициональным дополнением, описывающие ситуацию возникновения понимания без помощи разума, не обусловленного ни чувственным восприятием, ни логическим рассуждением. В задачу автора входило описание семантики этих глаголов в соответствии с лексикографическими принципами, выдвинутыми Ю.Д. Апресяном [см., например, Апресян 1995], в особенности принципами интегральности и системности. В более широком плане, работа выполнена в русле действующей модели языка "Смысл ⇔ Текст" [Мельчук 1974б; 1995][1].

1. Рациональное понимание. При описании интересующих нас глаголов естественно отталкиваться от основных свойств прототипического, т.е. рационального понимания. Его главным представителем является глагол *понимать*. Нам кажется, что у *понимать* следует различать два лексических значения, назовем их условно *понимать*$_1$ 'осознавать' и *понимать*$_2$ 'разбираться'. Первое значение реализуется тремя типами конструкций: 1) *понимать + что P: Иван понял, что был неправ*, 2) *понимать* + + вопросительное придаточное: *Не понимаю, о чем вы говорите*, 3) *понимать* + прямое дополнение: *Я понял всю нелепость своего положения*. Второе значение допускает лишь предметный объект: *Учитесь понимать серьезную музыку*. Толкование И.М. Богуславского [Богуславский 1984]: *X понимает Y* = 'То, что X обработал или обычно обрабатывает компонентом своей психики W, обычно – разумом, факты, связанные с Y-ом, каузировало то, что X (α) имеет или (β) начинает иметь в своем сознании истинную информацию Z о существенных свойствах Y-а', очевидно, обслуживает второе значение *понимать*. Нас же здесь будет интересовать в первую очередь лексема *понимать*$_1$: на наш взгляд, именно значение 'осознавать' лежит в основе глаголов иррационального понимания. В работе [Апресян 1995: 414] предлагается следующее толкование *понимать*$_1$: *A понимает, что Q* = 'В момент t_0 A знает или представляет, что Q; это знание или представление возникло в результате того, что до t_0 A знал что-то о ситуациях, связанных с Q, и думал о чем-то, связанном с Q; знание, что Q, делает возможным знать или представить то, что может произойти после t_0'. При выявлении сходств и различий между рациональным и иррациональным пониманием мы будем исходить из этого толкования.

2. Метафора. Метафорический подход давно и с успехом используется в лингвистике (см. [Lakoff, Johnson 1980; Успенский 1979; Апресян В., Апресян Ю. 1993]), в первую очередь для описания слов, обозначающих чувства и эмоции. Хотя понимание – часть мышления и тем самым входит в интеллектуальную, а не в эмоциональную сферу, оказывается, что и здесь вполне целесообразно использовать метафору для

[1] Основные положения статьи содержались в дипломной работе автора, которая была защищена в МГУ в 1998 году. Автор хотел бы выразить глубокую признательность своему научному руководителю акад. Ю.Д. Апресяну, а также поблагодарить участников семинара "Теоретическая семантика" за ценные критические замечания, высказанные в ходе обсуждения работы.

семантического и лексикографического описания. Это тем более актуально для настоящей работы, которая посвящена словам, по существу находящимся на стыке мышления и эмоций.

Для характеристики абстрактной ситуации понимания (и обретенного в результате знания) языки используют различные способы. В русском языке можно выделить несколько метафор понимания.

2.1. Свет. Оказывается, что для концептуализации понимания исключительно важна идея с в е т а. Именно эта идея лежит в основе ментальных значений слов *осветить, просветить* 'сообщить знание', *пролить* ⟨*бросить*⟩ *свет* 'сделать понятным' или 'просветить', *просветлить* 'облегчить понимание' и *просветление* 'наступление (долгожданного) понимания', *высветить* 'сделать известным, понятным во всей полноте', ср. также *свет истины, свет знаний, свет веры, светлый ум, ясная голова*. Следующие примеры, эксплуатирующие и развивающие световую метафору понимания, также иллюстрируют игру света, который вдруг озаряет темный и смутный мир разрозненных ощущений и не связанных друг с другом понятий и поднимает завесу над ними, позволяя связать факты в систему: *И тут произошла интересная вещь: все прежние темные места сделались совершенно понятными, словно налились светом, и здесь, при свете лампы, ночью, в глуши, я понял, что значит настоящее знание.* (М. Булгаков. Записки юного врача); *Слушая Рудина, нам впервые показалось, что мы, наконец, схватили ее, эту общую связь, что поднялась, наконец, завеса! Положим, он говорил не свое – что за дело! – но стройный порядок водворялся во всем, что мы знали, все разбросанное вдруг соединялось, складывалось, вырастало перед нами, точно здание, все светлело, дух веял всюду...* (И. Тургенев. Рудин).

С другой стороны, отсутствие понимания (и, следовательно, знания) связано в сознании говорящих с идеей т ь м ы. Отсюда *темный*$_1$ 'невежественный, не способный и не желающий понимать', *темный*$_2$ 'непонятный', *темнить* 'запутывать, не давать понять', *затмение* '(временное) непонимание'[2] и др. Тьма непонимания или забвения может озаряться внезапными п р о б л е с к а м и света. С этим же связана идея мрака, покрывающего невежд или сумасшедших. Ср. также *мракобесие* ≈ 'воинствующее невежество, т.е. нежелание знать и понимать', *обскурантизм* (от лат. *obscurans* – затемняющий) 'то же'. Тьма, мрак порождают х а о с, в котором факты теряются и становятся недоступными для понимания (ср. также *теряться в догадках*). Неполное или нечеткое понимание напоминает плохое, смутное освещение, п е л е н у, которая при понимании *спадает*, или т у м а н, который должен *поредеть* или *рассеяться*, чтобы обеспечить понимание абсолютное и точное; ср. также *туманный* 'непонятный', *затуманить* ⟨*напустить туману*⟩ 'сделать непонятным' и т.п. Ср.: *Голоса затихли, а она и действительно задремала, что-то будто промелькнуло перед нею, на минуту она что-то поняла как будто и даже приняла какое-то решение, и связала все – и то письмо, и Дато бедного, и эти мерзкие голоса – но утром все забылось, снова на жизнь наполз обычный в последнее время туман, какая-то рябь...* (А. Кабаков. Подход Кристаповича).

Если в метафорических выражениях *пролить свет, стало ясно* и т.п. заложена идея света, выявляющего в темноте новое знание (ведь понимание есть обретение знания), то выражения вроде *сверкнула* ⟨*мелькнула*⟩ *мысль, мысль поразила, как молния* и т.п. описывают, кроме того, и два других свойства понимания, и шире, появления новой мысли – внезапность и кратковременность, в пределе – мгновенность

---

[2] *Затмение* может также означать потерю контроля над собою, связанную, однако, именно с временным отказом сознания, ведущим к неадекватному пониманию субъектом ситуации и собственных действий (ср. [Апресян 1995: 361]). Ср. например: *Когда касалось Володи, его отношения к ней, что-то происходило с сознанием, какое-то затмение мозгов: она становилась тупа, теряла чувство юмора.* (Ю. Трифонов. В грибную осень).

(эти свойства характерны именно для глаголов иррационального понимания, см. далее 4.2). Ср.: *Убийственная мысль как молния озарила ум бедного горбача; он отгадал в одно мгновение, кто был этот второй голос, о ком так нежно заботилась сестра его, как будто в нем одном были все надежды, вся любовь ее сердца.* (М. Лермонтов. Вадим); *Я кляла на чем свет стоит это неожиданное препятствие, как вдруг в моем измученном мозгу, словно молния, сверкнула мысль: ведь это же корни растений!* (И. Хмелевская. Что сказал покойник); *Страшно ясно, словно душа озарилась бесшумным взрывом, мелькнуло будущее воспоминание...* (В. Набоков. Тяжелый дым).

2.2. Удар. Представление о понимании как о т о л ч к е, у д а р е (в частности, электрическом) не столь характерно для русского языка, зато именно оно лежит в основе большинства метафорических употреблений понимания в английском языке (ср. *the truth suddenly burst upon him* – вдруг его осенило, внезапно он всё понял; *he had a hunch* - его вдруг озарило; *the answer struck him suddenly* – внезапно он понял, в чём дело; *all of a sudden I tumbled to it* – внезапно меня осенило). Однако и по-русски неожиданное (и подчас необъяснимое) понимание может описываться с помощью этой метафоры, ср. *его ударило (толкнуло, подтолкнуло; стукнуло), пронзила мысль* и т.п. Ср. примеры: *Я вообще человек бесхитростный, стал разъяснять, ничтоже сумняся, давать мудрые советы, а потом меня вдруг ударило: господи, да ведь он меня изучает!* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги), *Ощупью сойдя в четвертый этаж, я остановился, и вдруг меня как будто подтолкнуло, что здесь, в сенях, кто-то был и прятался от меня.* (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные), *И вдруг ее словно током пронзило: "Так это же аэроплан!"* (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Чонкина); – *Ничего еще не понял! – зазвенел над ухом Федора Ивановича отчаянный крик Стригалева. И одновременно ударил его и сотряс страшный разряд догадки.* (В. Дудинцев. Белые одежды).

2.3. Видение. Абстрактная ситуация понимания (как и ситуация мнения, полагания; см. об этом в работе [Арутюнова 1989]) нередко описывается языком так же, как более конкретная ситуация зрительного восприятия. Л. Витгенштейн указывал на глубокую взаимосвязь зрения и мышления, говоря о том, что "уяснение аспекта" оказывается для нас наполовину визуальным опытом, наполовину мыслью [Wittgenstein 1953]. Как пишет Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1989: 7], "Во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепцию и суждения, знание и веру". Это смешение понимания и видения характерно для множества языков, в том числе и для русского. Прежде всего, основной глагол зрительного восприятия *видеть* имеет ментальные значения 'понимать' (на основе видимых признаков) и 'знать' (как бы *видеть*), ср. *Как я ужаснулся бы, если бы тогда увидел* (= 'понял'), *что сейчас вижу* (= 'понимаю') *так ясно – стилистическую зависимость моих русских построений от тех английских поэтов, от Марвелла до Хаусмана, которыми был заражен самый воздух моего тогдашнего быта.* (В. Набоков. Другие берега); *Хотелось бы видеть* (= 'знать'), *на что идут эти деньги*; – *А ты бы меня отпустил, игемон, – неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, – я вижу* ('понимаю или знаю'), *что меня хотят убить.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). См. об этом подробно в словарной статье ВИДЕТЬ [Апресян 1996].

Полное отсутствие понимания также сравнивается со с л е п о т о й. По сути дела, здесь можно усмотреть и развитие метафоры света: ведь слепота есть не что иное, как неспособность увидеть свет, жизнь в темноте. Непонимающего человека называют *слепцом*. Ср.: *Вот этого-то Кречмар не понимает – и не что иное, как именно это непонимание, и символизировано слепотой, поражающей Кречмара.* (В. Ходасевич. "Камера обскура"). Слепой не видит *света знания* и может оказаться способен к

слепой любви (т.е. любви, не требующей и/или сопротивляющейся пониманию), *слепой вере ⟨доверию, преданности⟩* ('вере ⟨доверию, преданности⟩ без понимания'), *слепой ревности* 'ревности без попытки понять (и, возможно, простить)', *слепой ненависти* 'ненависти, не основанной на понимании', *слепому гневу* 'гневу без понимания причин и/или последствий этого гнева', *слепому повиновению ⟨послушанию, дисциплине⟩* 'повиновению ⟨послушанию, дисциплине⟩ без попытки осмыслить, понять приказ'. *Ослепнуть* может означать 'перестать понимать': *Постараюсь ослепнуть умом, хоть на каникулы, и быть счастливым! Только ощущать жизнь, а не смотреть в нее, или смотреть затем только, чтобы срисовать сюжеты, не дотрогиваясь до них разъедающим, как уксус, анализом.* (И. Гончаров. Обрыв). С другой стороны, *ослепить* может и неожиданное понимание, как слепит чересчур яркий свет, ср. *Снова и снова перебирала я в памяти события, пытаясь докопаться до истины, и вдруг, подобно взрыву бомбы под самым носом, меня ослепила такая страшная догадка, что я на момент потеряла возможность вообще что-либо соображать.* (И. Хмелевская. Что сказал покойник).

От слепоты непонимания может избавить п р о з р е н и е. Слова *прозреть, прозрение* очень хорошо описывают ситуацию иррационального понимания как вспыхнувшего света, озаряющего мир после долгой слепоты непонимания. Ср.: *А нет ли у нас такого чувства, что человек, не замечающий жизненных проблем, слеп к чему-то важному, даже очень важному? Не хочу ли я сказать: живущий лишь сиюминутным просто слеп, как крот; сумев прозреть, он увидел бы проблему*? (Людвиг Витгенштейн. Культура и ценность. Пер. М. Козловой).

2.4. Обретение. Несмотря на то, что глагол *понимать* этимологически связан с др.-рус. *имати* 'брать', ср. *иметь, взимать, поймать, принимать, обнимать* и др. (см. [Фасмер 1987]), метафора понимания как о б р е т е н и я (взятия, охвата) гораздо менее характерна для русского языка, чем описанные выше метафоры света, удара и зрительного восприятия. Здесь можно отметить лишь лексемы вроде *охватить, схватить, ухватить, уловить*. Ср. *Но затмившимся мозгом не способные охватить этих перемещений мироздания, самые изощренные и самые простоватые из нас не находятся...* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); *Она ⟨...⟩ барахло как-то не воспринимала, модные тонкости не понимала и только удивлялась, как все замечает, понимает и схватывает Ольга – дочь сама все больше становилась похожа на девушку с такой картинки.* (А. Кабаков. Подход Кристаповича); *– Так-так... – проговорил академик, кивая и глядя в пол. Его уже осенило. Он уже уловил мысль.* (В. Дудинцев. Белые одежды).

Интересно, что именно на этой метафоре основан концепт понимания в романских языках, в частности, во французском. В.Г. Гак пишет: "Известно, что латинский глагол *comprehendere* от значения 'охватывать' перешел к значению 'постигать'. Современный французский глагол *comprendre* совмещает эти два значения, которые, видимо, так неразрывно связаны в сознании, что французский разговорный глагол *piger*, первоначально значивший '*поймать в ловушку*', приобрел значение 'понимать', т.е. повторилось то же самое семантическое развитие: 'хватать' – 'понимать'." [Гак 1993: 29].

Эта же метафора лежит в основе многих английских глаголов понимания, таких как *take* 'брать, хватать' и 'принимать, понимать', *catch* 'поймать, схватить' и 'улавливать, понимать', *grasp* 'схватывать' и 'понимать, осознавать' и др. Ср. *I don't catch your meaning* 'не понимаю, что вы хотите сказать'; *I (don't) take you* 'я вас (не) понимаю'; *to grasp an argument* 'понять (букв. 'схватить') довод'.

2.5. Продвижение. Метафора понимания как продвижения знания в сознание говорящего содержится в некоторых русских глаголах, употребляющихся в разговорной речи при описании замедленно протекающего процесса понимания (ср. [Апресян 1995: 380]). Это глаголы *дойти*$_1$, *допереть*$_1$ ≈ 'наконец понять' (*А дошел ⟨допер⟩ до Р: "Как*

эта сволочь могла допереть до такой догадки?" – подумал Федор Иванович, ахнув в душе. (В. Дудинцев. Белые одежды) и их конверсивы *дойти*$_2$, *допереть*$_2$ ≈ 'наконец стать понятным' (*Р доперло ⟨дошло⟩ до А: Только сейчас до него дошло, что именно произошло*), а также сленговые *доехать* (*Ну как, доехало до тебя?*), *въехать* (*Что-то я не въехал*) и *догнать* (*Ты не догоняешь* 'не понимаешь'). Впрочем, эта метафора в русском языке мало разработана.

Итак, оказывается, что в русской языковой картине мира для описания концепта понимания наиболее важны идеи зрительного восприятия и света[3]. Понимание прежде всего воспринимается как вспышка или луч света. Этот луч может быть направлен как на внешний мир, выхватывая ранее неизвестные или скрытые факты из окружающей темноты, так и "вовнутрь", озаряя человеческое сознание, память, душу; наконец, грубо говоря, голову, мозг как вместилище знаний. Ср.: *И вдруг его мозг озарила совершенно ясная, определенная мысль: "Надо доставать из шкафчика по очереди все хранящиеся там минералы".* (Н. Носов. Незнайка на Луне); *Саша вспомнил, и это было как вспышка света в черепе, – я искал фотографию волка.* (В. Пелевин. Проблема Верволка в средней полосе). Если понимание возникло в результате сообщения какой-либо информации, можно сказать, что был *пролит свет*; если понимание возникло внезапно, оно уподобляется *вспышке ⟨проблеску⟩ света* или *молнии*; если же понимание пришло изнутри, а не явилось результатом мыслительной деятельности, представляется, что внезапный яркий свет *озарил* сознание (мышление, мозг) человека, осветив содержащееся в нем, но неизвестное доселе новое знание. Здесь уже можно говорить об иррациональном понимании, к рассмотрению которого мы и переходим.

3. Лексика иррационального понимания. Если принять за рабочее определение иррационального понимания "обретение нового знания без помощи разума", то оказывается, что эта идея обслуживается в русском языке достаточно мощным пластом лексики – более всего (но не только) глаголами и отглагольными существительными. Разные аспекты этой идеи могут выражать несколько десятков лексем (во всех своих значениях, в части значений или только в одном значении).

Прежде всего это глаголы *осенить* и *озарить*. Иногда в том же значении употребляется и глагол *осветить*, ср. *Голову вдруг осветило: "Это перелом оснований черепа... да, да, да... Ага-га... именно так!" загорелась уверенность, что это правильный диагноз. Осенило.* (М. Булгаков. Записки юного врача). Но такие употребления встречаются редко и не дают достаточного основания выделять у этого глагола отдельное значение иррационального понимания. Впрочем, эти употребления лишний раз напоминают нам о важности для русского языкового сознания метафоры света как понимания.

Идею, близкую к идее откровения, выражает глагол *открыться*. В центре группы глаголов иррационального понимания находятся и глаголы *угадать, предугадать, догадаться*. Некоторые свойства этих глаголов будут отмечены ниже.

Глагол *прозреть*, о котором уже шла речь выше, в обоих своих значениях (*прозреть*$_1$ (неперех.) 'обрести способность видеть' и *прозреть*$_2$ (перех.) 'увидеть наперед') также нередко выражает идею иррационального понимания. Ср. – *Ах! Оскорбление является обычной наградой за хорошую работу, – ответил Азазелло, – неужели вы слепы? Но прозрейте же скорей.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

---

[3] Сходная идея (относительно английского языка) высказана и в уже указанной работе Лакова и Джонсона: "Understanding is seeing; ideas are light sources; *discourse is a light medium*" (понимать есть видеть; идеи – источники света, речь – проводник света) [Lakoff, Johnson: 48]. Опираясь на данные английского языка, Лаков и Джонсон также отмечают связь понимания, зрительного восприятия и света, ср. *I see* 'понимаю' (букв. 'вижу'), *elucidate your remarks* 'поясните ваши замечания' (букв. 'пролейте свет'), *a murky discussion* 'неясный спор' (букв. 'темный, туманный'). Однако для английского языка эти метафоры менее значимы: там преобладает метафора удара, толчка.

(первое значение); *Что Он в Ней увидел? Может, так прозревают Судьбу? Может, Судьба так и выглядит?* (А. Битов. Преподаватель симметрии) (второе значение).

Как указано выше, понимание часто описывается через зрительное восприятие. А поскольку *видеть* и вследствие этого *понимать* рациональным образом можно лишь события настоящего (а также, если учитывать "внутреннее зрение", прошлого), то глаголы со значением 'заранее видеть', такие как *предвидеть, провидеть*, приобретают значение сверхъестественного, иррационального понимания. Ср.: – *Сегодня душно, где-то идет гроза, – отозвался Каифа, не сводя глаз с покрасневшего лица прокуратора и предвидя все муки, которые еще предстоят.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита), *Нет, нет, я все сделаю, как надо, – сказала Софичка, чувствуя необычайный прилив нежности к этому мальчику, словно предвидя в нем собственного сына.* (Ф. Искандер. Софичка).

Ментальное значение (иррационального) понимания как обретения знания приобретают не только глаголы зрительного восприятия, но и глаголы восприятия вообще, такие как *ощущать, чувствовать, предчувствовать, чуять.* Ср. *Пришла Женя с корзиной; у нее было такое выражение, как будто она знала или предчувствовала, что найдет меня в саду.* (А. Чехов. Дом с мезонином), *Чонкин проснулся от того, что почувствовал: кто-то угоняет его самолет.* (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Чонкина).

Далее, глаголы р е ч и, описывающие ситуацию предсказания, также содержат компонент иррационального понимания. Это глаголы *предсказывать, предрекать, пророчить, пророчествовать, прорицать.* На то, что семантика этих глаголов содержат компонент иррациональности, указывает М.Я. Гловинская. Все эти глаголы, по ее мнению, "предполагают мистическое, сверхъестественное получение знания о будущем". Если в *предсказывать* допускается и мистический, и рациональный способ получения этого знания, то *пророчествует* "человек, имеющий откровение от Бога, избранный Богом для передач своей воли людям"; *прорицать* – это "особая мистическая способность человека проникать в будущее, видеть сцены будущего (и сообщать об этом)", связанная с "некоей иррациональной высшей силой, необязательно божественного характера" [Гловинская 1994: 175 и сл.].

Наконец, подобно глаголам иррационального понимания ведут себя также глаголы "т е л е п а т и ч е с к о г о в о с п р и я т и я" (*передаться, сообщиться*). Поскольку идея возможности "передачи мыслей на расстоянии" плохо освоена языком, обретение знания на основе телепатии воспринимается не как рациональное понимание (как любое понимание или знание, наступившее в результате сообщения), а как иррациональное. Ср.: *Вдруг она умолкает, пристально и как бы с удивлением глядит на меня, и я чувствую, что моя мысль ей передалась.* (В. Ходасевич. Белый коридор), *Мысли Елены передались ему и жгли его уже много минут.* (М. Булгаков. Белая гвардия), *Ужас его вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание). Кстати, идея передачи мыслей на расстоянии может обслуживаться и глаголами догадки, ср. *Как радостно, счастливо видеть, когда ты только начал мысль, а другой уже догадался...* (Ю. Карякин. Дневник русского читателя // "Октябрь", № 11, 1997); ср. также пример из Булгакова, где герой уповает именно на установление телепатической связи между ним и его возлюбленной: *Я открыл дверцу, так что жар начал обжигать мне лицо и руки, и шептал: – догадайся, что со мною случилась беда.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Наряду с глаголами идею иррационального понимания несут и их производные. Однако есть лексемы, имеющие собственное лексическое значение иррационального понимания, а не наследующие его от глаголов, ср. *вдохновение, наитие.*

Одной из наиболее характерных лексем, выражающих идею иррационального понимания, является слово *интуиция.* Оно может обозначать (1) способность к иррациональному пониманию, (2) орган иррационального понимания и (3) само понимание как

явление. Ср.: *Среди лагерников движешься как среди расставленных мин, лучами интуиции делаешь с каждого снимок, чтобы не взорваться.* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); *Но ведь это и есть ненавистная им интуиция, которой якобы я грешу, цельное, разом охватывающее картину познание.* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Похоже ведет себя и слово *инстинкт*, но, в отличие от *интуиции*, это слово не может обозначать само иррациональное понимание как явление, а лишь орган иррационального понимания или способность к нему. Ср. *Падая на вытянутые лапы и уже считая себя пропавшим, Саша вдруг понял, что сейчас перед ним должен находиться бок или шея врага, и вместо того, чтобы отпрыгнуть в сторону, как подсказывали боль и инстинкт, он рванулся вперед...* (В. Пелевин. Проблема Верволка в средней полосе).

Наконец, для описания иррационального понимания существует хороший научный термин *инсайт*, но это слово русским языком практически не освоено и встречается лишь в специальной литературе. Ср. например: *Тогда то, что ты говоришь, сводится к следующему: для правильного выполнения задания "+n" на каждом шагу требуется новый инсайт – интуиция*". (Людвиг Витгенштейн. Философские исследования. Пер. М. Козловой).

Отметим также лексемы *догадка; прозрение; предвидение, провидение, ясновидение; чувство, предчувствие; ощущение, предощущение; чутье; предсказание, прорицание, пророчество, предвестие; догадливость; прозорливость, проницательность; прозорливый, догадливый, проницательный, чувствительный* (устар., ср., например, *Чувствительный и проницательный сердцем, Алеша ⟨...⟩ впадал в уныние от ее журьбы и слез, так что его становилось жалко, а впоследствии между ними бывали из-за подарков упреки, огорчения и ссоры.* (Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные), *чуткий, вдохновенный, интуитивный, инстинктивный, пророческий*[4].

4. Семантические свойства глаголов иррационального понимания. Для более детального исследования мы отобрали глаголы и глагольные выражения, у которых можно усмотреть лексическое значение 'понять без помощи разума'. Глаголы *озарить* и *осенить*, очевидно, являются основными представителями рассматриваемого круга лексических единиц иррационального понимания. Основная часть нашего исследования посвящена именно этим глаголам. В Малом академическом словаре русского языка интересующее нас (второе) значение иррационального понимания глагола *осенить* истолковано как 'внезапно появиться, возникнуть (о мысли, догадке); прийти на ум кому-л.'. Соответствующее значение глагола *озарить* МАС расценивает как переносное и дает ему следующее толкование: 'неожиданно прийти на ум, прояснить чье-то сознание'. Между тем нам необходимо дать этим глаголам полноценные лексикографические толкования, учитывающие современные требования интегральности и системности. Для этого придется рассмотреть семантические свойства данных глаголов и выявить их *отличия* от рассмотренных выше свойств глаголов рационального понимания, представленных глаголом *понимать*. Кроме того, мы отметим некоторые интересные свойства глаголов *открыться, угадать, догадаться* (интересующие нас значения этих глаголов в МАСе толкуются как 'стать понятным кому-л.',

---

[4] Сюда же можно отнести восклицания и междометия, произносимые субъектом в момент внезапного озарения или догадки, ср. *А!* (с характерным придыханием или произносимое на вдохе), *О!* и, возможно, некоторые другие, а также слово *Эврика!*. Ср. например: *А! понимаю, А! вспомнил; "А! догадываюсь!" сказал Обломов.* (И. Гончаров. Обломов), *К чему бы такой гусь? А–а–а! Есть! Готово! "В борьбе обретешь ты право свое"? – Да, – разочарованно протянул старик, – как это вы так быстро угадали?* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок); *Вот дьявол, – сказал Витька. – Ничего не могу придумать обыденного с буквой "р". Стул, стол, потолок... Диван... О! Тр-ранслятор!* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

'узнать по догадке, высказать правильное предположение' и 'напасть на верную мысль, сообразить').

4.1. Метафоричность. Все изложенные выше соображения по поводу той важной роли, которую играет метафора света в описании понимания, имеют непосредственное отношение и к рассматриваемым нами глаголам, в первую очередь к глаголу *озарить*. Ментальное значение еще недавно у этого глагола отсутствовало. Это современное значение вначале было лишь переносным и развилось из основного значения *озарить* = 'осветить': *Моя студенческая келья Вдруг озарилась: муза в ней Открыла пир младых затей* (А. Пушкин. Евгений Онегин), *Вдруг огненная вспышка озарила экран, резкий треск раздался под полом комнаты, туманное зеркало погасло.* (А. Толстой. Аэлита). В литературе XIX века преобладают употребления *X–а будто ⟨словно, как бы⟩ озарило*, а конструкции *X–а озарило, что P*, наличие которых свидетельствует о появлении у глагола *озарить* отдельного ментального значения, почти не встречаются. Ср. примеры из классической литературы: *И вдруг ее словно озарило.* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы), *Его неожиданная вспышка сперва поразила умную барыню, а потом ее как будто что озарило – да так, что она невольно шепнула: – А!* (И. Тургенев. Новь), *Его будто осенило.* (Ф. Достоевский. Бесы).

Быть может, и внутренняя форма глагола *озарить*, так называемая этимологическая память слова (термин В.И. Абаева [Абаев 1948], ср. также [Апресян 1995: 171]) не дает забыть о его световом происхождении. Ср. отрывок из С. Довлатова, где игра слов возможна именно благодаря метафоре света, лежащей в основе *озарения: Губин рассказывает о себе: "Да, я не появляюсь в издательствах. Это бесполезно. Но я пишу... Пишу ночами. И достигаю таких вершин, о которых не мечтал!..." Повторяю, я хотел бы этому верить. Но в сумеречные озарения поверить трудно. Ночь – опасное время. Во мраке так легко потерять ориентиры.* (С. Довлатов. Ремесло).

Кстати говоря, если тот факт, что современное ментальное значение глагола *озарить* развилось из первоначального 'осветить', не вызывает сомнения, то для глагола *осенить* это не так очевидно. Однако, по данным Фасмера [Фасмер 1987], слово *сень*, от которого образован глагол *осенить*, связано с *сиять*, ср. готское *skeinan* "сиять, светить" (отсюда же англ. *shine*, нем. *scheinen* "светить, сиять, озарять"). Таким образом, слово *осенить*, хотя и получило прямо противоположное значение 'бросать тень', сохранило в этимологической памяти свое световое происхождение, которое и обнаруживается в его новом ментальном значении.

Идея иррационального понимания может быть выражена и другими метафорами, см. примеры выше. В особенности это касается у д а р а и с в е т а. К метафоре яркого света близка также метафора о ж о г а, характерная скорее для описания появления новой мысли, но также и для иррационального понимания. Ср.: *И тут меня словно ожгло. Поплыли, полетели на меня воспоминания прошлого года, потому что повернулась она ко мне тем же ракурсом, что и на фотооткрытке.* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора), *Потом его обожгла мысль: паспорт? Он ухватился за один карман, другой – нет* (М. Булгаков. Белая гвардия). Однако, в отличие от рассматриваемых нами лексем *озарить* и *осенить*, эти метафоры не воплотились в отдельные значения соответствующих лексем.

4.2. Моментальность. В отличие от многих глаголов рационального понимания (ср. *осознавать*), глаголы типа *осенить* являются моментальными глаголами. Озарение не может быть протяженным во времени, оно происходит мгновенно. Ср. следующий пример: *У людей типа Бычкова голова как-то так устроена, что они решение находят мгновенно. Или никогда. Если их сразу не осенило, хоть сто лет они будут решать, ничего не придумают. Но, как правило, таких людей осеняет сразу же. И в самых сложных случаях!* (Э. Успенский. Клоун Иван Бултых). Понимание же может прийти постепенно. Ср. *Она продолжала молчать, и глядя на ее лицо, я*

постепенно понимал, что зря обидел ее; А я сидел и понимал старого Митрича, понимал его слезы: ему просто все и всех было жалко: жалко председателя за то, что ему дали такую позорную кличку, и стенку, которую он обмочил, и лодку, и чиры – все жалко. (В. Ерофеев. Москва–Петушки). Для *осенить* и *озарить* это невозможно: **Меня постепенно осеняло* ⟨*озаряло*⟩, *что я зря обидел ее, *Я сижу и меня осеняет* ⟨*озаряет*⟩, *что Митричу всех жалко.* Кроме того, глаголы рационального понимания могут употребляться в процессном значении, ср. например *Я все лучше понимал, что не следовало звонить туда; С каждым днем он все больше понимает всю нелепость такого поведения; Искра пыталась сосредоточиться, но не понимала, что читает, и подписала не дочитав.* (Б. Васильев. Завтра была война...); *Я все больше убеждался только в одном, а именно в том, что она не сестра Гарина* (И. Тургенев. Ася). Для глаголов иррационального понимания это немыслимо: **Он все лучше угадывает, что...; *Меня все больше и больше озаряет, что...* Глаголы рационального понимания, в отличие от *осенить* и *озарить*, легко сочетаются с фазовыми словами, ср. *И начинает понемногу Моя Татьяна понимать Теперь яснее – слава богу – Того, по ком она вздыхать Осуждена судьбою властной* (А. Пушкин. Евгений Онегин); *Я начинаю что-то понимать, когда все уплывает назад, и чем дальше уплывает, тем понятнее становится.* (Х. Кортасар. Преследователь. Пер. М. Былинкиной); *У матери в эту минуту было на душе другое: она вдруг совсем перестала понимать, что есть на свете милиция, прокурор, суд, тюрьма...* (В. Шукшин. Материнское сердце). Глаголы же иррационального понимания не сочетаются ни с *начинать*, ни с *переставать*, ср. невозможность **Татьяну начало понемногу осенять*, **Ее совсем перестало осенять, что есть на свете милиция.* Последнее свойство глаголов *осенять* и *озарять* связано также и с тем, что в их значение входит компонент начинательности: *меня озарило* 'я начал знать'. Следовательно, если при попытке сочетания этих глаголов с инцептивными словами возникает тавтология: 'начать начинать знать', то во втором случае создается противоречие: 'перестать начинать знать'.

Для окончательного понимания человеку может иногда понадобиться много лет, ср.: *Понадобилось полстолетия, чтобы полковник понял, что не знал ни минуты покоя с тех пор, как была сдана Неерландия.* (Г. Маркес. Полковнику никто не пишет. Пер. Ю. Ванникова). Понятно, что *осенять* не может ни полстолетия, ни полчаса, ни даже полсекунды: это точечное, мгновенное событие. Ср. замечание в [Зализняк; Падучева 1989: 112]: "...ментальный акт – это, как правило, мгновенный переход, скачок (achievement), не вполне контролируемый и плохо поддающийся временнóй локализации", ср. также [Vendler 1972: 49]. То же касается и глаголов догадки, ср. например: *Хотя письмо не было подписано, я мгновенно догадался, кто его написал.* (Ф. Искандер. Письмо).

4.3. Непредсказуемость. Известно (см. [Апресян 1995: 228]), что свойство моментальности непосредственно связано с признаком контролируемости действия. Поскольку иррациональное понимание приходит свыше (см. подробнее в разделе 5), естественно, что это неконтролируемое явление. Человек не может вызвать у себя озарение, оно приходит неожиданно, помимо его воли. А к рациональному пониманию можно стремиться, его можно вызвать напряженными интеллектуальными усилиями. Глаголы иррационального понимания, в отличие от *понимать* или *осознать*, не проходят ни одного из тестов на контролируемость, предложенных Т.В. Булыгиной [Булыгина 1982: 68 и сл.]. К рациональному пониманию можно п р и з в а т ь, ср. *Вот что, – заговорил он, – одумайтесь. Поймите, что вы все равно попадете в психиатрическую лечебницу, ну, немножно попозже... и притом попадете в гораздо более плохом состоянии.* (М. Булгаков. Морфий). Кроме того, можно *хотеть* ⟨*стремиться, стараться, силиться, пытаться*⟩ *понять*, (*мучительно*) *идти к пониманию* и т.п. Ср. *Что-то еще жгуче беспокоило финдиректора, но что именно, он не мог*

понять, как ни напрягал воспаленный мозг, сколько ни всматривался в Варенуху. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита), *И все время, пока он искал, а потом нес шахматы вниз, на веранду, Лужин старался понять, случайно ли отец заговорил о шахматах, или подсмотрел что-нибудь* (В. Набоков. Защита Лужина). К озарению же призывать бессмысленно, да как бы и некого, *стремиться* или *идти* к нему также невозможно.

С глаголами догадки дело обстоит так же: хотя *угадать* и употребляется в повелительном наклонении, ср. *Угадай, что я принес* ⟨*кого я сегодня встретил*⟩, в таких примерах реализуется другое значение этого глагола: *угадай* ≈ 'попытайся узнать'.

Кроме того, глаголы *осенить* и *озарить* практически не употребляются в будущем времени. Это также связано с абсолютной непредсказуемостью озарения. Озарение нельзя просчитать, спрогнозировать, на него нельзя рассчитывать или полагаться: оно приходит "само", неожиданно и внезапно. Понимание же, основанное на фактах, вполне можно предсказать с высокой долей вероятности.

4.4. Абсолютность. С моментальностью связано и другое свойство глаголов иррационального понимания. Если рациональное понимание может быть градуировано, то иррациональное понимание абсолютно и охватывает весь факт или событие. *Понимать, осознавать* факт можно постепенно, частями; *озаряет* же сразу и целиком. Отсюда несочетаемость глаголов иррационального понимания с наречиями высокой или низкой степени, а также оценки. Невозможно **Меня окончательно озарило*, **Она целиком догадалась*, **Его хорошо* ⟨*как следует*⟩ *осенило* или *Его частично* ⟨не до конца⟩ *осенило*, **Меня толком не озарило*, **Она не совсем догадалась*. Ср. также разговорный глагол *недопонял* и его окказиональный антоним *допонял*: *– Недопонял, – удивился Борисов. – Недопонял, чего не знаете. Митинг провели? – Да нет же. – Почему? – Почему? – переспросил Килин. – Не знали, как быть. Дело, сам понимаешь, ответственное, а указания нет... – Теперь допонял.* (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Чонкина). Образования же типа **недоозарило* ⟨**недоосенило*⟩ совершенно неприемлемы.

4.5. Ретроспективность. Подлинно рациональное понимание относится обычно к факту прошлого, ср.: *Выходило все это, как теперь, по прошествии многих лет, понимаю, очень плохо.* (М. Булгаков. Записки юного врача); *И только спустя некоторое время я понял, что меня обхамили.* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги). Оно может также относиться к текущему, синхронному факту или событию. Это естественно: для рационального понимания, если оно не является результатом непосредственного наблюдения, необходимо время на размышление. Глагол *понимать* может употребляться и проспективно, хотя его фактивность в таких употреблениях, естественно, снижается. Ср.: *Белые поняли, что гибель мира близка, и стали готовиться к ней.* (А. Толстой. Аэлита).

Глаголы иррационального понимания также обычно относятся к фактам прошлого или синхронным событиям: *Только было я собрался попытаться перестроить прибор самостоятельно, как меня осенило: я же забыл самое главное!* (Ю. Буркин. Рок-н-ролл мертв). Пропозиции в будущем времени здесь хотя и возможны, но встречаются редко: *А приезжая в город, я всякий раз по ее глазам видел, что она ждала меня; и она сама признавалась мне, что еще с утра у нее было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я приеду.* (А. Чехов. О любви). В этом видится одно из основных отличий глаголов иррационального понимания от глаголов чувственного восприятия, таких как *чувствовать, ощущать, чуять*, которые свободно сочетаются с пропозициями в будущем времени, ср. *Я подошел к музею и сразу почувствовал, что ни за какие деньги туда не пойду.* (Дж. Сэлинджер. Над пропастью во ржи. Пер. Р. Райт-Ковалевой). В наибольшей мере это относится, естественно, к глаголам с приставкой *пред-*: *предчувствуют* именно события будущего. Ср.: *Я предчувствую, – сказал*

доктор, – что бедный Грушницкий будет вашей жертвой. (М. Лермонтов. Герой нашего времени); *Я предчувствую, что мы еще встретимся, и тогда разговор будет другой, берегитесь.* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

5. Валентная структура. Концепт высшей силы. Ситуация понимания, в том числе и иррационального, предполагает наличие как минимум двух участников: *А понял, что В*. Соответственно глаголы понимания должны иметь два семантических актанта. Первый актант – субъект понимания (он же experiencer, если говорить на языке семантических ролей Филлмора [Fillmore 1971: 116]), второй – содержание понимания (ср. семантическую валентность Content в [Апресян 1974]).

Правда, в ситуации понимания можно усмотреть и третью валентность – валентность источника. При глаголе *понимать* эта валентность реализуется конструкциями с предлогом *по*, ср. *По тому, как он взялся за него, я сразу понял, что был прав.* (В. Аксенов. Апельсины из Марокко); *Варварство и идиотизм, – презрительно скривился собеседник. И я вдруг понял, с кем имею дело. По выговору, по всей манере... Вот и встретились!* (А. Кабаков. Новозвращенец). Эта же валентность заполняется вопросительными словами типа *Как ⟨каким образом, почему⟩ ты понял это*? В самом деле, если представить ситуацию рационального понимания как построение логического вывода, то должны присутствовать и посылки, имплицирующие этот вывод. Чисто рациональное понимание основано на сопоставлении фактов. Правда, возможны случаи, когда логическая цепочка не выражена явно: например, понимание может быть вызвано непосредственным восприятием, ср. замечание в [Фоллесдаль 1986: 143]: «Понимание аналогично восприятию, когда мы непосредственно "схватываем" весь объект». Но как бы там ни было, рациональное понимание объяснимо, оно происходит с участием воли человека, является продуктом его умственной деятельности. Понимание, как и любое внутреннее ментальное состояние, чаще всего исходит изнутри. Оно может являться результатом непосредственного восприятия, наблюдений, сопоставления фактов, в общем, мыслительной деятельности человека.

В случае же иррационального понимания непосредственно наблюдаемый или логический источник отсутствует. Всякая логика и соображения, которые можно воспринять разумом, невозможны; однако необходимость в объяснении этого понимания остается. Если нельзя найти ответа в собственном сознании, приходится искать его вовне. В каком-то смысле глаголы озарения сближаются с каузативами типа *объяснить X–у* 'сделать так, чтобы X понял': в обоих случаях понимание вызвано воздействием извне. Вся разница в том, что *объясняет* человек, а *озаряет* некая в ы с ш а я с и л а, ср. *Точно ведь свыше что меня озарило* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

На наш взгляд, именно здесь лежит принципиальное отличие иррационального понимания от рационального. При озарении понимание приходит извне. Оно не связано с направленной мыслительной деятельностью человека (во всяком случае, он не отдает себе в этом отчета). Но оно и не вызвано чьим-то объяснением. Остается предположить, что озарение воспринимается языком как результат деятельности неких высших сил. Именно потому для глаголов озарения так характерны безличные (или близкие к безличным, см. ниже) конструкции *меня осенило ⟨озарило⟩*.

Итак, если признать, что источник иррационального понимания лежит вне субъекта, выходит, что глаголы иррационального понимания, и уж во всяком случае глаголы озарения, не двух-, а трехвалентны. Если первый актант такого глагола – это человек, испытывающий ментальное состояние иррационального понимания (субъект), второй – содержание этого понимания, то третий актант – те самые высшие силы, которые воздействуют на субъекта и внушают ему знание (назовем его каузатором). Рассмотрим свойства каждой из перечисленных семантических валентностей глаголов иррационального понимания и перечислим основные способы их заполнения.

5.1.1. Индивидуальность субъекта. Субъект озарения всегда единичен (во всяком случае, един). Озарение не может прийти к двум людям одновременно, тогда как по-

нимание может возникнуть в коллективе (например, выработаться в результате дискуссии, ср. *прийти к пониманию*). Ср. также следующие примеры: *Выслушав директора, ребята поняли, что они зря обидели новичка; Только к концу третьих суток поняло население, что мороз спас столицу и те безграничные пространства, которыми она владела и на которые упала страшная беда 28-го года.* (М. Булгаков. Роковые яйца). Ни один из этих примеров не допускает замену *понимать* на какой-либо из глаголов иррационального понимания, ср. неправильность **ребят озарило, что они зря обидели новичка, *Население осенило, что мороз спас столицу.* Понимание может прийти к нескольким людям по очереди, ср. *Один за другим мы понимали, что все усилия бесплодны.* Для озарения и откровения и это невозможно, они посещают только одного человека из многих тысяч, ср. **Одного за другим их осеняло, что Р; *Каждому из них рано или поздно открывалось, что Р.*

Озарение является чем-то настолько личным, что может быть разделено разве что очень близкими людьми, находящимися в мысленном (подчас телепатическом) контакте. Интересно проследить за тем, как правильность высказывания с множественным субъектом озарения уменьшается с ослаблением связи между субъектами. Так, с натяжкой можно принять: *Близнецов осенило, что учительница их не различает* или *?Нас с женой озарило, что мы ни разу не расставались за последние три года.* Гораздо труднее принять *??Собеседников озарило, что они давно знакомы*, и уж совсем невозможно **Сотрудников фирмы осенило, что они работают себе в убыток*, при абсолютной правильности *Сотрудники фирмы поняли* ⟨*осознали*⟩, *что они работают себе в убыток.*

Итак, иррациональное понимание – явление индивидуальное и глубоко личное. Но при этом чьего-то озарения или открытия может оказаться достаточно для решения глобальной проблемы, над разгадкой которой билось все человечество. Ср. также: *Если бы можно было посадить на это дело сто ученых! Но в том-то и дело, что в науке количеством не всегда возьмешь, тут часто решает чья-то догадка, чье-то озарение.* (Д. Гранин. Иду на грозу, МАС)

5.1.2. Антропоморфность субъекта. Как это ни парадоксально, хотя именно наличие разума отличает человека от животных, животное вполне может быть субъектом рационального понимания. Здесь наблюдается свобода персонифицированных, метафорических употреблений. Ср.: *Но очень скоро пес понял, что он – просто дурак. Зина повела его гулять на цепи по Обухову переулку. Пес шел, как арестант, сгорая от стыда, но, пройдя по Пречистенке до Храма Христа, отлично сообразил, что значит в жизни ошейник. Бешеная зависть читалась в глазах у всех.* (М. Булгаков. Собачье сердце). Возможно даже употребление *понимать* с неодушевленным субъектом: *Я постоял немного в раздумье и тихо поплелся назад, чтобы еще взглянуть на дом, в котором она жила, милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал все.* (А. Чехов. Дом с мезонином).

Субъектом же иррационального понимания может быть только человек, причем, скорее всего, человек физически и морально полноценный. Но если состояние рационального понимания "требует собственной умственной активности субъекта, определенного уровня его умственного развития, способности к аналитическому мышлению" [Булыгина, Шмелев 1989: 41], то иррациональное понимание обычно посещает людей, стоящих на достаточно высокой ступени духовного или интеллектуального развития. Если типичный субъект понимания – обычный, хотя и смышленый человек, то иррациональное понимание, с точки зрения русского языка, есть явление высшего порядка. На озарение оказываются неспособны ни духовно неразвитые люди, ни слабоумные (но безумные вполне могут быть способны, для них даже в некотором смысле характерно "иррациональное" с точки зрения нормального человека понимание, ср. замечание В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной: "Безумие – неуправляемая, неконтро-

лируемая стихия; оно уводит человека из нормального мира и в некотором смысле возвышает над ним". [Плунгян, Рахилина 1993: 121]). Ср. например: *Сегодня, однако ж, меня как бы светом озарило: я вспомнил тот разговор двух собачонок, который слышал я на Невском проспекте.* (Н. Гоголь. Записки сумасшедшего). Не способны к озарению ни грудные младенцы, ни тем более животные. Так, невероятны высказывания вроде **Младенца озарило, что перед ним мать*; **Иванушку-дурачка осенило, что он заплутал*; **Тут собаку осенило: да ведь кость мог стащить кот!* Замена *осенить/озарить на понять* во всех этих случаях делают предложения безупречными. Ср. также: *Каштанка сразу поняла, что ворчать и лаять на таких субъектов бесполезно.* (А. Чехов. Каштанка); *Марсианин всмотрелся, сморщившись, понял, радостно закивал и ногтем мизинца отчеркнул одну из точек на чертеже.* (А. Толстой. Аэлита).

5.1.3. Свойства выражения субъекта. Поскольку, как уже отмечено, субъектом иррационального понимания может быть только человек и только в единственным числе, способы заполнения этой семантической валентности не отличаются разнообразием. При глаголах догадки и открытия субъект выражен существительным или местоимением в именительном падеже. При глаголе *открыться* подлежащее выражено существительным в дательном падеже, ср. *Чтенью предалася Татьяна жадною душой; И ей открылся мир иной.* (А. Пушкин. Евгений Онегин). Интересно, правда, что субъект глаголов озарения никогда не бывает выражен синтаксическим подлежащим (поскольку место подлежащего зарезервировано за каузатором), а выражается винительным падежом: *Ивана осенило* ⟨*озарило*⟩. Впрочем, для предикатов внутреннего состояния оформление субъекта дательным (ср. *мне понятно* ⟨*мне нравится, мне кажется*⟩ или винительным падежом (ср. *меня удивляет* ⟨*меня радует, меня поражает*⟩) типично как для русского [Зализняк 1992], так и для других языков [Кибрик 1980].

5.2.1. Заведомая истинность содержания. Глаголы понимания, в том числе иррационального, являются фактивными: их пропозициональное дополнение истинно независимо от присутствия отрицания в главном предложении. Глаголы рационального понимания могут утрачивать фактивную пресуппозицию (см. [Зализняк 1992: 141]), ср. фактивное употребление *понимать: Я пóнял, что вы покидаете нас* и нефактивное употребление: *Я понял, что вы покидаете нас* (*а вы, оказывается, остаетесь*). Ср. также английские примеры [Апресян 1995: 505]: *I understánd your mother is ill* 'Я понимаю, что ваша мать больна' (фактивное) vs. *I understand your mother is íll* 'Как я понимаю, ваша мать больна' (путативное). Глаголы же иррационального понимания всегда фактивны и несут на себе главное фразовое ударение.

Интересно, что истинность знания, пришедшего в результате озарения или догадки, никогда не подвергается сомнению его субъектом. Если рациональное понимание, осознание базируется на каких-то фактах, подтверждающих его истинность, то в случае иррационального понимания никакого подтверждения не требуется, и в этом такое понимание сближается с верой. Если согласиться с мнением М.Г. Селезнева о наличии двух типов металогических актов, позволяющих принять нечто на веру: (i) принятие на веру чьего-то мнения и (ii) вера говорящего в соответствие реального мира своему представлению о нем ("космический оптимизм") [Селезнев 1988], то оказывается, что непоколебимая вера человека в истинность знания, обретенного в результате иррационального понимания, может быть объяснена и тем, и другим. Действительно, принимая на веру пришедшее озарением знание, мы тем самым доверяем мнению того, кто нам это знание сообщил, то есть некоторой высшей силе. С другой стороны, опыт и интуиция могут подсказывать нам, что решение, на которое мы набрели в результате внезапной догадки, соответствует общему мироустройству и не может быть неверно. При этом глаголы иррационального понимания, кажется, не обнаруживают описанный М.Г. Селезневым эффект, который вызывает употребление

глагола верить в третьем лице ("отпечаток снисходительного пренебрежения к чужому заблуждению"): если, по мнению М.Г. Селезнева, высказывание *Он верит, что* Р возможно лишь тогда, когда сам говорящий не склонен верить в Р, то высказывания *Его озарило, что Р, Ему открылось, что Р, он угадал ⟨догадался⟩, что Р* такого оттенка не носят (скорее уж они содержат элемент уважительного удивления по отношению к человеку, удостоившемуся получить свыше абсолютно точное знание).

5.2.2. Новизна содержания. Знание, которое приходит к человеку в результате озарения, для него всегда ново. Это естественно, ведь понять или узнать нечто можно лишь один раз. Как пишет М.А. Дмитровская, "знание не является сущностной характеристикой субъекта, ибо можно знать что-то, а потом забыть. Понимание же аннулировано быть не может" [Дмитровская 1985: 101]. Ср.: *А Юрий Юрьевич был не в силах забыть. Он однажды понял и уже не способен был не понимать* (С. Залыгин. Уроки правнука Вовки). *Открывают* факты не просто новые, но неизвестные доселе никому в мире; ср. толкование польского глагола *odkryć* 'открыть' у Анны Вежбицкой: *А открыл, что X* = Я считаю, что ты знаешь, что никто не знал, что X. Знай, что А начал знать, что X [Wierzbicka 1969: 28].

Глагол *угадать* подразумевает не открытие нового, неизвестного говорящему и/или человечеству знания, а отыскание (может быть, единственно верного) ответа на какой-то вопрос. Этот ответ должен быть кому-то известен, иначе ситуация начинает напоминать недоумение, в которое пришла героиня известной философской сказки Л. Кэрролла "Алиса в стране чудес", когда ей предложено было "разгадать" загадку без ответа. При этом правильность угаданного ответа может подтвердиться лишь в будущем (ср.: *Читая "Деревню", я было вздумал отметить лишь те страницы, на которых даны черты, наиболее проникновенно угаданные и явно подтвержденные революцией*. (В. Ходасевич. Бунин. Собрание сочинений), но говорящему он должен быть уже известен. Ср.: *Никто не знал, что процветающий банк через год лопнет, а я каким-то чудом угадал это и забрал все свои деньги*. Здесь факт банкротства банка общеизвестен, хотя не был известен никому годом раньше. Но вряд ли возможно ??*Никто не знает, что процветающий банк через год лопнет, а я каким-то чудом уже угадал это и забираю оттуда все свои деньги*.

Идея гадания (случайного выбора) заложена во всех значениях глагола *угадать*, но в интересующих нас употреблениях со значением иррационального понимания вероятность правильного выбора настолько мала, что случайное совпадение кажется невозможным. Отсюда вновь возникает идея внешнего вмешательства. Ср.: *Тогда гость молитвенно сложил руки и прошептал: – О, как я угадал! О, как я все угадал!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Итак, в результате иррационального понимания приходит всегда новое и ранее не достигнутое знание. Ср.: "*непостижимое* не подлежит разъяснению и может быть понято только в результате интуитивного озарения или божественного откровения" [Богуславская 1997: 232].

5.2.3. Одухотворенность содержания. Если рациональное понимание может распространяться на самые разные факты, то иррациональное понимание все же обычно приносит высокие и одухотворенные истины. Это свойство присуще в той или иной мере всем глаголам иррационального понимания. Однако проще всего продемонстрировать его на паре *открыть–открыться*. Несмотря на их внешнее сходство, глаголы *открыть* и *открыться* довольно сильно различаются. Это, в частности, видно уже из того, что у этих глаголов разные производные существительные: у *открыть* это *открытие*, а у *открыться* – скорее *откровение*. Ср.: *Колумб открыл Америку – Открытие Колумбом Америки; Марии открылось ее божественное предназначение – Откровение Марии о ее божественном предназначении*. Невозможно ни **откровение Колумбом Америки ⟨об Америке⟩*, ни **открытие Марией ⟨Марии⟩ ее божественного предназначения*.

Кажется, что, если субъектом *открытия* является человек, то субъектом (а точнее, каузатором) *откровения* – некие высшие силы, Бог. Отсюда естественным образом следует, что если содержанием *открытия* может быть хоть и значительный, но вполне "приземленный" факт (ср. *Эх, профессор, если бы вы открыли способ, чтобы и волосы омолаживать*! (М. Булгаков. Собачье сердце), то содержанием откровения может стать лишь нечто одухотворенное, высокая истина. Ср.: *В озарении той минуты мне открылось, что каждая модуляция из мажора в минор в сонате, каждое превращение мифа или культа, каждая классическая формулировка или высказывание художника при истинном медитативном рассмотрении суть не что иное, как непосредственный путь к тайнам мира, где между вдохом и выдохом, между небом и землей, между Инь и Ян вечно свершается святое.* (Г. Гессе. Игра в бисер). Употребление же *открыться* в контексте прозаических, например естественнонаучных, фактов вряд ли возможно. Так, невероятно **Мне открылось, что близорукость прогрессирует в результате нарушения метаболизма коллагена склеры.*

5.2.4. Позитивность содержания. Хотя, как указано выше, идея иррационального понимания часто выражается глаголами восприятия, такими как *чувствовать, чуять, предчувствовать* и др., есть одно принципиальное отличие этих глаголов от рассматриваемых нами глаголов озарения, открытия, догадки. Дело в том, что предчувствия чаще всего бывают мрачные, пресловутое шестое чувство нередко сигнализирует о грядущей опасности, а чутье обычно подсказывает человеку, что впереди его ждут неприятности. *Я что-то предчувствую* в подавляющем большинстве случаев означает 'предчувствую нехорошее', ср. например: *Он все что-то предчувствовал, боялся чего-то, неожиданного, неминуемого; стал пуглив; стал большое внимание обращать на сны.* (Ф. Достоевский. Бесы). Вот еще несколько самых характерных из огромного множества подтверждающих эту идею примеров: *Темное предчувствие говорило ему, что ждет его что-то недоброе.* (Н. Гоголь. Вий), *О, как тяжело все это действовало на мое настроенное к горю страшным предчувствием детское воображение!* (Л. Толстой. Детство), *Самое страшное начиналось, и только теперь Оля почувствовала, как ужасно может быть то, что случится через несколько минут.* (А. Кабаков. Подход Кристаповича).

Озарение же в целом воспринимается человеком как явление доброе и светлое. *Осенить*, а особенно *озарить* может спасительная идея, указывающая выход из тупика, разрешающая кризис: *И вот, когда процессия прошла около полуверсты по дороге, Матвея, которого толкали в толпе у самой цепи, осенила простая и гениальная мысль, и тотчас же, по своей горячности, он осыпал себя проклятиями за то, что она не пришла ему раньше.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Мне уже казалось, что, попав в это сумасшедшее кольцо, я не сумею из него выбраться... – когда вдруг меня осенила мысль, столь же простая, сколь удачная.* (С. Лем. Солярис. Пер. Д. Брускина).

Это неудивительно: наличие в русской (и не только) языковой картине мира оппозиции с в е т (хорошо) vs. т ь м а (плохо) отмечалось не раз и подтверждается разнообразнейшими данными языка. Известно, например, что положительные эмоции концептуализируются как светлые (ср. *Глаза светятся любовью, Ее лицо озарилось от радости*), а отрицательные – как темные (ср. *Он потемнел от гнева* ⟨*почернел от горя*⟩) [Апресян 1995: 372].

5.2.5. Способы выражения содержания. Для глаголов *осенить* и *озарить* более всего характерны употребления вида *X осенило* ⟨*озарило*⟩, *что S*. Таким образом, содержание чаще всего выражено придаточным предложением, вводимым союзом *что*, или бессоюзным придаточным. Ср. примеры: *Его вдруг осенило, что он нигде еще не видел такого количества книг, разве что в библиотеке.* (А. и Б. Стругацкие.

Обитаемый остров); *И только тут меня озарило, что как башня я возвышаюсь среди окружающих зэков...* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); *Вот тогда меня как осенило: вот какую мне надо!-Ее! С ее смешком и кудряшками!* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Кроме того, нередко субъект глаголов *осенить* и *озарить* выражен п р я м о й р е ч ь ю, ср. "*Э-э, да ты пьян, голубчик*", – *вдруг осенило Зыбина.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Что касается глаголов *угадать, предугадать*, то для них также характерны употребления с пропозитивным объектом, с прямой речью и с прямым дополнением, выраженным именной группой. Ср. примеры: *Я угадал в блужданьи взглядов: "Я жить хочу! На что мне Бог?" И в складках траурных нарядов К луне идущий, долгий вздох.* (М. Цветаева), *Роль была смешная, и сам Патрикеев играл необыкновенно смешно и с каждым днем все лучше. Он был настолько хорош, что мне начинало казаться, будто это не Патрикеев, а именно тот самый чиновник, которого я выдумал. Что Патрикеев существовал раньше этого чиновника и каким-то чудом я его угадал.* (М. Булгаков. Театральный роман); *За братские чувства к народу русскому подвергался он даже нападкам со стороны поляков, не имевших той высоты мировоззрения, которую так проницательно угадал в нем Пушкин.* (В. Ходасевич. К столетию "Пана Тадеуша"); – *За вашу встречу,* – *поднял он стакан, имея в виду мужа, и почему-то захотел назвать его по имени, но имени не знал. Он еще даже не успел договорить или запнуться, как она все угадала.* – *С Юрой!* – *подсказала она быстро.* (Ф. Искандер. Пшада).

Наряду с безличными конструкциями, которые характерны для глаголов озарения, встречаются и употребления с выраженным подлежащим (заполняющим семантическую валентность содержания), причем у глаголов *осенить* они разнообразнее, чем у менее частотного глагола *озарить*.

Так, *осенить* может *мысль, идея, догадка, воспоминание,* а также *вдохновение.* Ср. примеры: *Внезапная мысль осенила ее. Она вдруг почувствовала, что страшно похожа на маму.* (Б. Пастернак. Детство Люверс); – *Но хоть начал-то ты скромно?* – *сказал Снаут, не обращая внимания на то, что я весь вспыхнул от осенившей меня догадки* (С. Лем. Солярис. Пер. Д. Брускина); *Вдруг почтмейстер, остававшийся несколько минут погруженным в какое-то размышление, вследствие ли внезапного вдохновения, осенившего его, или чего иного, вскрикнул неожиданно:* – *Знаете ли, господа, кто это*? (Н. Гоголь. Мертвые души). *Озарить* же может, как кажется, только *мысль* или (реже) *идея*: *Озарила ее безумная мысль, что это Петр Петрович, и, по той боли и нежности, которая молнией прошла ее нервное дворовое сердце, она вдруг поняла, чего она лишилась: близости к нему.* (И. Бунин. Суходол); *Все указывало на то, что отец Федор озарен новой идеей, захватившей всю его душу.* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). Словосочетания ??*озарила догадка,* ⟨??*воспоминание,* *вдохновение⟩ сомнительны или даже вовсе невозможны.

Однако здесь, возможно, следует выделять другое, хотя и очень близкое к рассматриваемому, значение глаголов *осенить* и *озарить*. Такие употребления описывают скорее не понимание, а возникновение мысли. Эти два значения, однако, роднят два важных общих свойства.

Во-первых, механизм возникновения мысли, вероятно, не менее сложен, чем процесс понимания. Ср.: "Обычно мысли не только возникают, но и развиваются, сменяют одна другую сами по себе, нёзависимо от воли субъекта, подчиняясь лишь каким-то своим внутренним законам. В связи с этим человек склонен считать, что мысли приходят в голову откуда-то извне" [Урысон 1997: 177].

Во-вторых, мысль, которая *озаряет* или *осеняет*, с необходимостью истинна. Для мысли, которая *возникает, приходит, появляется, мелькает* и т.п., это необязательно, ср. *У буфетчика ... мелькнула мысль о том, что уж не служили ли, чего доброго,*

по Берлиозу церковную панихиду, каковую мысль, впрочем, он тут же отогнал от себя, как заведомо нелепую. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

5.3.1. Безличность каузатора. Как показано выше, источник иррационального понимания лежит вне его субъекта. Тебя *озаряет* помимо твоей воли, а каузатором озарения является высшая сила, часто имплицитно присутствующая в значении лексем. Неопределенность такой высшей силы отражена, в частности, и в безличных конструкциях. Такие конструкции весьма характерны для глаголов иррационального понимания. Многие исследователи отмечали, что безличные предложения разных типов вообще играют весьма важную роль в русском языке. Еще А.М. Пешковский заметил непрерывный рост безличных конструкций в русском языке и присущее им свойство загадочности [Пешковский 1956]. А. Вежбицкая даже пишет об "иррациональности в синтаксисе" русского языка именно в связи с изобилием в нем разнообразных безличных конструкций [Вежбицкая 1996: 73 и сл.].

Вполне естественно, что глаголам и р р а ц и о н а л ь н о г о понимания синтаксическая и р р а ц и о н а л ь н о с т ь свойственна в максимальной степени. Отсюда преобладание конструкций вида *Его озарило ⟨осенило⟩, Мне открылось*. Этот факт также хорошо согласуется с идеями И.А. Мельчука и А.А. Холодовича [Мельчук 1974а; 1995: 169–205] о наличии в русском языке двух типов нулевых (семантически непустых) подлежащих: $\varnothing_{люди}$ (*Ивана пригласили на презентацию ⟨поблагодарили за выступление⟩* и $\varnothing_{стихия}$ (*Ивана ударило током, Шлюпку вынесло в открытое море*). Рассматриваемые нами конструкции с глаголами иррационального понимания (*Ивана озарило ⟨осенило⟩*), хотя формально и не являются безличными (роль подлежащего выполняет пропозициональный актант) сближаются с безличными конструкциями типа $\varnothing_{стихия}$. Каузатором иррационального понимания несомненно является стихия (сверхчеловеческие, высшие силы). Н.Д. Арутюнова так пишет о безличности: "В классическом случае субъект личного предложения соединяет в себе две роли – агенса и источника силы (каузатора и исполнителя действия). В безличных предложениях они, напротив, разведены. Первые *антропо*центричны, вторые *энерго*центричны. В первых основной фигурой является человек, во вторых – некоторая сила, локализуемая вне или внутри человека. Сила остается за кадром: она представлена нулем" [Арутюнова 1999: 796].

Обратим также внимание на то, что "стихийные" нулевые подлежащие свойственны прежде всего деструктивным глаголам, которые описывают негативное воздействие высших сил на человека, ср. *Его тащило по камням и ударяло о берег, Неожиданным толчком его сбило с ног, Его всего исцарапало* (примеры из [Мельчук 1995]), *Альпинистов завалило снегом, Корабль разбило о скалы, Его убило на войне ⟨задавило трамваем⟩*. Рассматриваемые же нами здесь выражения могут описывать положительное воздействие на человека, ср. например: *Помню, как-то в детстве посмотрел "Чапаева". Иду по улице и слезы глотаю. И вдруг вижу – в канаве лежит кто-то с усами. Тут меня осенило, и я закричал радостно: "Выплыл! Выплыл! Василий Иванович раненый лежит! Доктора скорее!"* (В. Тучков. Розановый сад). См. также выше о позитивности содержания иррационального понимания.

Кстати говоря, аналогично каузатору рационального понимания, являющемуся субъектом каузативов типа *объяснять*, источник иррационального понимания материализуется в ситуации внушения знания высшими силами, ср. *6 марта 1429 Жанна прибыла в замок Шинон, где находился Карл VII, и возвестила ему, что ее "голоса" сообщили ей: она избрана Богом, чтобы снять осаду с Орлеана, преграждавшего англичанам путь на юг, а затем привести короля в Реймс, место коронации французских королей.* (Д. Харитонович. Жанна д'Арк): каузатором иррационального понимания Жанны д'Арк послужили сверхъестественные "голоса".

Хотя реально озарение может являться результатом подсознательной мыслительной деятельности (так сказать, размышлений "в фоновом режиме"), человеку кажется,

что знание пришло к нему откуда-то извне, скорее всего, сверху. Кстати, идея подсознательной умственной деятельности еще более, чем в глаголах *осенить* и *озарить*, выражена в глаголе *открыть*. Открытию вполне может предшествовать весьма длительная и вполне осознанная мыслительная работа, но непосредственное появление нового знания часто происходит внезапно и неожиданно и поэтому выглядит как результат вмешательства высших сил, хотя на самом деле может являться итогом напряженных подсознательных размышлений (ср. известные случаи открытий, совершенных во сне). Ср.: *Без сомнения, она развивается внутри нас неприметно, мы с давних пор подготавливаем открытие истин, которые изменили для нас ее смысл и облик, которые указали нам новые пути, но подготавливаем, не отдавая себе в этом отчета, и мы уверены, что открыли их в тот день и в ту минуту, когда они стали для нас видимы* (М. Пруст. По направлению к Свану. Пер. Н. Любимова). То же характерно и для *угадать*, ср.: *Я тоже давно угадал это имя, но только подсознательно, не отдавая себе в этом отчета* (В. Набоков. Лолита).

5.3.2. Отстраненность. Гипотеза, что источник иррационального понимания (в отличие от понимания рационального) находится вне его субъекта, подтверждается и тем, что приобретенному в результате озарения или догадки знанию можно не верить. Ср.: *Я тогда еще только предчувствовал, знал, да не верил, что кроме этой истории есть и у них теперь что-то, что должно беспокоить их больше всего на свете, и с мучительной тоской к ним приглядывался.* (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные); *Он вытирал руки, когда его вдруг снова осенило, совсем как вчера, и так же, как вчера, он сначала не поверил.* (А. и Б. Стругацкие. За миллиард лет до конца света).

Как отмечает А.Д. Шмелев, наблюдающийся здесь парадокс (как можно одновременно *знать* и *не верить*?) разрешается при рассмотрении того факта, что *знать* и *верить* различным образом относятся к воле субъекта. "Конструкции *X знает, что P, но не верит, что P* интерпретируются следующим образом: *X* "знает" в том смысле, что независимо от своей воли поставлен в известность, что *P*, но по своей воле принять *P* он не желает" [Шмелев 1993: 167 и сл.].

Коль скоро знание в случае иррационального понимания приходит извне, "сверху" и это происходит независимо от воли субъекта (а возможно, и вопреки ей), то этому знанию можно не верить. В случае же рационального понимания знание является результатом собственных умозаключений субъекта, то есть получено по его воле, а стало быть, и не может подвергаться сомнению. Ср. идеи Л. Витгенштейна о том, что можно не доверять собственным чувствам, но не собственной вере [Wittgenstein 1953].

Интересно, что в случае рационального понимания ситуация может быть обратная: человек сначала *не верит P*, потому что не может найти ему рационального объяснения; затем, составив логическую цепочку, *понимает, что P* и тогда начинает *верить, что P* и *знать, что P*.

5.3.3 Способы выражения каузатора. Как указано выше, семантическая валентность каузатора при глаголах озарения чаще всего выражается синтаксическим нулем, что еще раз подчеркивает его неуловимость, неопределенное происхождение. Кроме того, во многих случаях роль каузатора *осенить* и *озарить* выполняет вопросительное местоимение *что* или неопределенное местоимение *что-то* (или его разговорный синоним *что*). И это, надо сказать, вполне естественные употребления, поскольку человеку чаще всего непонятно, **что́** же, в самом деле, его осеняет. Ср.: *Вы знаете, Александр Иванович, я до сих пор удивляюсь: что же меня такое осенило? Откуда оно взялось? Я никогда раньше с такими вещами и дела не имел, ну читал что-то подобное у Джека Лондона или Майн Рида, не помню уж точно, у кого и что прочитал.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Однако чаще всего кау-

затор предложения с *осенить* и *озарить* никак не выражен, и это еще раз подтверждает ту идею, что каузатором озарения являются высшие силы, подобные стихии, но не разрушительной, а созидательной.

6. Толкования. После того, как выявлены основные семантические и прагматические свойства глаголов иррационального понимания, определена их валентная структура и свойства, присущие каждому из семантических актантов, мы попытаемся в заключение предложить их словарные толкования[5].

А озарило ⟨осенило⟩, что Q = 'До момента t_0 человек А не знал, что Q [пресуппозиция]; в момент t_0 А знает, что Q; это знание возникло внезапно, подобно мгновенной вспышке света; источником знания явились высшие силы [ассерция]'

А открылось, что Q = 'До момента t_0 никто не знал, что Q; говорящий считает, что Q очень важно и повлияет на дальнейшую жизнь А [пресуппозиция]; в момент t_0 человек А знает, что Q; источником знания явились высшие силы [ассерция]'

А угадал, что Q = 'До момента t_0 человек А думал о чем-то, связанном с Q, но не знал, что Q; за имеющееся у него время А не мог обрести это знание в результате анализа данных либо перебора альтернатив [пресуппозиция]; в момент t_0 А знает, что Q; это знание возникло внезапно [ассерция]'

А догадался, что Q = 'До момента t_0 человек А думал о чем-то, связанным с Q, но не знал, что Q [пресуппозиция]; в момент t_0 А знает, что Q; это знание возникло внезапно [ассерция]'

Итак, мы попытались набросать лексикографический портрет одной группы ментальных предикатов русского языка – глаголов иррационального понимания. Для этого была кратко охарактеризована семантика понимания (на примере глагола *понимать*), а также отмечено, что хотя в основе концепта понимания могут лежать разные метафоры, для его описания в русской языковой картине мира наиболее важна идея света. Было показано, что в русском языке глаголы иррационального понимания являются семантически трехвалентными. Были исследованы семантические свойства, как общие для всех глаголов иррационального понимания, так и присущие лишь некоторым из них, а также выявлены семантико-синтаксические свойства всех трех актантов этих глаголов. На основе этих свойств мы сформулировали лексикографические толкования рассмотренных глаголов. Однако на этом тема еще далеко не исчерпана. В частности, остается открытым вопрос об органе, который в русской языковой картине мира отвечает за иррациональное понимание (то ли это *душа, сердце, "нутро"*, то ли *чутье, инстинкт, интуиция*; то ли, наконец, загадочное *шестое чувство*?). Необходимо и прояснить место иррационального понимания среди других ментальных состояний (как связаны и чем отличаются озарение и воспоминание, догадка и соображение, откровение и вера?) К исследованию этих проблем автор намерен обратиться в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. 1948 – Понятие идеосемантики // Язык и мышление. М.; Л., Т. XI. 1948.

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993 – Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ. 1993. № 3.

Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян Ю.Д. 1996 – О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

[5] Оговоримся, что предлагаемые ниже толкования являются экспериментальными, работа над ними еще не закончена. В частности, автору не удалось пока выявить таких различий между глаголами *осенить* и *озарить*, которые позволили бы дать этим глаголам разные толкования: по всей видимости, это потребует дальнейших исследований.

Арутюнова Н.Д. 1989 – "ПОЛАГАТЬ" и "ВИДЕТЬ" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Арутюнова Н.Д. 1999 – Язык и мир человека. М., 1999.

Богуславская О.Ю. 1997 – Словарная статья *Непонятный 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. I. М., 1997.

Богуславский И.М. 1984 – Словарная статья *понимать* // И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

Булыгина Т.В. 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1989 – Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Вежбицкая А. 1996 – Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. под ред. М.А. Кронгауза. М., 1996.

*Гак В.Г.*1993 – Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

Гловинская М.Я. 1994 – Предсказания и пророчества в русском языке // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Дмитровская М.А. 1985 – Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // ВЯ. 1985. № 3.

Зализняк Анна А. 1992 – Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Slavistische Beiträge. Bd. 298. München, 1992.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. 1996 – Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. 1992) // Russian Linguistics. № 20. 1996.

Зализняк Анна А., Падучева Е.В. 1989 – Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Кибрик А.Е. 1980 – Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // ИАН СЛЯ. 1980. № 4.

Мельчук И.А. 1974а – О синтаксическом нуле // А.А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Л., 1974.

Мельчук И.А. 1974б – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.

Мельчук И.А. 1995 – Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст". М.; Вена, 1995.

Пешковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1993 – "Безумие" как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

Селезнев М.Г. 1988 – Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

Урысон Е.В. 1997 – Словарная статья *Мысль* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.

Успенский В.А. 1979 – О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. 1979.

Фасмер М. 1987 – Этимологический словарь русского языка в 4-х т. Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1987.

Фоллесдаль Д. 1986 – Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. М., 1986.

Шмелев А.Д. 1993 – "Хоть знаю, да не верю" // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

Fillmore Ch. 1971 – Types of lexical information // D. Steinberg, L. Jacobovits (Eds.). Semantics. Cambridge, 1971.

Lakoff G., Johnson M. 1980 – Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.

Vendler Z. 1972 – Res Cogitans. Ithaca, New York; London, 1972.

Wierzbicka A. 1969 – Dociekania semantyczne. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.

Wittgenstein L. 1953 – Philosopische Untersuchungen. Oxford, 1953.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1999

© 1999 г. Т.А. СУМНИКОВА

О ФОРМАХ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МЕСТОИМЕНИЯ 1-ГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПИСЬМЕННОСТИ

В научной и учебной литературе бытуют различные представления о месте в языке и в древнерусской письменности трех форм И.п. местоимения 1-го лица единственного числа **азъ**, **ꙗзъ** и **ꙗ**.

Традиционная точка зрения такова: **азъ** является церковнославянизмом, а **ꙗзъ** и **ꙗ** – восточнославянизмы.

С конца 70-х годов широкое распространение, особенно в учебных кругах, получило утверждение Г.А. Хабургаева, согласно которому в древнерусской письменности были два церковнославянизма – **азъ** и **ꙗзъ**, причем последняя форма получилась в результате контаминации старославянской **азъ** и восточнославянской **ꙗ** [Горшкова, Хабургаев 1981: 247; Хабургаев 1990: 218].

Ранее Р.О. Якобсон в заметках и дополнениях к Этимологическому словарю русского языка М. Фасмера заявил о просодической неравнозначности **ꙗзъ** и **ꙗ** и определил **ꙗ** как "неударенный моносиллабический вариант двусложного **ꙗзъ** по аналогии с *mi-mъnĕ, mę-mene*" [Jakobson 1959 : 277]. Это определение **ꙗ** отразилось в этимологическом словаре [ЭССЯ, 1 : 100].

В Древнерусской грамматике XII–XIII вв. была принята без проверки точка зрения *Якобсона и даже сделана* попытка подкрепить ее данными берестяных грамот XII–XIII вв. [Сумникова 1995 : 330–332]. Однако возникает вопрос, почему в дальнейшей истории языка при повсеместном вытеснении клитик дательного и винительного падежей и замене их полноударенными формами закрепилась клитика (если **ꙗ** действительно клитика), а не полноударенная форма **ꙗзъ**.

Все это побуждает вновь обратиться к вопросу о месте **азъ**, **ꙗзъ** и **ꙗ** в языке и письменности, рассмотрев *употребление этих форм на широком материале* памятников XI–XIV вв., написанных на всей территории расселения восточного славянства от Галича (Южного) до Суздаля и относящихся к различным типам древнерусской письменности.

В качестве источников привлечены как вошедшие в корпус Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), грамоты государственного и частного характера, бытовая переписка, приписки и записи в книгах, надписи на предметах материальной культуры, тексты юридической, исторической, литературно-повествовательной, агиографической, церковно-проповеднической, церковно-юридической литератур, южно-русские и западно-русские грамоты XIV вв., включаемые также в Словарь староукраинского языка XIV–XV вв. [ССМ] и Исторический словарь белорусского языка [ГСБМ][1], так и не вошедшие в Словарь древнерусского языка Остромирово евангелие 1056–1057 гг.

---

[1] Примеры берутся из картотеки Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), где тексты расписаны по рукописям, фотокопиям или авторитетным изданиям и каждая словоформа представлена столько раз, *сколько она употреблена в тексте.*

[ОстрЕВ], Изборник 1073 г., Архангельское евангелие 1092 г., Синайский патерик XI в., входящее в Выголексинский сборник XII Житие Нифонта и др. Для сопоставления привлекаются данные старославянских памятников, в частности глаголического Ассеманиева евангелия XI в.

Прежде всего обратимся к идее искусственного происхождения формы ꙗзъ.

Для человека, не искушенного в литературе предмета и не начитанного в древнерусской письменности, выдвинутые Г.А. Хабургаевым аргументы могут показаться убедительными. А именно: 1) невозможность этимологически связать ꙗ и ꙗзъ; 2) отсутствие *яз* в современных восточнославянских языках; 3) употребление ꙗзъ в грамотах параллельно с азъ в правовой формуле "се азъ", "сложившейся еще в южнославянской среде на базе греко-византийских формул, а также в текстах, авторы которых обнаруживают книжную выучку" [Горшкова, Хабургаев 1981: 246–248; Хабургаев 1990: 217–219].

Между тем можно считать установленным то, что йотованные формы И.п. местоимения 1-го л. ед. числа восходят к праславянской форме **агъ* (см. [БЕР 5; ЭССЯ, 1: 100–102].

Развитие интервокального *j* перед *а-* в начале слова свойственно в той или иной мере всем славянским языкам. Шевелев относит его к позднему праславянскому периоду, к VIII–IX вв. [Shevelov 1965: 634].

Памятники старославянского языка, представляющие собой копии X–XI вв. древних славянских переводов и отражающие более раннее состояние языка, содержат только форму азъ. Из всех славянских языков она закрепилась только в болгарском литературном языке. В народном же языке, по данным этимологического словаря, бытуют еще *яз, я* и более поздние, усложненные формы *азе, язе, азка, язка, азкана, язкана, азека, язека, азекана, язекана* [БЕР, 1 : 5]; болгарский диалектологический атлас отмечает распространение формы *я* в восточной и в западной частях Болгарии, в северной же части – *аз* [БДА, II: к. 160; БДА, III: к. 184; БДА, IV: к. 231]. В македонском литературном языке – *јас*, в диалектах – *ја*, в чешском и польском литературных языках *ja*, но старочешские и старопольские тексты XIV в. указывают на наличие *jazъ* в прошлом [Machek 1957: 168; Brückner 1957: 195]. Примеры с ꙗзъ отмечены в разнообразных по тематике и жанровой принадлежности древнерусских памятниках и не исчерпываются в них правовой формулой завещаний и официальных грамот. И даже если исключить из рассмотрения тексты, написанные княжескими писцами и вообще людьми, для которых можно предположить книжную выучку, то останутся многочисленные бытовые тексты берестяных грамот, язык которых наиболее приближен к народно-разговорному и потому особенно показателен при решении вопроса об органичности или искусственности той или иной грамматической формы. Форма ꙗзъ (ѧзо) в них соседствует с явно диалектными формами, например: ѧзо ти олово и клепание вьхо попродале (ГрБ № 439, XII/XIII), ꙗзо тобе... приказале (ГрБ № 344, XIII/XIV), послале ѧзо к тоби бересто (ГрБ № 27, конец XIV). Этимологические словари русского и украинского языков отметили украинскую диалектную форму с частицей *ко- – яз-ко* [Фасмер, II: 147; ЭСУМ, II: 325].

Таким образом, форма ꙗзъ, вопреки утверждению Г.А. Хабургаева, не была искусственной формой. Во всех славянских языках, в том числе и в русском, она возникла органически в результате развития интервокального *j* перед *а-* в форме азъ.

Что же касается односложной йотованной формы ꙗ, то она, как полагают, является вторичной по отношению к ꙗзъ, возникшей в результате усечения двусложной формы под аналогическим воздействием односложной формы местоимения 2-го лица **ty* [Mańczak 1977: 74].

Обратимся к соотношению ꙗзъ и ꙗ. Р.О. Якобсон определил ꙗ как неударенный моносиллабический вариант двусложного ꙗзъ по аналогии с *mi-mъně, mę-mene* [Jakobson 1959: 277]. Иными словами, в просодической системе языка для ꙗ Р.О. Якобсон отводил роль клитики, а для ꙗзъ – роль полноударенной формы. Из такого определения следует, что просодические позиции этих форм должны быть различными.

Изменения в просодической системе языка произошли не ранее падения редуцированных [Трубецкой 1987: 357]. Поэтому для определения статуса **ꙗ** и **ꙗзъ** в языке наиболее убедительные данные могут содержать ранние памятники письменности, написанные до начала XIII в., хотя показательными могут быть и более поздние, так как первичный порядок следования клитик и полноударенных словоформ в предложении менялся не сразу.

Грамматически независимая форма И.п. личного местоимения, подчиняющая глагольную форму сказуемого, первоначально не была обязательной в предложении, так как окончание глагола само по себе выражало субъект действия. Например: И 14, 2 – **идѫ оуготовати мѣсто вамъ** [Ass 29a: 57][2].

В старославянской письменности **азъ** употреблялась, видимо, для смыслового выделения субъекта действия, в том числе при противопоставлении одного подлежащего другому. Например: И 5, 36 – **та дѣла азъ творѭ** [Ass 10a: 199], И 8, 21 – **азъ идѫ. вы не можете прiти** [Ass 17a: 34]. О том, что **азъ** была полноударенной формой, свидетельствуют и примыкающие к ней клитики **же, бо, тѫ, ти** и т.п. Например: Л 22, 27 – **азъ же по срѣдѣ васъ есмь** [СлСтЯз: 67], или в том же Ассеманиевом евангелии XI в.: И 8, 15 – **вы по плъти сѫдите. Азъ же не сѫждѫ никомоуже** [17c: 34], Л 8, 46 – **Исъ же рече. прикоснѫ сѧ мнѣ нѣкто. Азъ бо чюхъ силѫ ишедшѫ из мене** [57: 114], Мат 18, 33 – **и азъ тѫ пом(л)вахъ** [44–45; 88–89], Мр 9, 25 – **Азъ ти велѭ изiти из него** [77–78; 154–155].

Точно так же ведет себя и форма **ꙗзъ** в восточнославянской письменности. Она демонстрирует такую же способность присоединять клитики. Разница лишь в том, что к позициям, общим с позициями **азъ** в старославянских памятниках, прибавилось употребление ее при сказуемом с утраченной связкой или перед приложением, когда только местоимение однозначно указывает на субъект. Например, в надписи на Стерженском кресте 1133 года – **почѧхъ рыти рѣк(ѹ) сю ѧзъ иванко павловць ι крѣсть поставихъ; ѧзъ тѫ есмѣла (-есмь имѣла)** [ГрБ № 752, 1080–1100 гг.], **ѧзъ ти придоу** (ГрБ № 380, 30–70 XX в.], **а ѧзъ тивунъ** [Надп. на цере 20–50 XII в.] или: в Сказании о чудесах страстотерпцев Бориса и Глеба XI или XI/XII вв. – **нъ аще прозрѣнна требоукши ꙗзъ ти повѣдѣ** [УспСб XII/XIII , 22б: 65], в Хронике Георгия Амартола [пер. XI в., сп. XIV в.) – **ꙗзъ бо телеса ты же дша роукоположилъ кси** [ГА XIV, 236в: 371].

Точно так же проявляет себя и односложная форма **ꙗ**. Она употребляется в тех же позициях, что **азъ** и **ꙗзъ**, и так же присоединяет клитики. Например: **мене игоумене не поустиле а ѧ прашалъсѧ чемоу сѧ гнѣваеши а ѧ вьсегда оу тебе а соромъ ми оже ми лихо мълвлѧ ше и покланю ти сѧ братьче мои то си хотѫ мълви ты еси мои а ѧ твои** [ГрБ № 605 XI/XII в.], **побоуде сыно оу мене а ѧ сѧ имо потешоу... пакы ли не управиши того а ѧ тѫ передамо свѧтее богородице** [ГрБ № 705 XII/XIII в.], **хоцеши возѧти половиноу коуно ѧ пороуцене отцеве твоемоу по иванока не хоцеши ли да ѧ боле не могоу водати** [ГрБ твер. № 1 XII/XIII в.], **ѧ звѣре** [Надп. под рис. № 199, 20–30 XIII в.]. Еще примеры из Повести временных лет, созданной в 1113 году и дошедшей в редакции 1116 года (ранний список – Лаврентьевская летопись 1377) [ПСРЛ, I] и редакции 1118 года (ранний список – Ипатьевская летопись ок. 1425 года [ПСРЛ, II]) – **и ре(ч) ему выпусти ты свои мужь а ꙗ свои да сѧ борета** [ПСРЛ, I: 42 об: 122], **не ѧ бо почалъ бра(т)ю бити но ѡнъ** [ПСРЛ, II: 30 об: 64].

Таким образом, памятники восточнославянской письменности не подтверждают положения Р.О. Якобсона, а свидетельствуют о том, что форма **ꙗ** была полноударенной, как **ꙗзъи азъ**.

---

[2] Здесь и далее первая цифра указывает на лист рукописи, а вторая – на страницу или столбец издания.

Традиционное представление о том, что каждая форма **азъ** в восточнославянской письменности не что иное, как церковнославянизм, подверг сомнению А.А. Зализняк. Он обратил внимание на то, что **в** берестяных грамотах помимо начальной формулы завещаний "**се азъ**" безйотовая форма употреблена в трех грамотах XIII–XV вв. с обычным, бытовым содержанием. Это: ГрБ № 705, XIII в. – **а попровади ко мене сестроу азъ быле лони наделиле а ныне быхо послале,** ГрБ № 305, XIV/XV в. – **сы осподинь коню не ѣдь азъ осподинь в томъ кони,** ГрБ № 492, вт. четв. XV в. – **азъ в томъ сѣлѣ [н]ѣ единъ бы(л).** "Вполне вероятно, – пишет А.А. Зализняк, – что и в этих грамотах **азъ** – просто церковнославянизм; но не следует исключать также (по крайней мере для 705) возможности пережиточного сохранения исконного безйотового варианта" [Зализняк 1995: 114].

В свете предположения А.А. Зализняка обращает на себя внимание группа восточнославянских списков XI в.; Остромирово евангелие 1056–57 гг., Изборник 1073 г., Изборник 1076 г., а также не имеющий прямой даты Синайский патерик. В них наряду с другими восточнославянскими языковыми особенностями отразилась йотация *а* в начале союза **ꙗко** и местоимения **ꙗкъ** (но есть и *ако, акъ* во всех списках, кроме Остромирова евангелия, где только **ꙗко** или **ѣко**), но полностью отсутствует **ꙗзъ**, а только **азъ**.

Безйотовая форма личного местоимения была "на слуху" при богослужении, а также и при обучении грамоте, так как служила названием первой буквы славянского алфавита. Поэтому она легко могла избежать адаптации на восточнославянской почве. Эти обстоятельства объясняют з а к р е п л е н и е безйотовой формы **азъ** в л и т е р а т у р н о м я з ы к е на Руси. Однако вряд ли могут быть признаны единственно досаточными для объяснения безвариантного с о х р а н е н и я этой формы в компактной группе близких по времени создания с п и с к о в XI в. При переписывании значительных по объему текстов, написанных на близкородственном языке, писец и в этом случае не мог полностью избежать ассоциаций с собственным языком. Поэтому полагаем, что нельзя исключить того, что последовательное сохранение **азъ** в указанной группе списков вызвано не только внешними обстоятельствами, но и тем, что эта форма воспринималась переписчиком как абсолютно чуждая его живому языку.

Появление йотованных форм И.п. местоимения 1-го л. ед. числа в восточнославянской письменности относится к XI/XII вв. Единичные случаи **ꙗ** и **ꙗзъ** отмечены в таких киевских по происхождению списках, как Поучение Кирилла Иерусалимского XI/XII вв. – **нъ ꙗ рекоу** [Дурново 1924: 160], Мстиславово евангелие XI/XII вв. – Л XI, 2 – **аще ли же о пьрстѣ божии изгоню бѣсы** [МстЕв, 83а, 123].

* * *

История дублетных форм в языке – это, как известно, история их распределения, закрепления или утраты на определенной территории или в определенном функциональном типе языка.

Наиболее проста судьба **азъ**.

С появлением йотованных форм **ꙗзъ** и **ꙗ** изначальная, безйотовая форма **азъ** постепенно была вытеснена из народно-разговорного типа языка и укрепилась в книжно-письменном, прежде всего в церковно-книжном типе. В этом отношении показательны два написанных в разное время евангелия-апракос – Архангельское евангелие 1092 г. и Московское евангелие 1358 г.

В конце XIII в. два писца Архангельского евангелия проявили определенную свободу и, переписывая текст, использовали йотованную форму **ꙗзъ**: она отмечена 14 раз у первого писца (лл. 1–76 об) и 1 раз – у второго (л. 178). Писец же XIV в., переписывая такой же литургический текст, отказался, и очевидно сознательно, от формы

некнижного языка и использовал во всех, по нашим подсчетам, 215 случаях **азъ**, единственно возможную в старославянской письменности форму.

В других типах древнерусской письменности **азъ** продолжала конкурировать с йотованными формами, одерживая победы в текстах молитв и цитатах из Священного Писания или их парафразах.

В связи с закреплением в литературных языках восточных славян формы *я* (**ꙗ**) определенный интерес представляет распределение по памятникам письменности йотованных форм **ꙗ** и **ꙗзъ** (см. таблицу).

Таблица

Тексты	Форма **ꙗ**		Форма **ꙗзъ**	
	Свободн. употр.	"**сє ꙗ**..."	Свободн. употр.	"**сє ꙗзъ**"
Литературно-повествовательные				
ПВЛ (ред. 1116 г.)	3	–	4	–
ПВМ 1117–1125 гг.	5	–	3	–
Сузд. лет. 1118–1305 гг.	1	–	8	–
Киев. лет. (1118–1199 гг.)	59	–	52	–
Гал.-Вол. лет. (1201–1292 гг.)	15	–	9	2
НIЛ (1016–1352 гг.)	3	–	10	–
Бытовая переписка				
ГрБ XI–XIII	23	–	8	–
ГрБ XIV–XV	10(11)	–	16(30)	–
–				
Офиц. грамоты и договоры				
Смол. XIII–XIV вв.	–	–	3	3
Полоцкие XIV в.	–	1	–	3
Акты и грамоты С.-Вост. Руси XIII–XIV вв.	–	2	11	20
Гр. южные и юго-зап. XIV в.	4	6	5	5

В памятниках раннеписьменного периода **ꙗ** встречается чаще, чем **ꙗзъ**. В берестяных грамотах XI–XIII вв. **ѧ** употреблена в 23 примерах, а **ѧзо** (**ѧзъ**) – только в 8 (см. [Зализняк 1995: 413]). Тексты бытовой переписки с южных территорий почти не сохранились.

Из двух дошедших до нас берестяных грамот, найденных в Звенигороде (Галичском), только одна, ГрБ Звениг. № 2, 10–30 XII в. содержит форму И.п. местоимения 1-го лица: **а дає лоуцѣ оли нь водаси то ѧ ꙋ конѧзѧ поєма отроко прижь приєдю** [Зализняк 1995: 291].

В написанном между 1117 и 1125 гг. Поучении Владимира Мономаха [ПСРЛ, I: 240–256] соотношение **ꙗ** и **ꙗзъ** 5 : 3 (при 3 примерах с **азъ**).

Из этого, по-видимому, можно заключить, что в народно-разговорном типе языка раннеписьменного периода предпочтительной была форма ꙗ.

В рукописях позднего древнерусского периода в распределении йотованных форм прослеживается известная связь с территориальной принадлежностью текста: преобладание ꙗзъ в текстах северо-западных и северо-восточных земель, а в южных и юго-западных большее (или почти равное) количество ꙗ.

Так, в текстах северо-западного и северо-восточного региона, в официальных грамотах и договорах Смоленска (XIII–XIV вв.), Полоцка (XIV в.), в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей (XIV в.), в актах Северо-Восточной Руси (XIII–XIV вв.) ꙗзъ в свободном употреблении (не в традиционном начале) использована в 14 случаях, а ꙗ – только в 1. Примечательно, что ꙗзъ в этих грамотах вытеснила из начальной формулы азъ: пишут не "се азъ", а "се ꙗзъ". То же преобладание ꙗзъ характерно и для летописей: в Новгородской I летописи по Синодальному списку [НIЛ XIII–XIV вв.] ꙗзъ отмечена в общей сложности 10 раз, а ꙗ – 3, из них в части, написанной в XIII в. (лл. 1–109) содержатся 4 формы ꙗзъ и 2 ꙗ, а в написанной в XIV в. части – 6 ꙗзъ и 1 ꙗ [см. НIЛ XIII–XIV]. В так называемой Суздальской летописи (изложение событий с 1118 по 1305 гг.) [ПСРЛ, I: 96–261, 29–540] ꙗзъ употреблена в 8 случаях, а ꙗ – в 1. Два других списка летописи: Радзивиловский (конца XV в.) и Академический (XV в.) отличаются от Лаврентьевского отсутствием ꙗзъ лишь в одном случае: атъ почнꙋ дн҃ь свои вм. атъ ꙗзъ почнꙋ дн҃ь свои (см. [ПСРЛ, I: 113, 338]). Поэтому есть все основания полагать, что приведенные подсчеты характеризуют употребление ꙗзъ и ꙗ не только в списках летописи, но и в ее протографе, во Владимирском полихроне 1305 г. И в берестяных грамотах XIV–XV вв. более употребительна ꙗзъ. По подсчетам А.А. Зализняка, соотношение в них ꙗзъ и ꙗ 16: 10 или "с особыми случаями" – 30 : 11 [Зализняк 1995: 114]. "С чем связан этот несколько неожиданный статистический эффект, пока не совсем ясно" [Там же].

Между тем обращает на себя внимание то, что увеличение количества ѧзо (ѧзъ) в берестяных грамотах сопровождается убыванием в них диалектных собственно новгородских форм (*подале, вхе* и т.п.) и заменой их общерусскими (*подалъ, весь* и т.п.). Поэтому за количественным увеличением ѧзо (ꙗзъ) в грамотах XIV–XV вв. (не только новгородских) можно видеть не языковые, а историко-культурные тенденции – следование в известной мере нормам книжно-литературной письменности, складывавшейся не без влияния церковно-книжных образцов. Выбор ꙗзъ в таких случаях мог быть мотивирован тем, что ꙗзъ в отличие от усеченной формы ꙗ структурно была ближе к господствующей в церковно-книжном типе языка форме азъ. Показательно в этом отношении использование ꙗзъ в записях и приписках XIII–XIV вв. на полях книг. В начале записи, где книжно образованный писец представляет себя будущему читателю как исполнителя работы или пожертвователя, он пользуется традиционной формулой "се азъ...". Например: се азъ раб Б҃жии многогрѣшныи поликарпъ попъ докончахъ сиꙗ книгы... (Ев 1307 г. 123 об), азъ рабъ Б҃жии ꙗковъ ц҃нъ домашинъ... (Ев 1317 г., 128). Но стоит писцу перейти к изложению бытовых событий, как он отказывается от азъ и пишет ꙗзъ, схожую начальным *j* с другой формой некнижного языка. Например: ꙗзъ былъ на низоу (УстСтуд XII/XIII в., 189), то ти ѧзъ молъвлю хотѧ грѣшенъ есмь чл҃вкь. не токмо послꙋшѧтель бꙋди тѣхъ словесъ. но и творець (ЖСавОсв XIII в., 1) а ты г(с)не григории возми ·ѕ҃· сороко(в)... а ꙗзъ вамъ бию челомъ (ЕвЧт XIV в., 155 об).

Примечательно использование в сп. XIV/XV вв. послания "К архиепископу римскому от Иоанна митрополита русского об опресноках" (Иоанн умер в 1089 г.) формы ꙗзъ: цѣлую тѧ и ꙗзъ иванъ худыи митрополит рускии [СБТ XIV/XV в., 148 об].

В памятниках южного и юго-западного происхождения соотношение йотованных форм И.п. местоимения 1-го л. ед. числа иное. В южно-русских (украинских) грамотах XIV в. ꙗ оказалась господствующей формой, вытеснившей в договорах и завещаниях из формулы зачина не только азъ, но и существенно потеснившей обычную для официальных актов Северо-Восточной Руси форму ꙗзъ. Например: а се ꙗ панъ михаило ивановичь заставилъ свое село (Гр 1385), а ꙗ февр҃унъ воевода перемышльскии познавалъ то нашимъ лист(ом)ъ (Гр 1391 г.). Тексты официальных посланий правителей дошли до настоящего времени лишь в составе двух летописей: Киевской летописи конца XII в. (см. [ПСРЛ, II, 285–715]) и Галицко-Волынской летописи конца XIII в., язык которой содержит элементы грамматического строя формирующегося украинского языка [ПСРЛ, II, 285–715; 715–938]. Древнейший список обеих летописей – Ипатьевская летопись ок. 1425 г. По этому списку в Киевской летописи ꙗ отмечена 59 раз, а ꙗзъ 52, в Галицко-Волынской же – соответственно 15 и 9 раз. Однако определить, характеризуют ли приведенные подсчеты соотношение йотованных форм в конце XII в. и в конце XIII в. или они должны быть отнесены ко времени написания списка (1425 г.), затруднительно. Не облегчают этой задачи и данные Хлебниковского списка XVI в., так как употребление в нем азъ в 52 случаях в Киевской летописи и в 7 случаях в Галицко-Волынской вместо ꙗзъ Ипатьевского списка, полагаем, отражает нормализаторскую работу переписчика XVI в.

Рассмотрение употребления азъ, ꙗзъ и ꙗ в памятниках восточно-славянской письменности, полагаем, можно завершить следующими выводами:

1. В языке восточных славян, видимо, был период, когда существовала форма И.п. местоимения 1-го лица единственного числа азъ.

2. Ранние случаи употребления ꙗзъ и ꙗ в памятниках относятся к XI/XII вв.

3. Форма ꙗ не была клитикой, а, как ꙗзъ и азъ, полноударенной.

4. В народном языке из йотованных форм более употребительной была ꙗ.

5. В поздний древнерусский период преобладание ꙗзъ в текстах, относящихся к северо-западным и северо-восточным территориям, отражает складывавшиеся в этом регионе нормы книжно-литературного языка, испытывавшего известное влияние со стороны языка конфессиональной письменности. Предпочтение, отданное здесь ꙗзъ, могло быть вызвано структурной близостью к закрепившейся в церковно-книжном типе языка форме азъ.

СОКРАЩЕНИЯ

БАН – Библиотека Российской академии наук (в С.-Петербурге)
ГрБ – Грамоты на бересте
ГИМ – Государственный Исторический музей
И – Евангелие от Иоанна
И.п. – Именительный падеж
Л – Евангелие от Луки
М – Евангелие от Марка
Мтф – Евангелие от Матфея
Патр – Патриаршее собрание
ПВЛ – Повесть временных лет
ПВМ – Поучение Владимира Мономаха
РГБ – Российская Государственная библиотека (в Москве)
РНБ – Российская Национальная библиотека (в С.-Петербурге)
Син – Синодальное собрание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

БДА – Български диалектен атлас. Т. I–IV. София, 1964–1981.

БЕР – Български етимологичен речник / Съставили В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, Св. I. София, 1962.

Выголексинский сборник / Изд. подготовили В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Голышенко / Под ред. С.В. Коткова. М., 1977.

ГА XIV – Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе т. I Текст / Изд. В.М. Истрин. Пг. 1920.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Гл. ред. А. Жураўскі. Мінск, 1982. Вып. 1.

Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1981 – Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Дурново Н.Н. 1924 – Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.

Ев 1307 – Евангелие 1307 г., рукопись ГИМ Син 740.

Ев 1317 – Евангелие 1317 г., рукопись БАН 34.5.22.

Ев Чт – Евангельские чтения, рукопись XIV в., РНБ Соф. 8.

ЖСавОсв – Житие Саввы Освященного, рукопись XIII в. РНБ ОЛДП, Q. 106.

Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.

Изборник 1073 – Симеонов сборник (по Свентославовия препис от 1073 г.). Т. II. Речник-индекс. София, 1993.

Изборник 1076 / Изд. подготовили В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов / Под ред. С.И. Коткова. М., 1965.

Московское евангелие 1358 – рукопись 1358 г. ГИМ, Патр. 68, 4° лл. 221.

МстЕв – Мстиславово евангелие XI / XII в. Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л.П. Жуковская, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.

НЛ XI–XIV – Новгородская первая летопись по Синодальному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с пред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950; Новгородская харатейная летопись (фототипическое издание) / Изд. под наблюдением М.Н. Тихомирова. М., 1964.

ОстрЕв – Остромирово евангелие 1056–57 года. С приложением греческого текста и с грамматическими объяснениями / Изд. А. Востоков. СПб., 1845.

ПСРЛ, I – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2-ое. Л., 1926; Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-ое. Л., 1927; М., 1962 (воспроизведение изд. 1926–1927 гг.).

ПСРЛ, II – Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2-ое (воспроизведение текста СПб., 1908).

АрхЕв 1092 – Архангельское евангелие 1092 / Изд. подг. Л.П. Жуковская, Т.Л. Миронова. М., 1997.

СбТ – Сборник XIV/XV в., рукопись РНБ, Q. п. 7.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах / Гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. I. М., 1988.

ССМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / Ред. Л.Л. Гумецкая, І.М. Керницький. Київ, 1977. Т. I.

СлСтЯЗ – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Сумникова Т.А. 1995 – Местоимение // Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Трубецкой Н.С. 1987 – К вопросу о стиле русской былины // Избранные труды по филологии. М., 1987.

УспСб XII/XIII – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.

УстСтуд XII – Устав Студийский, рукопись XII в. ГИМ Син 330.

Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

Хабургаев Г.А. 1990 – Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1. Л., 1974.

ЭСУМ – Этимологічний словнік української мови. Т. I. Київ, 1982.

Ass – рукопись глаголическая XI в. // Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3 Slavicus glagolitcus. T. I / Ed. by J. Vais, J. Kurz. Pragae, 1955.

Brückner A. 1957 – Słownik etymologiczny języka polskiego / Warszawa. 1957.

Jakobson R. 1959 – While reading Vasmer's dictionary // International journal of Slavic linguistics and poetics I/II, 1959.

Machek V. 1957 – Etymologický slovnik jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Mańczak V. 1977 – Słowańska fonetyka historyczna // Zeszyty naukowe universytetu Zódrniego. Z. 55. 1977.

Shevelov G.U. 1965 – A prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1999

© 1999 г. Г.И. БЕРЕСТНЕВ

ИКОНИЧНОСТЬ *ДОБРА* И *ЗЛА*[1]

К юбилею моего учителя
Вяч. Вс. Иванова

0. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Наиболее яркую особенность этического сознания составляет его принципиальная экстериаризованность. Будучи неразрывно связанным с поведением человека и обнаруживая себя в его деятельности, оно всегда выражается вовне, вследствие чего именно дела человека позволяют судить о его нравственном облике. На этом настаивает и народная мудрость (ср.: *Дерево смотри в плодах, человека в делах; По бороде Авраам, а по делам Хам*), и признанные религиозно-этические учения (ср.: *Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодам дел его* [Иер. 17: 10]; *...Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим* [Откр. 2: 23]).

Вместе с тем несомненным является и то, что этическая сфера относится к сфере деятельностной как потенциальное к актуальному, внутреннее к внешнему. Стремясь наилучшим образом обозначить это отношение, обыденное сознание многих народов помещает этическую сферу в сердце человека. Так, в Библейской традиции, когда речь заходит об абсолютном нравственном показателе, непременно упоминается сердце – ср.: *Но Господь сказал Самуилу: ...Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце* [I Царств 16: 7]. Древние египтяне рассматривали сердце человека как материальное воплощение его совести: считалось, что на суде мертвых сердце умершего взвешивается на весах с помощью пера птицы Маат, богини истины и справедливости, чтобы проверить, не отягощено ли оно злодеяниями [Бидерманн 1996: 241]. В словаре Даля прямо указывается, что у русских *сердце* рассматривается как вместилище нравственного, духовного начала [Даль IV, 174].

Метафора сердца в этих и многих других примерах подобного рода не случайна. Она как нельзя лучше передает субъективное представление человека о психичности и глубинном характере этической сферы, которая образуется на основе одной из наиболее общих психических функций – качественной оценки действительности по признакам "хороший – плохой" [Osgood 1963: 242]. Эта оценка составляет основу любого вида человеческой деятельности, вплоть до фундаментальной оценки истинностной. «Общее направление семантической эволюции "правды", – специально отметила это обстоятельство Н.Д. Арутюнова, – шло от закона к истине, от этической оценки к истинностной» [Арутюнова 1995: 7]. И поскольку акт качественной оценки является обычно бессознательным (в область осознанного он выводится лишь при наличии специальной установки, необходимой чертой которой является знаковое выражение результатов этого акта), сама этическая сфера, обнаружи-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 98-06-80359.

вающая себя лишь в акте такой оценки и им определяющаяся, также не осознается носителями языка во всей своей исчерпывающей полноте – т.е. принадлежит бессознательному.

Наконец, являясь обязательным и всеобщим (т.е. универсальным), акт общей качественной оценки остается таковым и в рамках этической сферы, наделяя этим свойством и ее саму. Об этом позволяет говорить, помимо всего прочего, универсальный характер самих категорий оценки – базисных концептов *добра* и *зла*. Они отчетливо просматриваются, в частности, в различных сюжетных вариантах близнечных мифов, где два персонажа или образа представляют доброе и злое начала [Иванов 1991: 389]. В религиозных и философских дуалистических системах (в зороастризме и манихействе, у катаров, богомилов и др.) *добро* и *зло* суть основополагающие начала бытия[2]. Согласно философии хасидизма, зло может существовать лишь до тех пор, пока оно косвенным образом "питается" добром: само по себе оно не обладает ни собственным бытием, ни собственной реальностью [Миндель 1990: 80]. К.Г. Юнг, оценивая указанную особенность этической сферы с собственно философских позиций, подчеркивал: "Для того, чтобы договориться по столь сложному вопросу о добре и зле, нам нужно исходить из следующего: добро и зло суть сами по себе *принципы*, и следует думать, что принципы эти простираются за пределы нашего существования" [Юнг 1995: 99].

Все эти характеристики этической сферы – психичность, принадлежность бессознательному (глубинность), всеобщий и обязательный характер – позволяют видеть в ней одну из тех особых структур человеческой психики, которые в аналитической психологии получили название архетипов коллективного бессознательного.

Рассмотрение этической сферы с этой точки зрения оказывается весьма плодотворным в целом ряде отношений. Оно способствует прояснению обстоятельств возникновения этического сознания, его связей с другими сферами сознания человека и таким путем помогает лучше понять его природу и особенности строения. Более того, эта точка зрения позволяет отслеживать динамику конкретных этических сознаний или осуществлять их сравнительный анализ. Однако рассмотрение этической сферы с этих позиций и обнажает чрезвычайно важный междисциплинарный вопрос: насколько глубинные структуры языка, связанные с этическим сознанием, соответствуют данным аналитической психологии? Этот вопрос может быть сформулирован и иначе: как в обозначившихся в языке глубинных структурах этического сознания узнаются архетипы коллективного бессознательного?

Весьма интересная и поучительная в данном отношении картина открывается при обращении к старославянскому и русскому языкам, которые, будучи достаточно близкими родственниками, устойчиво сосуществовали в русской культуре в течение нескольких веков, сохраняя противопоставленность друг другу и строго распределяя между собой культурные функции. Внешне это обстоятельство обусловливалось тем, что старославянский язык рассматривался как язык сакральный, являвшийся выражением божественной правды и важным средством достижения праведности и спасения. Русский же язык считался языком обыденным, профанным, и его исключительное употребление грозило человеку впадением в ересь, а в итоге и в грех [Успенский 1994: 50–51]. Внутренне же это противостояние диктовалось, по замечанию Б.А. Успенского, закреплявшимся в них "различием между подлинной (высшей) и лишь эмпирически наблюдаемой реальностью" [Успенский 1994: 48], т.е. различием двух стоящих за ними мировидений.

В качестве источника старославянского материала в настоящей работе был принят

---

[2] Отголоски этих учений звучат в "Мастере и Маргарите" М. Булгакова, где Воланд не столько озадачивает Левия Матвея, сколько утверждает перед ним глубочайшую мировую истину: "Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?"

Апракос Мстислава Великого, написанный на рубеже XI–XII веков, т.е. в тот период, когда формирование диглоссии в русской языковой культуре уже полностью завершилось и два мировидения – церковное старославянское и обыденное русское – окончательно утвердили себя в сознании образованного русского человека. Собственно русский языковой материал, приведенный в работе, относится к периоду XIX–XX веков, а его источником послужил главным образом словарь В.И. Даля, где нашли отражение многие обиходные или редкие употребления слов русского языка соответствующей эпохи.

1. *ДОБРО* И *ЗЛО* В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Предложенная точка зрения, прежде всего, открывает базисную содержательную структуру этического сознания. Подобно тому как сфера истинности одновременно содержит в себе идеи единства и двоичности, объемля собой полярно противоположные начала *истинности* и *ложности*, точно как же этическая сфера целостна и двоична одновременно, включает в себя две противоположности – начала *добра* и *зла*, имеющие ранг принципов бытия. Не случайно первое и основное, что должны постичь Адам и Ева, соблазнившись возвышением до божественного уровня и вкусив от древа познания, – именно Добро и Зло: *...в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло* (Быт. 3: 5).

В категориальных концептах *добра* и *зла* совершенно отчетливо проявляет себя структура самого первого, базисного и универсального уровня этической сферы. Эти категории представляют ее, деля поровну и заполняя собой без остатка, что, скорее всего, является прямым функционально-психическим выражением асимметрии головного мозга[3]. В них узнается более общий принцип бинарных противопоставлений, который непротиворечиво соединяет в себе разделенное и единое, тождество и противоположность, целое и часть. А уже сам этот принцип бинарности обнаруживает себя в разных сферах культурной деятельности человека: в мифах – как на уровне сюжетообразования (сюжет о близнецах), так и на уровне способа осмысления действительности (система базисных смысловых оппозиций [Иванов, Топоров 1965: 63–65; Цивьян 1990: 5]); в числовой символике пифагорейцев и неоплатоников, где двоица рассматривается как символическое выражение принципа мироустройства, ближайшего к единичности и целостности[4]; в религиозной идее противопоставленности Бога и дьявола; в теориях философского дуализма; в аналитической психологии, где утверждается существование Анимы и Анимуса – сокровенных начал в структуре человеческого "Я", объединяющихся в единой Самости; в современной научной концепции симметрии и асимметрии и т.п., безусловно, заявляя, таким образом, о своем архетипическом характере.

Однако не столь очевидна структура этической сферы на следующем уровне ее развертывания – на том, который задается ее отношением к представляющимся носителям языка наиболее общим сферам бытия. С одной стороны, она оказывается связанной с выделением этих сфер в действительности, как известно, отличающимся динамичностью и изменчивостью (ср., например, две полярно противоположные миросозерцательные парадигмы: мифологическую и современную научную). С другой стороны, она обусловливается принятым в данной культуре распределением оценок по уже выделенным ее структурным компонентам, что также не имеет постоянного характера.

---

[3] Такая же корреляция между сферой истинности в ее основных структурных составляющих (*истина* и *ложь*) и устройством головного мозга была отмечена Вяч.Вс. Ивановым. "Для правого полушария, – писал он по поводу строгого отношения между *истиной* и *ложью* и функциями правого и левого полушарий соответственно, – все его высказывания должны быть истинными – ложными могут быть только утверждения левого полушария" [Иванов 1978: 29].

[4] Специально касаясь этого вопроса, Плотин писал: "Таким образом, первыми, наивысшими родами сущего должны быть признаны следующие – бытие (ум, или мышление), тождество и инаковость (или различие)" [Плотин 1994: 15].

Вследствие этого вопрос о структуре этической сферы на ее втором базисном уровне сводится к двум частным вопросам: в каких составляющих принимается действительность при ее первичной оценке на основе категорий *добра* и *зла* и как именно распределяются соответствующие оценочные характеристики по этим составляющим? Ответить на первый вопрос позволяет общий культурологический анализ картины мира, разворачивающейся в сознании носителей того или иного языка. Ответ на второй вопрос следует искать прежде всего в особенностях денотативных связей, которые в данном языке обнаруживают слова с оценочным значением, в навязанных спецификой соответствующей культурной парадигмы особенностях употребления этих слов, а также во внутриязыковых системных связях, в которые эти слова вступают.

Обращение к конкретному культурологическому и языковому материалу показывает, что это различие проявлялось прежде всего в этических сферах, соответствующих двум мировидениям – исконно русскому и старославянскому.

2. *ДОБРО* И *ЗЛО* В СИСТЕМЕ СТАРОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Важнейшую особенность старославянской (православной христианской) картины мира составляет единство онтологического и этического аспектов. Бог есть причина всего сущего, причина самого бытия, все в мире причастно Ему, все является плодом Его творения – ср.: *Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть* [Ин 1: 3]. Однако причастность мира Богу осуществляется и иначе – как "со-образность" Ему всего того, что Им создано. Мир в своей исчерпывающей полноте являет собой воспроизведение образа Божия и предстает как иерархия неких аналогий Божественному Архетипу [Лосский 1991: 157]. При этом одни осуществления этих аналогий оказываются бесконечно приближенными к Богу, а другие – бесконечно удаленными от Него.

Последнее обстоятельство обретает особую значимость в отношении существ, наделенных сознанием и свободой, – ангелов и людей. Они могут по собственной воле утверждать свою "со-образность" Богу, тем самым приближаясь к Нему, но могут и отказаться от такого утверждения, в этом случае удаляясь от Бога или даже занимая по отношению к Нему крайне далекую позицию. Накладываясь на представление о трудности приближения к Богу, эти идеи рождают образ некой "лестницы", движение по которой знаменует собой духовную эволюцию[5]. И в этом смысле мир, которому принадлежит человек, един и целостен.

Человек находится где-то посередине этой "лестницы". Он обладает свободой выбора и сам решает, восходить ли ему к Богу или удаляться от Него. При этом путь к Богу и полноте бытия есть для него и для мира абсолютное добро, а путь от Бога к полноте небытия – такое же абсолютное зло. Но не будучи ни абсолютно праведным, ни абсолютно грешным, человек оказывается между небом и адом. Он живет уже не в раю, но еще не в аду – он живет на земле! Именно земная жизнь открывает ему врата в ад или в рай, она составляет для него поле нравственной борьбы, и ею проверяется

---

[5] Вообще *лестница* – широко распространенный иконический знак иерархии или духовного восхождения. В одном из древнеегипетских памятников об Осирисе говорится: "Он, который стоит на верхней ступени". В шаманской традиции божества представлялись живущими на небесных ярусах, которых чаще всего три или семь, но может быть даже шестнадцать (см. [Басилов 1984: 65]). Вид лестницы имеют египетская пирамида Саккара, месопотамские зиккураты, храм надписей индейцев майя в Паленке. В книге Бытия описывается видение Иакова в Харране: *И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней* [Быт 28: 11–12]. В Византии Дева Мария аллегорически представлялась как небесная лестница, по которой Бог спустился на землю к людям и посредством которой Он может поднять их на небо [Бидерманн 1996: 147]. У Данте в "Божественной комедии" ад, чистилище и рай имеют ярусы: на самом нижнем ярусе ада находится Люцифер, а на самом верху рая – Христос. "Лествица" – название широко распространенной в Древней Руси книги святого Иоанна, игумена Синайской горы, о пути духовного восхождения человека к Богу. Представление об иерархичности и дискретности этапов некоторых процессов обнаруживают, наконец, такие метафорические конструкции в языке, как *продвигаться по служебной лестнице, стоять на ступени развития, подняться на одну ступень выше, ступени роста* и т.п.

мера праведности человека. А с этих позиций, т.е. при обращении к двум этическим началам, мир видится христианскому православному сознанию троичным: с одной стороны, он предполагает наличие для человека абсолютного положительного начала (Бог), с другой стороны – наличие абсолютной его противоположности (дьявол) и между ними – земного мира и самого человека, живущего на земле.

Важно отметить при этом, что на земле абсолютные этические начала *добра* и *зла* существенным образом меняют свой характер. Земное добро, являя собой лишь земной отблеск "небесного царства", отягощается вещественностью и теряет свою первоначальную цельность и созидательную силу. Зло же, как таковое не имеющее бытия и по сути своей являющееся отрицанием, напротив, обретает на земле "плоть", которая, собственно, и позволяет ему проявлять себя как антитеза ослабленному добру. Иными словами, *добро* и *зло* на земле – это не совсем то, что соответствующие им абсолютные начала. Это уже идеи, наполненные земным, понятным обычному человеку содержанием.

Данную картину мира в ее этическом аспекте воспроизводит оценочная лексика старославянского языка, в которой отчетливо просматриваются две основные тенденции. Во-первых, она достаточно строго повторяется в функционально-семантическом разделении слов по бытийным сферам: одни лексические единицы употребляются в нем преимущественно по отношению к особой, сакральной стороне бытия, другие – при характеристике сугубо земных, "профанных" ценностей[6]. Во-вторых, внутри этих сфер лексическая система старославянского языка сохранила выражение базисной оппозиции *добра – зла*, в результате чего в ней в целом обозначились две пары концептуальных противопоставлений: "небесного" *добра* или *зла* и соответствующей ей пары, ориентированной на "земную" действительность.

Ведущими средствами выражения обеих смысловых оппозиций "добро – зло" в канонических текстах выступали слова с корнями **благ-**, **добр-**, **лоукав-**, **гнил-**, **зъл-**, **мьрз-**, **пак-**, и закрепленность образованных от них слов за указанными концептуальными сферами была весьма жесткой.

Миросозерцательную "привязанность" слов с корнем **благ-** особенно хорошо показывает следующий евангельский фрагмент: **никто же благъ нъ кдинъ бъ** [Мстисл. л. 56]. Этот стих выражает одно из ключевых положений идеологии христианства – не случайно он имеет один вид в трех синоптических евангелиях: *никто не благ, как только один Бог* (см. Мф 19: 17; Мк 10: 18; Лк 18: 19). О значимости этого положения и объясняемого в нем концепта *блага* говорит и тот факт, что он не претерпел изменений не только в елизаветинской редакции славянской Библии XVIII в., принятой ныне к церковному употреблению, но и в русском синодальном переводе 1876 г., в котором многие славянские слова с корнем **благ-** были переведены русскими соответствиями с корнем *добр-*. Этот стих провозглашает, что *Благо* "небесно" и божественно по своей сути, оно принадлежит исключительно божественной жизни и вне ее не существует. Чистое и абсолютное *Благо* – это сам Господь – не случайно одно из имен Бога, согласно Дионисию Ареопагиту, – *Благой* [Дионисий 1995: 37][7]. Соответственно и живое Его влияние на созданный Им мир – это также *благость* со стороны Господа и *благо* для мира. По словам Дионисия Ареопагита, благодаря "лучам всецелой Благости", исходящим от Бога, "возникли все умопостигаемые и разумеющие сущ-

---

[6] На эту особенность старославянского языка исследователи уже обратили внимание. В частности, Б.А. Успенский указал, что разделение в нем слов на два основных функционально-семантических класса было обусловлено "различием между подлинной (высшей) реальностью и лишь эмпирически наблюдаемой" [Успенский 1994: 48]. Эти же представления обнаруживаются и в характерном несовпадении концептов *правды* и *истины*. А.Д. Шмелев, касаясь этого вопроса, отметил, что "*правда* указывает на практический аспект этого понятия, а *истина* – на теоретический аспект" [Булыгина, Шмелев 1997: 481].

[7] Ср.: "Ну, хорошо, перейдем теперь в *нашей* речи уже к тому самому благоименованию, которое богословы решительным образом выделяют из всех других, применяемых к сверхбожественной божественности, называя Благостью, как мне кажется, само Богоначальное бытие..." [Дионисий 1995: 89].

ности, силы и энергии; благодаря им они существуют и имеют неиссякаемую и неумаляемую жизнь..." [Дионисий 1995: 89–91].

Соответственно употребляемые в отношении человека, слова с корнем **благ-** показывают его особую причастность небесной сфере. В проповеди Христа о Страшном Суде и участи праведников говорится: **изидоуть сътворьшии благая въ въскрѣшеник живота** (Ин 5: 29) [Мстисл., л. 7 г]. Также и действия человека, если они определяются как *благие*, рассматриваются как осуществляющиеся на земле, но принадлежащие иной, небесной сфере и имеющие особую, абсолютную значимость. Некий иудейский юноша, называя Иисуса *благим* и тем самым открыто заявляя о своем понимании Его божественной сути, спрашивает: **оучителю благыи что блага сътворю да имамъ жизнь вѣчноую** (Мф 19: 16; Лк 18: 18) [Мстисл., л. 56 а]. Он хочет знать, какое земное действие оказывается столь ценным на небесах, что может обеспечить ему бессмертие и "небесную" жизнь. Некой Марфе, принявшей Иисуса в своем доме и возмутившейся тому, что ее сестра Мария не ухаживает за Ним, а сидит подле Него и слушает Его слово, Он указывает на "небесный" характер именно этого ее действия: **марѳа печеши сѧ и мълвиши о мнозѣ ѥдино же ѥсть на потрѣбоу мариѩ бо благоую часть избьра ꙗже не отъимет сѧ отъ нѥѩ** – *Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно: Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее* (Лк 10: 41–42) [Мстисл., л. 166 в].

Словам с корнем **благ-** в старославянском языке идеологически противопоставляются слова с корнем **лоукав-**. Это их отношение обычно является скрытым, но в отдельных случаях оно может быть представлено и явным образом – ср.: **аще око твоє лоукаво ѥсть ꙗко азъ благъ ѥсмь** (Мф. 20: 15) [Мстисл., л. 47 б]. Подобно *благим делам*, которые совершаются на земле, но ведут человека к небу и спасению, *лукавство* проявляется в земной жизни, но ведет человека в обратном направлении, оскверняя его и закрывая путь к Богу. Эта мысль прямо формулируется в Апракосе, где лукавство приводится в ряду самых страшных прегрешений, ввергающих человека в нравственную бездну – ср.: **ꙗко исходѧщеѥ отъ чл(о)вка то сквьрнить чл(о)вка. из оутри бо отъ срдца чл(о)вчьска помъсли зъли исходѧть. прелюбодѣꙗниꙗ. бложенниꙗ. оубои. татьбы. лоукованиѥ льсть. лихоимѣниѥ. око лѫкаво. хоула презорьство. безоумиѥ. все се зълоѥ изъ оутробы исходить** (М 7: 21–23) [Мстисл. 65 в].

Внешне *лукавство* проявляется как особая хитрость, но за этой хитростью всегда стоит злой умысел, корыстное извращение того, что есть на самом деле, внесение в жизнь путаницы, сомнения и неуверенности – ср.: **разумѣвъ же ісъ лоукавьство ихъ рече. что мѧ искоушаѥте лицѣмери** (Мф 22: 17–18) [Мстисл. 133 б]. Такое представление о *лукавстве* как о запутанности проявляется и во внутренней форме обозначающего его слова – ср. рус. *лукавить* 'ходить криво, луками, изгибами'; *лука* 'изгиб, погиб, кривизна, излучина; заворот реки, дуга'; *лукно, лукошко* 'гнутое, гнутóк' и особенно показательное 'плетенка, корзинка из прутьев', где актуализируется представление о запутанности; *лук* 'согнутая в дугу полоса; упругая полоса, деревянная, роговая, стальная, напрягаемая тетивою для пусканья стрел', 'дуга, дужка, пол-обруча, гнуток' [Даль II: 272]. Кроме того, связь *лукавства* с запутанностью обнаруживают системные связи слов с корнем **лоукав-** и соответствующие им дополнительные концепты. Так, в следующем примере в оппозиции *лукавости* приводится идея *простоты* – ср.: **аще оубо боудеть око твоє просто все тѣло твоє свѣтьло бѫдеть. аще ли око твоє лоукаво бѫеть все тѣло тв(о)є тьмьно боудеть** (Мф. 6: 23) [Мстисл., л. 34 а]. И это не случайно. С *простотой* у многих народов связывается вообще показательный спектр идей, как кажется, имеющих устойчивый характер.

Весьма полно и подробно эта картина воспроизводится системой русских языковых представлений. В частности, слова с корнем *прост-* выражают в русском языке следующие смыслы: (а) геометрической линейной неискривленности – ср.: *прость* 'прямой путь, прямая дорога, прямь, *противоп.* околица, объезд, крюк' – *поезжай смело простью по болоту, все замерзло; про́сти* – возглашенье в церкви, означающее приглашенье стоять прямо (*Премудрость, про́сти!*) [Даль III: 513]; (б) незатейливости чего-либо, отсутствии дополняющих элементов – *простой завтрак, простой карандаш, простое мыло, простая обстановка, простая одежда, простое полотно;* (в) неосложненности и понятности поведения человека, откуда затем идея отсутствия ума – *держи себя просто, говори просто* – без околичностей, без прикрас; прямо, не виляй, *Живи просто, выживешь лет со-сто; простой человек* – без хитрости и без большого ума [Даль III: 512]; (г) свободы от чего-либо (в том числе и от грехов в христианской традиции) и на этой основе – открытости – ср.: *Чтоб им однолично ни в чем нужи ни которыя не было, и жили бы, и ходили просты* 'были вольны, свободны' [Даль III: 512]; *прощать* 'делать про́стым от греха, вины, долга', 'освободить от мук, страданий, болезни, исцелить либо разрешить земные узы, упокоить'; *А двери у него всякому про́сты* [Даль III: 513]; (д) нравственного совершенства, "правильности" человека – ср.: *Простота да чистота – половина спасенья; Простота, чистота, правота – наилучшая лепота* [Даль III: 512–513]; (е) "богоугодности" – ср.: *В простых сердцах Бог почивает; Где просто, там ангелов со-сто; Простота человека к Богу приводит.*

Таким образом, в концептуальном плане *лукавство* – это полная противоположность *благости:* непричастность Небу и Богу, полная духовная испорченность и закрытость для божественного влияния. И точно так же, как *Благой* – одно из имен Господа, *Лукавый* – одно из имен Его абсолютной противоположности, главного духа зла, о чем прямо говорится в молитве "Отче наш" – **и не въведи насъ въ напасть нъ избави нъ отъ лоукавааго** (Мф. 6: 13) [Мстисл., л. 122 г][8].

Основную функциональную особенность слов с корнем **добр-** составляет то, что они употребляются по отношению к эмпирически воспринимаемой реальности – т.е. земному миру. Так, прилагательное **добръ** определяет существительные, обозначающие "земные" предметы, с которыми человек имеет дело в быту, – такие как *бисер, дерево, землю, семя, соль* и т.л. При этом оно характеризует предмет с точки зрения его качественности, добротности, бытовой функциональной пригодности – ср.: **вьсе оубо древо иже не творить плода добра посѣкаемо бываютъ и въ ѡгнь въмѣтаемо** (Мф. 3: 10) [Мстисл., л. 184 в]; **подобьно есть цѣсарьство небьнок чл(о)вкоу кѫпьцю иціоущю добра бисьра** (Мф. 13: 45) [Мстисл., л. 40 в]. Эта связь сохраняется даже тогда, когда подобные предметы рассматриваются как символы – служат для выражения идей, наполненных духовным содержанием. Употребляясь по отношению к человеку, прилагательное **добръ** характеризует его со стороны происхождения (знатности) либо житейской разумности (здравого смысла), опытности, практической сметливости, основательности в каком-либо предприятии, исполнительности и т.д. – ср.: **вьсь оубо иже слъшить словеса моа си и творить ꙗ оуподоблю и мужю доброу**

---

[8] Характерно, что название дьявола *лукавый* в Апракосе Мстислава встречается всего один раз – в молитве "Отче наш". В елизаветинской редакции Библии употребление этого имени расширяется, но минимально – ср.: **иже слъшить слово цѣсарьства и не разоумѣвають приходить неприязнь и въсхыщаютъ сѣанок въ срдци иго** (Мф. 13, 19) [Мстисл., л. 39 б]; **всякому слышащему слово цртвна и не разумѣвающу приходитъ лукавый и восхищаетъ всѣянне въ сердце его сие есть еже при пути сѣянное** (Мф. 13, 19). Этот факт может расцениваться как свидетельство того, что в эпоху Мстислава и позже в слове *лукавый* виделось "официальное" имя дьявола, гораздо более "живое" и значимое, чем в иноязычных **сотона** или **веельзевоулъ**, вследствие чего оно оказывалось табуированным.

иже съградить храминоу свою на камени (Мф. 7: 24) [Мстисл., л. 33 в]; **чл(о)вкъ нѣкъıи добра рода иде на странж далече приıати себе ц(с)рствик...** (Лк. 19: 12) [Мстисл., л. 93 в]. Таким образом, *добро* имеет "земной" статус, принадлежит земле, реализуясь в видимом, вещественном мире. Это телесное, материальное измерение бытия, и в этом плане оно противостоит *благу*. *Благо* сокровенно, оно составляет цель в н у т р е н н е г о, духовного бытия человека и актуально прежде всего для духа. *Добро* же лежит вовне, будучи всегда открытым миру в своей очевидности, и достигается в н е ш н и м напряжением человеческой жизни. *Благо* обеспечивает человеку вечное небесное блаженство, *добро* же проявляет себя в этом мире и является атрибутом временного и внешне благополучного существования человека. Только *благо* обладает спасительной силой – *Добро* принадлежит земле и само по себе не обеспечивает спасения[9].

Антонимические пары словам с корнем **добр-** в старославянском языке образуют слова с корнями **гнил-, пак-, мьрз-**. В старославянской картине мира земному *добру* противопоставляется такая же "земная" *гнилость* – как-либо проявляющаяся испорченность, дефектность эмпирически оцениваемых земных предметов. Противопоставленность слов с корнем **добр-** словам с корнем **гнил-** также может иметь открытый характер, причем и в этом случае определяемые прилагательным **гнилъ** предметы могут рассматриваться и в своей непосредственной данности, и как символы, представляющие высокие духовные идеи. Так, в притче о неводе, символически представляющем Страшный суд, эпитетами "добрая" и "гнилая" наделяется рыба, которая символизирует собой людей, с одной стороны, наделенных благостью, а с другой – не имеющих ее, – ср.: **...избьраша добрыıа въ съсоудъı а гнилъıа извьргоша вънъ** (Мф. 13: 48) [Мстисл., л. 170 в]. Также **пакость** в системе этих представлений есть конкретное действие, направленное на злорадное, не преследующее иной цели причинение человеку какого-либо вреда – ср.: **тъгда запльваша лїце кмоу и пакости кмоу дѣıаша** (Мф. 26: 67) [Мстисл., л. 144 б]. Слово **мьрзость** употребляется в "небесном" контексте, но связывается с сугубо земными обстоятельствами духовной жизни людей – ср.: **кгда же оузьрите мьрзость запоустѣниıа. реченноую данилъмъ пр(о)ркъм стоıащю на мѣстѣ свѧте...** (Мф. 24: 15) [Мстисл., л. 132 в].

Особое место в этой системе занимают слова с корнем **зъл-**. Внешне их своеобразие проявляется в том, что они могут одинаково легко противопоставляться и словам с корнем **добр-**, и словам с корнем **благ-**, обретая в зависимости от этого либо "земное", либо "небесное" содержание. Так, в следующем примере оно антонимично слову **благъ**, что обнаруживает его содержательную близость *лукавству* – ср. об Отце Небесном: **...слнце свок сиıаетъ на зълы и на блгы** (Мф. 5: 45) [Мстисл., л. 29 г]. Имеется и целый ряд примеров, где оно употребляется как антоним слова **добръ**, что прямо указывает на его содержательную близость идее *гнилости* – ср.: **нѣсть бо дрѣво добро творѧ плода зъла ни дрѣво зло творѧ плода добра** (Лк. 6: 3) [Мстисл., л. 75 б]. Отсюда можно сделать вывод и относительно внутреннего своеобразия слов с корнем **зъл-** в старославянском языке. Они объединяют в себе концептуальное содержание *гнилости* сего мира и *лукавости* мира иного, небесного. *Зло* оказывается тем, что распространяет свое влияние на эти два мира, сближая их и фактически образуя

---

[9] Указанное концептуальное различие между *благом* и *добром* обнаруживает неадекватность перевода некоторых мест в синодальном Евангелии. Так, приведенная выше фраза **оучителю благъıи что блага сътворю да имамъ жизнь вѣчноую** [Мф. 19: 16; Лк. 18: 18] переведена на русский язык следующим образом: *Учитель благий! что сделать мне д о б р о г о, чтобы иметь жизнь вечную?* Совершенно очевидно, что замена в этом случае идеи *блага* на идею *добра* искажает истинный смысл евангельского текста: вечная, небесная жизнь не достигается земными добрыми поступками – ее может дать только содеянное благо.

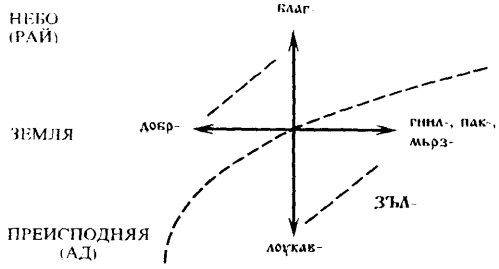

Рис. 1

единое "царство зла". Однако оно остается бессильным перед небесным *благом,* которое недоступно ему и противостоит ему в мире.

В целом отношения между словами с корнями **благ-, добр-, лоукав-, гнил-, зъл-** показывает схема, изображенная на рис. 1.

3. *ДОБРО* И *ЗЛО* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Принципиально иная картина открывается при обращении к русскому этическому сознанию. И прежде всего наблюдаемые здесь отличия касаются самого мировидения носителей русского языка: место миросозерцательной оппозиции "сакральный – профанный", составлявшей основу структурирования мира для носителей старославянского языка, в русском сознании занимает иная оппозиция, определяемая как "теоретический (идейно-ценностный) – практический (утилитарный)", "абсолютный – относительный", "внутренний – внешний", "абстрактный – конкретный", "единичный – множественный" и т.п. [Булыгина, Шмелев 1997: 481, 484; Левонтина 1995а: 173; Левонтина 1995б].

Вследствие этого для носителей русского языка мироздание в его этическом аспекте оказывается уже не трех-, а двухчленным – в нем выделяются две основные области, "идеальная" и "реальная", которые не пересекаются, а существуют "параллельно" друг другу. Архетипическая оценочная оппозиция "хороший – плохой", которая делит каждую из определяющихся, таким образом, миросозерцательных областей соответственно на "хорошую" и "плохую" зоны, при этом сохраняет свою значимость. В итоге для русского этического сознания оказываются актуальными, с одной стороны, абстрактные, идеальные, а с другой – практические, конкретные, непосредственно проявляющееся в реальной жизни человека *добро* и *зло.*

Отличие русского этического сознания от старославянского отчетливо проявляется и в плане языка. Его обнаруживает и относительное обилие лексических средств, используемых для описания двух различных видов *добра* и *зла,* и своеобразие семантики соответствующих слов, особенно отчетливо проявляющееся в парадигматических связях значений, и характер функционального распределения слов по указанным сферам – "теоретической" и "утилитарной", и, наконец, особенности функционального распределения слов по этим сферам.

Собственные средства выражения идей *добра* и *зла* в русском языке составляют слова с корнями ***добр-, хорош-, болог-, гад-, дурн-, дрян-, зл-, лих-, мерз-, пак-, плох-, скверн-, худ-*** и др., причем закрепленность конкретных образованных от них слов за указанными концептуальными сферами оказывается далеко не столь жесткой и отчетливой, как в старославянском языке.

Так, слова с корнем ***добр-*** выражают как правило идею внешней добротности, положительных функциональных качеств, положительной эмоциональной оценки чего-

либо и т.д. В этом плане *добрый знакомый* – тот, с которым не связывают конфликтные ситуации в быту; *добрый конь* – в полной мере отвечающий необходимым практическим требованиям; *добрый кузнец* – умелый и опытный; *доброе пиво, сено, сукно, добрый табак* – хорошего качества; *добрый служака* – ответственный; *добрый ужин* – вкусный и сытный[10]. Иногда в этих обстоятельствах имеется в виду житейское, материальное же благополучие, как например, в пожеланиях *в добрый час, в добрый путь*. Заслуживает внимания и то, что существительные, определяемые прилагательным *добрый*, обычно имеют конкретное предметное значение – обозначают реальные сущности. Эту ориентированность слов с корнем ***добр-*** выдают и соответствующие глаголы; *добрить, удобрять*, 'улучшать' – ср.: *удобрять землю; масло кашу добрит* [Даль I: 444], а также его производные с абстрактным значением: *добро́та, добрина́* 'прочность, достоинство вещи; качество выработки, отделки, качество самого припаса' [Даль I: 444].

Семантически и функционально тождественными словам с корнем ***добр-*** оказываются в этом случае слова, имеющие корни ***хорош-*** и ***болог-***. Так, *добрый конь* абсолютно равнозначно сочетанию *хороший конь; доброе пиво, сено, сукно* – это *хорошее пиво, сено, сукно; добрый табак – хороший табак*. Сочетанию *добрый служака* в наше время соответствует отличающееся лишь в стилевом отношении (являющееся межстилевым), но весьма близкое в сигнификативном плане сочетание *хороший офицер (работник, специалист* и т.д.). Также и слова *бо́лозе, бо́лого* 'благо, хорошо, гораздо, ладно, кстати; благо что, хорошо что, спасибо что' – *болозе богат, откупится; болого, что корова дома: медведь шатается* [Даль I: 110] употребляются по отношению к практическим, утилитарным сторонам ситуации.

Слова с корнями ***хорош-*** и ***болог-*** повторяют и другие функциональные особенности слов с корнем ***добр-***. В частности, прилагательные, которые восходят к этим корням, также связываются с существительными, имеющими предметное значение. Возможные глагольные образования от корней ***хорош-*** и ***болог-*** обозначают действия, осуществляемые в сфере реальной действительности, – ср.: *хорошить* 'красить, украшать напоказ', *хорошеть* 'становиться лучше, краше, пригожее' – *погода хорошеет, девушка подрастает и хорошеет* [Даль IV: 562]. Также и немногие имеющиеся здесь абстрактные существительные в целом продолжают эту тенденцию – ср.: *хоро́шество, хоро́сьво́, хо́рости* диал. 'красота, краса, баса, пригожесть, прелесть, лепота' [Даль IV: 562], но *нехорошество* 'дурное поведение' [Даль IV: 562].

Вместе с тем слова с корнями ***добр-*** и ***хорош-*** могут выражать и идею философского, по определению А.Д. Шмелева, – "этического" *добра* [Булыгина, Шмелев 1997: 484], причем в подобных случаях они могут даже конкурировать со словами с корнем ***благ-***, являющимися старославянскими заимствованиями. Это их функционирование просматривается достаточно четко. Например, в структуре таких сложных слов, как *добродева* 'непорочная девица', *доброделие* 'добрые и полезные дела, на общую пользу', *доброденствие, доброденство* 'благоденствие, красная жизнь', *доброденствовать* 'благоденствовать', *добродетель* 'доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла; *отвлеч.* добро, доблесть, *противоп.* зло, лихо, худо, порок' [Даль I:444], первый элемент *добро-* выражает идею этичности, нравственности – именно поэтому в определениях их значений элемент *добр-* зачастую просто заменяется элементом *благ-*. Также и толкование слова *добро*, имеющее пометку "в духовном значении", в словаре Даля осуществляется посредством обращения к слову *благо* – 'благо, что честно и полезно, все, что требует от нас долг

---

[10] Сугубо "земное" значение этих слов сохраняется и во встречающихся здесь случаях энантиосемии слова *добрый*, связанных с выражением иронии, – ср. *Для щей люди женятся, а от добрых жен постригаются*, где слово *добрый* имеет "земное" значение 'плохой'.

человека, гражданина семьянина, противоположно *худу* и *злу*' [Даль I: 443]. Сочетание *творить добро* в системе этих представлений понимается как "вообще совершать поступки, рассматриваемые в коллективе как безусловно нравственные и имеющие явную общественную ценность". В сочетании *люди добрые* таким же образом выражается мысль о закрепленном в общественном сознании нравственном начале, которым они руководствуются в своих поступках: *добрые люди* занимают чрезвычайно высокое положение в системе этических ценностей и поэтому упоминаются в одном контексте с Богом – ср.: *Первый поклон Богу, второй хозяину с хозяйкой, третий всем добрым людям*. Именно такое *добро* ожидает последующее воздаяние от Бога, о чем заявляется прямо: *Кто добро творит, тому Бог отплатит*[11]. Не что иное, как нравственное начало, составляющее один из основных принципов человеческого земного бытия, имеется в виду в триаде *Истина, Добро, Красота* [Булыгина, Шмелев 1997: 484]. Философский характер слова *добрый* сохраняется и при встречающихся и в этом случае его энантиосемических употреблениях – ср.: *Не нашли Бог ворога, а д о б р ы е люди сами найдутся*, где слово *добрые* выражает идейную противоположность того, что прямо заявляется, – т.е. людей безнравственных, непорядочных, лживых и т.п.[12].

Такое *добро* уже тяряет свою конкретность, обретая характер общего этического принципа, зеркально симметричного относительно своей противоположности и представляющего собой фундаментальную оценочную оппозицию «хороший – плохой». Оно имеет постоянный характер (вневременно), абсолютно и сущностно-значимо – невозможно быть **немного добрым/хорошим человеком* или **сегодня побыть добрым/хорошим человеком*. Все *хорошие/добрые* люди внутренне одинаковы в своей нравственности: в этом плане невозможно быть "лучше" или "хуже" других – человек либо добр (нравственен), либо не является таковым. Такому *добру* соответствует только общее же *добро* или *зло* – ср.: *за добро платят добром; за добро не жди добра*; оно оценивается только в рамках самих категорий *добра* или *зла* – ср.: *добра худом не мерят* (и соответственно *добро следует мерить добром*); его можно рассмотреть в системе межкатегориальных причинно-следственных отношений – ср.: *никакое худо до добра не доведет; кто за худым пойдет, тот добра не найдет*.

«Практическому» *добру* в русском языковом сознании противостоит "практическое" же, земное *зло*, которое актуализируется в ряде аспектов. Во-первых, оно расценивается как вред, наносимый человеку, некое агрессивное, разрушительное воздействие. Источником подобного зла может оказаться человек или животное, "злой" может представиться стужа или, наоборот, жара, засуха – ср.: *золкая зима* [Даль I: 684], *лютые холода, лють* 'жестокий мороз; блестка, искра инея, летящая по воздуху в солнечный мороз' [Даль II: 285]. "Злым" может видеться воздействие какого-либо вещества – ср.: *злой/лютый табак, хрен, злая горчица* и т.п., в связи с чем и название *лютик* – нескольких видов ядовитых растений (*Aconitum, Monesis grandiflora, Ranunculus, Pyrola, Anemonae ranunculoides, Asarum, Aconitum napellus*). Злыми,

---

[11] Этот пример интересен еще и тем, что в нем русская идея *добра* явно подменяет христианскую старославянскую идею *блага*, что еще раз доказывает их нерелевантность для русского языкового сознания. Как было показано выше, в христианской философии Господь воздает только за б л а г и е поступки, имеющие "небесную" значимость.

[12] Следует обратить внимание на то обстоятельство, что точно такая же энантиосемия наблюдается у слова *благий, благой*. Ее отметил в своем словаре еще В.И. Даль, указавший, что это слово "выражает два противоположные качества: церк., стар., а частью и ныне: добрый, хороший, путный, полезный, добродетельный, доблестный; из просторечия же: благой, злой, сердитый, упрямый, упорный, своенравный, неугомонный, беспокойный, дурной, тяжелый, неудобный" – ср., с одной стороны: *Избери благую часть, иди благим путем правды*, где контекст *правды* обнаруживает положительную семантику слова *благой*, и с другой – *Сталась благая пора, что и зерна хлеба не добудешь*, где также контекст обнаруживает его отрицательную семантику.

разрушительными могут представляться, наконец, эмоциональные переживания – ср.: *Злой тоской удручена, к муравью ползет она.*

Во-вторых, *зло* рассматривается вообще как испорченность, испачканность, непригодность для какого-либо практического применения и – метонимически – как продукт или олицетворение порчи; оно обнаруживает себя также как неприятное впечатление при непосредственном восприятии. Ср.: *гадкий* 'мерзкий, скверный, противный' и 'грязный, измаранный, претительный, возбуждающий тошноту, гадящий' [Даль I: 329], *гадить* 'испражняться (о животных)', *гадиться* 'приходить в негодность, портиться' [Деулинск 1969: 105]; *дурной запах, производить дурное впечатление, дурной товар, дурнина, дурь* 'негодная для корма, сорная трава' [Даль I: 502]; *дрянь* собир. 'сор, мусор, хлам, грязь, нечистота; все никуда не годное, ветхое, плохое, ничего не стоящее' [Даль I: 497], *дрянцо* 'гной' [Деулинск 1969: 154]; *злыдень* 'шатун, тунеядец, никуда на дело не годный' [Даль I: 686]; *мерзкий* 'отвратительный, в высшей степени противный, гадкий, гнусный' [Даль II: 320] < *мерзнуть; пакость* 'скверна, мерзость, гадость' и 'нечистота, погань, кал, дермо' [Даль III: 10][13]; *плохой* противоп. 'хороший, прочный, добротный, надежный' [Даль III: 129]; *плохой запах, производить плохое впечатление, плохой товар (плохой товар и с рук нейдет); скверный – скверна, сквер* 'нечистота, грязь и гниль, тления, мертвечина, извержения, кал' [Даль IV: 194]; *худой* 'изношенный, ветхий, дырявый' – *худая снасть отдохнуть не даст; худая одежда вычинки не стоит* [Даль IV: 568].

В-третьих, *злом* считаются тяготы жизни, нужда, бедность – ср.: *дурно* 'даром, без платы' – *я у него дурно поработал* [Даль I: 502]; *злыдни* 'тяжкое, бедовое время; година бедствий, нужда, крайность, бедность, голод', 'слезы, печаль, горе, беда', 'обида, насилие властей, тягота; нападки, сплетни' – *Деньги идут к богатому, злыдни к убогому* [Даль I: 686]; *злая* 'злая часть, година; зло, лихо, беда, несчастье' [Даль I: 684]; *лихолетье* 'лихая година, бедственная пора, голод, мор и проч.' [Даль II; 257–258]; *лихоман* 'бедовик, горемыка' [Даль II: 258]; *худо* 'зло; отвлеченное понятие зла, вреда, бедствия' – *Нет того хуже, как придет нужа, одна сестра богатая, другая худая* 'бедная', *худак* 'бедняк' [Даль IV: 568].

В-четвертых, *зло* мыслится как болезненность, физическое недомогание – ср.: *дурнота* 'тошнота, круженье головы, рвота' [Даль I: 502]; *дурман* 'головная боль, особенно спохмелья' [Даль I: 502]; *злая корча* – болезнь, вызванная употреблением в пищу хлеба со спорыньей [Даль I: 684]; *мне лихо* 'тошно, дурно, мутит' [Даль II: 257]; *лихорадка; плохой* 'болезненный, хилый, слабый, дряхлый, вялый' [Даль III: 129] – *он был плох; худой* 'кто худ телом, худо(сухо)щавый, поджарый и бледный, хилый, болезненный на вид, опалый' – *больному худо, быть в худых душах* 'при смерти', *худоба́* диал. 'сухотка', 'падучая' [Даль IV: 568].

В-пятых, зло – это утрата рассудка и связанное с ним непонятное, нестандартное или антисоциальное поведение – ср.: *дурак* 'малоумный, безумный, юродивый', 'глупец неразумный' [Даль I: 501], *дурь, дурость* 'глупость, блажь, шаль, бестолковье, бессмысленные, безрассудные слова или поступки' [Даль I: 502]; *дуриха, дурника* 'растение и ягода пьяница, голубика, гонобобель, Vaccinium uliginosum', *дурника* 'белена, блекота, Hyosciamus niger', *дурман* – растение Datura stramonium; *плошь, плошина* 'оплошность, несметливость, нерасторопность, беззаботность, дело на авось' [Даль III: 129].

И в-шестых, зло – это внешняя невидность, некрасивость – ср.: *дурной* 'несклад-

---

[13] И уже на этой основе у слова *пакость* развивается идеологическое, "этическое" значение 'скверность лукавая и злоумышленная; вред злорадный, дьявольский; порча, искаженье' – *Ныне творятся одни пакости, а добра мало; Пакость лжи глубоко проникла быт наш; Всякую пакость к себе примени* [Даль III: 10].

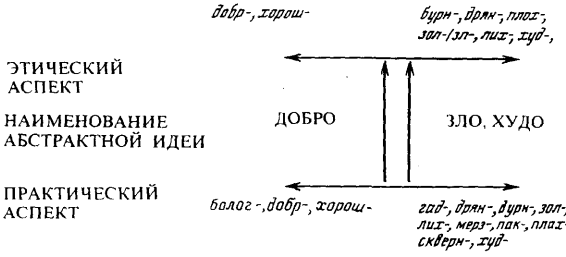

Рис. 2

ный, некрасивый, безобразный' – *он дурен лицом, дурнота* 'безобразие, непригожество, некрасивость' [Даль I: 502], *дурнеть* 'становиться дурным, более о внешности, лице' [Даль I: 503]; *плохой* 'мерзкий, скверный, поганый, отвратительный по виду, качеству', *плохой* противоп. 'казистый, видный' [Даль III: 129]; *худобá* диал. 'калечество, наружное безобразие' [Даль IV: 568].

Подобно тому как слова, обозначающие конкретные проявления "земного", практического *добра*, употребляются также и для выражения идеи добра в ее "этическом" аспекте, слова со значением "земного", "осязаемого" зла могут обретать в русском языковом сознании предельно общую семантику и становиться средством выражения мысли об абстрактном, "этическом" зле. В этом случае они обнаруживают характерную особенность – отнесенность к человеку или его деятельности и выражение оценки, которую эта деятельность получает в обществе. Так, *дрянным (дрянью), злым лихим, плохим, худым* называют как безнравственного человека, не руководствующегося установленными в обществе правилами нравственности, так и его действия, не соответствующие этим стандартам, – ср.: *дурной человек – дурные поступки – дурно вести себя; этот человек дрянь – из него прет всякая дрянь; злодей* 'кто деет, творит зло; ворог или враг, супостат, недруг, предавшийся злу, ожесточенный преступник, закоснелый противник божеских и людских законов' [Даль I: 684] – *злодейство – зло; доброго человека да л и х и е л ю д и в клети поймали – Лихое л и х и м избывается; плохой человек – плохой поступок, худые люди (азъ худый* стар. 'я недостойный') – *худое дело (Торопись на доброе дело, а худое само приспеет)* [Даль IV: 568].

"Этическое" *зло*, так же как и "этическое" *добро*, постоянно, абсолютно и определяет собой саму нравственную суть человека. Нельзя *быть *отчасти дурным* или **некоторое время побыть дурным*, поскольку отдельные или случайно совершаемые дурные поступки человека не определяют собой его истинного нравственного облика. Нельзя в одно и то же время быть *хорошим* и *плохим* нравственно – ср.: *Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет, а что сверх того, то от лукавого* [Мф. 5: 37]. Невозможно также перестать быть *дурным* сразу и вдруг – приобретение положительных нравственных качеств есть длительный и трудный процесс, затрагивающий сущностные основы человеческого "Я". Нет, наконец, и "видов безнравственности": этическое зло существует как таковое, и в этом смысле убийство, прелюбодеяние, кража или ложное свидетельство оказываются одинаково безнравственными, равными по сути проявлениями зла.

Русскому этическому сознанию присуща и абстрактная идея *зла*, в которой видится уже не сторона единого нравственного начала в человеке, противоположная *добру* [Даль I: 683], а мировой принцип или его олицетворение. Именно эту семантику обнаруживает, в частности, слово *зло* – ср.: *Всякое з л о противно божескому порядку,*

Мир во з л е (во лжи) лежит, в связи с чем также *зляна* – 'нечистая сила' [Даль I: 684]. Такова же семантика слова *худо* в выражениях *От добра до х у д а один шаток, Добро х у д о переможет, Много х у д а на свете, а нет хуже худого разума* – 'зло, отвлеченное понятие зла, вреда, бедствия [Даль IV: 568]. При этом и оно употребляется как имя олицетворенного зла: *худой* сиб. 'злой дух, черт, сатана, дьявол' – *худой его соблазнил* [Даль IV: 568], а абстрактное *худо* мыслится как сфера его компетенции – ср.: *Сатана худом ворочает* [Даль IV: 568].

В целом этическая сфера в русском языковом сознании представлена схематически на рис. 2.

4. Заключение

Рассмотренный таким путем культурологический и языковой материал позволяет сделать несколько выводов, касающихся способа репрезентации этического сознания человека на глубинных уровнях этого сознания, а также содержательной специфики "наполняющих" его концептов, их системной организации и особенностей означивания в конкретном языке. Кроме того, мы можем оценить перспективность осуществленного в работе когнитивно-языкового подхода к данной проблеме.

1. В конкретном языке распределение связанных с этическими представлениями слов на функциональные классы имеет закономерный характер и подчиняется глубинной когнитивной схеме, которая также обнаруживает себя в глубинном (бессознательном) выделении носителями данного языка в континууме мироздания основных его структурных составляющих. Таким образом, эта схема актуализируется в трех планах – языковом, онтологическом и оценочном.

Как таковая она принадлежит сознанию, являет собой чистый план содержания, что, с одной стороны, дает основание говорить о ее и к о н и ч н о с т и, а с другой – позволяет воспроизводить ее в виде графа, на котором показываются и компоненты этой схемы, и отношения между ними.

Конструкция такого графа может считаться условным воспроизведением иконической модели этического сознания на ее глубинном уровне.

2. Этическая сфера как таковая есть у н и в е р с а л и я ч е л о в е ч е с к о г о с о з н а н и я – не случайно прежде всего с этической и истинностной сферами связывалось представление о наличии у человека *души*. Основу и предпосылку формирования этической сферы и этического сознания человека составляет первичная оценочная функция человеческой психики, осуществляемая в рамках предельно глубинной и "изначальной" (архетипической) категориальной оппозиции "добро – зло". Сама же эта функция, как представляется, связана с общими особенностями строения центральной нервной системы человека – делением головного мозга на два функционально различающихся полушария. Таким образом, у н и в е р с а л ь н ы й х а р а к т е р и м е е т н е т о л ь к о с а м а э т и ч е с к а я с ф е р а, н о и е е с т р у к т у р а, включающая в себя на базисном уровне концептуальную пару "добро – зло".

3. Этические представления тесно связаны в сознании человека с культурными представлениями о мироустройстве. Структура этической сферы более поверхностных уровней сознания, где осуществляется оценка аспектов и сторон окружающего мира, прямо повторяет его строение, как он видится носителям данной культуры. При этом базисная оппозиция "добро – зло" сохраняет свою актуальность, выделяя в каждой структурной части мироздания две соответствующие ценностные составляющие. И если на самом первом, базисном уровне этическая сфера имеет в своей двухчастности у н и в е р с а л ь н ы й характер, то на следующем уровне первичной "привязки" к действительности она обнаруживает свою относительность, а ее иконическая структура может рассматриваться как основа для возможной т и п о л о г и з а ц и и. В этом плане старославянское этическое сознание оказывается отличным от русского.

4. Функциональная закрепленность слов за структурными составляющими этической сферы в старославянском и в русском языках также оказывается разной. Есть

основания говорить о бо́льшей "терминологичности" соответствующей лексики в старославянском языке по сравнению с языком русским. Как кажется, именно это обстоятельство было подмечено находящимися под влиянием православной (т.е. старославянской) учености древнерусскими книжниками, которые заявляли, что церковнославянский язык является "святым" и "спасительным", выражающим Божью правду [Успенский 1994: 50].

5. Метод подобного анализа лексических подсистем (лексико-семантических групп, тематических групп, словообразовательно-этимологических гнезд и т.д.) конкретного языка оказывается весьма интересным и продуктивным постольку, поскольку он может оказаться единственным средством реконструкции особых, иконических структур сознания носителей данного языка, которые остаются недоступными при иных подходах. И собственно культурологическое рассмотрение имеющегося материала обеспечивает здесь лишь предварительные данные.

Особо ценным этот метод будет при исследовании структуры человеческого самосознания на основе данных языка и выявлении семантики отдельных его структурных составляющих. Сведения культурологического характера в этом случае уступят место сведениям иного рода – философским, психологическим, психиатрическим и т.д. Однако сам принцип соотнесения данных различных научных дисциплин и анализа иконически представляющихся структур сознания в этом случае останется неизменным. Получение же реальных наработок в этой области, – как кажется, дело недалекого будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н.Д. 1995 – Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Басилов В.Н. 1984 – Избранники духов. М., 1984.

Бидерманн Г. 1996 – Энциклопедия символов. М., 1996.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997 – Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Даль В.И. 1882 – Толковый словарь живого великорусского языка. 1–4. М., СПб., 1882.

Деулинск. 1969 – Словарь современного русского народного говора. М., 1969.

Дионисий Ареопагит 1995 – О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1995.

Иванов Вяч.Вс. 1978 – Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.

Иванов Вяч.Вс. 1991 – Добро и зло // Мифы народов мира. М., 1991.

Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. 1965 – Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

Левонтина И.Б. 1995а – Добро 1. благо 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект / Авт. Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1995.

Левонтина И.Б. 1995б – Звездное небо над головой // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Лосский В. 1991 – Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991.

Миндель Н. 1990 – Философия хабада. Вильнюс, 1990.

Мстисл. 1983 – Апракос Мстислава Великого. М., 1983.

Плотин 1994 – Избранные трактаты. В 2-х томах. Т. 1. 1994.

Успенский Б.А. 1994 – Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

Цивьян Т.В. 1990 – Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Юнг К.Г. 1995 – Добро и зло в аналитической психологии // Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М., 1995.

Osgood Ch.E. 1963 – Language Universals and Psycholinguistics / Universals of language / Ed. by J.H. Greenberg. Cambridge (Mass.), 1963.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1999

© 1999 г. Г.М. ЗЕЛЬДОВИЧ

НАРЕЧИЯ *ЕДВА* И *ЕЛЕ*: ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ

В чрезвычайно интересной и богатой материалом статье В.Ю. Апресян [Апресян 1997] анализируются, среди прочих, наречия *ЕДВА* и *ЕЛЕ*. При всех достоинствах, предложенная автором интерпретация нам кажется не до конца удовлетворительной, и возможен, по-видимому, несколько иной подход, в какой-то мере соединяющий свойственную толкованиям В.Ю. Апресян высокую объяснительную силу и присущую дефинициям А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987] простоту. Чтобы достичь простоты, нужно стремиться к предельно скупому метаязыку, содержащему понятия либо примитивные, либо близкие к этому, либо – если такое условие не соблюдено – имеющие широкое постороннее обоснование. Одно используемое нами достаточно нетрадиционное понятие представляет, по нашему мнению, немалый теоретический интерес.

В.Ю. Апресян выделяет у *ЕДВА* и *ЕЛЕ* по два значения[1]. Приведем ее толкования $ЕДВА_1$ и $ЕЛЕ_1$ [Апресян 1997: 17–18]:

Едва P (*Хлеба едва хватило на всех; Был час пик, и машины едва двигались*) =
'1' 'а. существует ситуация P;
б. P существует, несмотря на неблагоприятные для P обстоятельства;
в. P существует, потому что имеются благоприятные для P обстоятельства или потому, что кто-то прилагает к этому усилия;
г. из-за наличия неблагоприятных для P обстоятельств прилагаются все возможные усилия;
д. если бы неблагоприятных для P обстоятельств было немного больше или усилий прилагалось немного меньше, P не существовало бы;
е. P существует на нижнем пределе нормы;
ж. то, что P существует на нижнем пределе нормы, заметно наблюдателю'.

Еле P (*Мы еле достали билеты на самолет*; *Его принесли еле живого*) =
'2' 'а. существует ситуация P;
б. P существует, несмотря на неблагоприятные для P обстоятельства;
в. P существует, потому что тот, кто хочет P, прилагает к этому усилия или потому, что имеются благоприятные для P обстоятельства;
г. из-за наличия неблагоприятных для P обстоятельств прилагаются все возможные усилия;
д. если бы прилагаемых усилий или благоприятных для P обстоятельств было немного меньше, P не существовало бы;
е. P существует на нижнем пределе нормы;
ж. прилагаемые для существования P усилия заметны наблюдателю'.

В этих дефинициях многое смущает.

Они громоздки и неудобопонимаемы, между тем как с интуитивной точки зрения наречия *ЕДВА* и *ЕЛЕ* кажутся вполне прозрачными. Разумеется, мы сплошь и рядом вынуждены мириться с весьма пространными экспликациями, однако в образцовых случаях они четко структурированы, а потому могут быть огрублены, свернуты – и при этом "основная идея" толкуемой единицы практически не искажается. Так, на-

[1] Временное (союзное) значение *ЕДВА* остается в стороне. Мы о нем еще скажем.

пример, более чем полустраничное определение слова *ХОРОШО* в [Boguslawski 1998, manuscript] можно резюмировать приблизительно следующим образом: Р *ХОРОШО* = 'Р имеет следствия, которые отвечают чьим-то желаниям'. Допускают ли подобную процедуру толкования '1' и '2', кажется сомнительным.

Далее, в роли метаязыковых используются такие понятия ('благоприятный', 'неблагоприятный' и 'обстоятельства'), которые сами нуждаются в прояснении и появление которых нелегко оправдать даже их широкой употребительностью.

Помимо этих возражений общего и, конечно же, не решающего характера, можно привести и более предметные.

1. Согласно '1а' и '2а', слова *ЕДВА* и *ЕЛЕ* сами по себе говорят, – а точнее, предполагают [Апресян 1997 : 18], что 'существует ситуация Р'. Получается, что о наличии Р сообщается дважды: и наречием *ЕДВА/ЕЛЕ*, и самим по себе Р (*остальной частью предложения*). Не вполне понятно, ради чего допускается такая избыточность. Действительно, фразы вида *ЕДВА Р* и *ЕЛЕ Р* предполагают, что Р, – но не в силу индивидуальной семантики *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, а потому, что эти слова принципиально рематичны. Причина их рематичности станет ясна ниже, здесь же только заметим, что *ЕДВА* и *ЕЛЕ* свободно присоединяются к такому Р, которое само по себе совершенно тривиально и сообщение о нем без этих слов либо звучит очень странно, либо требует специфического, создающего неординарные ожидания контекста; ср.: ? *Штаны на нем держатся. Штаны на нем едва (еле) держатся*; ?? *Он существует. Он еле существует* (т.е. плохо себя чувствует). Еще важнее, что именно *ЕДВА* и *ЕЛЕ* попадают в фокус включающих предикатов; ср.: *Хорошо, что машины едва (еле) движутся: легче будет перейти улицу* – где положительно оценивается малость скорости, а не что-либо иное.

Раз *ЕДВА* и *ЕЛЕ* рематичны, то Р закономерно отодвигается в тему, т.е. в "оказициональную пресуппозицию"[2].

2. Пункт 'б' в обоих толкованиях гласит, что 'Р существует, несмотря на неблагоприятные для Р обстоятельства'. Так ли это?

Можно сказать:

(1) *Ему созданы идеальные условия, а он все равно едва (еле) управляется с работой.*

Но идеальные условия несовместимы с наличием неблагоприятных обстоятельств. Это видно хотя бы из аномального примера:

(2) * *Ему созданы идеальные условия, но есть и неблагоприятные для работы обстоятельства.*

3. Обратимся к пунктам '1в' и '2в':

'1в' Р существует, потому что имеются благоприятные для Р обстоятельства или потому, что кто-то прилагает к этому усилия.

'2в' Р существует, потому что тот, кто хочет Р, прилагает к этому усилия или потому, что имеются благоприятные для Р обстоятельства.

Дизъюнктивный характер формулировок предопределяет, что лексемы $ЕДВА_1$ и $ЕЛЕ_1$ существуют каждая в двух вариантах: первый связан с благоприятными обстоятельствами, второй – с приложением усилий[3].

Обратимся к приведенному В.Ю. Апресян примеру:

(3) *Хлеба едва (еле) хватило на всех.*

---

[2] Аналогичная ситуация складывается, между прочим, в предложениях с *ПЛОХО*, *МАЛО*, *РЕДКО* и др. Согласно [Булыгина, Шмелев 1988], такие наречия предполагают истинность подчиненной пропозиции. Однако как быть с сочетаниями *НЕПЛОХО*, *НЕМАЛО* и *НЕРЕДКО*, которые бывают частью широкой ремы и, таким образом, подобной презумпции лишены? Допустимо ли счесть, что пресуппозиция при отрицании исчезла?

[3] Порядок дизъюнктов отражает, по замыслу В.Ю. Апресян, сравнительную частотность двух интерпретаций.

Если отбросить малоестественные интерпретации наподобие той, будто кто-то подвозил хлеб или иным способом пополнял его запасы, то предложение (3) ни о чьих усилиях не сообщает; отсюда должно следовать, что речь идет о наличии благоприятных обстоятельств. Однако в чем они могут состоять? Очевидно, только в том, что имеется то или иное заранее определенное количество хлеба[4]. В итоге понятие благоприятных обстоятельств расширяется до полной безынформативности: если имеет место какая-то ситуация, то необходимым образом имеют место и благоприятные обстоятельства, в частном случае – то обстоятельство, что кто-то прилагает усилия. Сообщать подобные сведения в толковании незачем, и от пунктов 'в' в их приведенной формулировке тоже приходится отказаться. (Об идее усилий, точнее – ресурсов, применительно к наречию *ЕЛЕ* мы еще скажем в конце работы.)

4. О сомнительности пункта 'г' ('из-за наличия неблагоприятных для Р обстоятельств прилагаются все возможные усилия') свидетельствует пример:

(4) *Этот здоровенный детина едва (еле) ноги переставляет: да он же над нами просто издевается.*

5. Пункты '1д' и '2д' опираются на предыдущие – отвергнутые нами – фрагменты толкований и потому тоже должны быть отвергнуты.

6. Итак, от толкований '1' и '2' остались по два пункта – 'е' и 'ж'. С пунктом 'ж', сообщающим о наблюдаемости, скорее всего следует согласиться[5], а пункт 'е' требует особого обсуждения, которым мы и займемся.

Здесь необходимо сделать одно замечание. Уже упоминалось, что В.Ю. Апресян, помимо *ЕДВА*$_1$ и *ЕЛЕ*$_1$, постулирует еще и второе значение *ЕДВА*$_2$ и *ЕЛЕ*$_2$. "Во втором своем значении *еле* и *едва* тоже предполагают существование ситуации на пределе нормы, но не как следствие ограниченности ресурсов или неблагоприятных обстоятельств. Ср.: ⟨...⟩ *Ветер едва (еле) шевелил листву*" [Апресян 1997 : 30]. Иными словами, *ЕДВА*$_2$ – это *ЕДВА*$_1$ без сем '1б' и '1д', а *ЕЛЕ*$_2$ – это *ЕЛЕ*$_1$ без сем '2б' и '2д'; но и для первого значения наших слов мы эти семы отвергли. Таким образом, два значения оказываются неразличимы. С нашей точки зрения, это благоприятный результат, поскольку интуитивно они едины: не хотелось бы во фразах *Иван едва (еле) шевелится* и *Листва едва (еле) шевелится* усматривать разные значения рассматриваемых наречий. Ниже мы принимаем, что *ЕДВА* и *ЕЛЕ* однозначны (временное значение *ЕДВА* мы условились не учитывать).

7. Пункт 'е' ('Р существует на нижнем пределе нормы') представляется наиболее важным, отражающим самую суть *ЕДВА* и *ЕЛЕ*.

В.Ю. Апресян пишет: "Некоторые ситуации имеют целый спектр возможных реализаций, помимо канонической, – как на нижнем пределе нормы, так и на верхнем. Например, для ситуации *идти* верхним пределом нормы будет *идти очень быстро, почти бежать*; если выйти за этот предел, она перейдет в ситуацию *бежать*. Нижним пределом нормы для ситуации *идти* будет реализация *идти очень медленно, еле идти, едва идти*. Если спуститься чуть ниже, то ситуация *идти* перестанет иметь место и перейдет в ситуацию *плестись, тащиться*" [Апресян 1997: 20].

Однако действительно ли здесь "некуда опускаться ниже"? Если *Ива и Петр оба едва (еле) идут*, значит ли это, что они идут с одинаковой скоростью? Если *Был час пик, и машины едва (еле) двигались*, то следует ли отсюда, что все двигались одинаково: ни одна не обогнала другую и даже не сократила и не увеличила дистанцию?

Кроме того, понятие 'нижний предел нормы' крайне туманно: в конце концов *плестись* и *тащиться* – это тоже *идти*. Возможность сколько-нибудь прояснить это понятие представляет, на первый взгляд, формулировка А. Вежбицкой (речь идет о польском *LEDWIEĘ*, которое весьма точно соответствует русскому *ЕДВА*): 'если бы

---

[4] Прими мы отвергнутую выше сему '1б', получилось бы, что благоприятные и неблагоприятные обстоятельства здесь одни и те же, – ибо речь может идти только о количестве хлеба.

[5] *Ниже вопрос о наблюдаемости не* рассматривается, и соответствующую запись в толкования мы не вносим.

было лишь немного меньше, то X не произошел бы' [Wierzbicka 1987 : 182]. Говоря иначе, если чего-то было бы меньше, то ситуации не было бы вообще. Однако с этим ни в коем случае нельзя согласиться, ибо здесь привлекается понятие "нуля" ('если было бы меньше, был бы нуль'), а оно принадлежит математическому, но отнюдь не наивному сознанию – что противоречит общепринятым ныне лингвистическим установкам (в том числе, и даже в первую очередь, – персональным установкам А. Вежбицкой).

Наконец, формулировка 'Р существует на нижнем пределе нормы' и в своем первоначальном виде, и будучи переинтерпретирована в духе А. Вежбицкой, плоха потому, что не объясняет важнейшую особенность *ЕДВА* и *ЕЛЕ*.

Посмотрим, как нельзя и как можно продолжить фразы *ЕДВА* Р и *ЕЛЕ* Р:

(5) а. * *Хлеба едва (еле) хватило на всех, так что все поели;*
б. *Хлеба едва (еле) хватило на всех, так что многие остались голодными;*
в. *Хлеба не хватило на всех, так что многие остались голодными.*

(6) а. * *Был час пик, и машины едва (еле) двигались; поэтому я успел на совещание;*
б. *Был час пик, и машины едва (еле) двигались; поэтому я опоздал;*
в. *Машины не двигались; поэтому я опоздал.*

(7) а. * *Мы едва (еле) достали билеты на самолет и (потому) прилетели вовремя;*
б. *Мы едва (еле) достали билеты на самолет и (потому) прилетели на день позже;*
в. *Мы не достали билеты на самолет и (потому) прибыли на день позже.*

(8) а. * *Его принесли едва (еле) живого: медики быстро поставили его на ноги;*
б. *Его принесли едва (еле) живого: медики ничего сделать не смогли;*
в. *Его принесли неживого: медики ничего сделать не могли.*

Примеры показывают, что продолжить высказывание *ЕДВА* Р, *ЕЛЕ* Р можно только так, будто Р не имеет места: ср. аномальность предложений (а) и близкое сходство между (б) и (в).

Из формулировки 'Р существует на нижнем пределе нормы' такая "какбьютрицательность" *ЕДВА* и *ЕЛЕ* не вытекает[6]. Например, можно сказать:

(9) а. *Наша волейбольная команда с минимальным перевесом победила гостей и (потому) вышла в финал;*
б. *В Фермопильском ущелье спартанцы и феспийцы ничтожными силами остановили персов и тем спасли войско своих союзников.*

Следствие в обеих фразах выводится не из 'малости', а из 'победила' и 'остановили': тем самым предложения (9а–б) уподобляются примерам (5а–8а), только последние аномальны, а первые даже не шероховаты.

Кроме того, компонент 'Р существует на нижнем пределе нормы' входит, согласно В.Ю. Апресян, и в семантику слова *ЧУТЬ*, а оно способно иметь как "негативное", так и "позитивное" значение. Ср.:

(10) а. *Кофе чуть (≈ едва, еле) подогрет: пить его нельзя* (на *подогрет* желательно ударение);
б. *Кофе уже чуть подогрет: можно пить.*

Поэтому обсуждаемую формулировку необходимо по крайней мере уточнить.

ЕДВА Р и *ЕЛЕ* Р несут, в грубом приближении, смысл 'как бы не Р'. Он, разумеется, не имеет права войти в строгий метаязык и подлежит дальнейшей расшифровке.

Во-первых, 'как бы не Р' значит, что 'чего-то мало'. Например, в (5б) мало хлеба, в (6б) мала скорость машин, в (7б) малы какие-то ресурсы, необходимые, чтобы достать билет; в (8б) – мало признаков жизни или опять-таки необходимых для ее поддержания ресурсов.

---

[6] Разумеется, не вытекает она и из касающихся наблюдаемости пунктов '1ж' и '2ж'.

Но этого, как видно из (9) и (10б), еще недостаточно. Надо задать ту меру 'малости', которая определяет свойственные *ЕДВА* и *ЕЛЕ* специфические "идиосинкразии". Здесь уместно ввести понятие 'общая оценка ситуации'.

Вполне правдоподобно считать, что индикативное высказывание, – во всяком случае, высказывание с оценочным элементом (который у *ЕДВА* и *ЕЛЕ* налицо) – ведет или не ведет к определенным следствиям[7]. Ср.:

(11) а. *Иван плохо починил радиоприемник (поэтому нельзя послушать новости; поэтому его придется нести в мастерскую; поэтому Иван не сдал экзамен в радиотехникуме* и т.д.);

б. *Иван мало работает (поэтому ничего не успевает, на плохом счету у начальства, мало зарабатывает* и т.д.).

Разумеется, при появлении отрицания картина переворачивается:

(12) а. *Иван неплохо починил приемник (поэтому можно слушать новости; поэтому его не надо нести в мастерскую; поэтому Иван успешно сдал экзамен* и т.д.);

б. *Иван немало работает (поэтому все успевает, на хорошем счету, неплохо зарабатывает* и т.д.).

Истинность/ложность возможных следствий мы и называем общей оценкой ситуации. Объяснительный потенциал этого понятия отчасти раскрыт в [Зельдович 1998а; 1998б], здесь же попробуем именно с точки зрения следствий посмотреть на семантику *ЕДВА* и *ЕЛЕ*.

Во-вторых, чтобы задать ту меру 'малости', которая адекватна идее 'как бы не Р', достаточно, не ища окольных путей, принять, что *ЕДВА* Р и *ЕЛЕ* Р значат:

'З' 'чего-то так мало, что имеют место такие следствия, какие имели бы место, если было бы не Р'.

Уточненная формулировка позволяет полностью объяснить поведение наших слов в (5–8): и то, почему неприемлемы предложения (5а–8а), и то, почему хорошие конструкции (5б–8б) предельно близки к предложениям (5в–8в), в которых содержится отрицание.

Объясняются и другие факты.

I. Как известно, конструкции с *ЕДВА* и *ЕЛЕ* можно подвергнуть негации только ценой ощутимой неловкости, причем отрицание синтаксическое (с помощью частицы *не*) исключается безоговорочно. Ср.:

(13) а. ? *Неправда, что хлеба едва (еле) хватило;*

б. * *Хлеба не едва (еле) хватило.*

Ситуация очень походит на ту, что складывается, например, в некоторых фразах с наречиями *МНОГО, ЧАСТО* и др. Последние способны быть и самостоятельной главной ремой, и входить в широкую главную рему н а р я д у с каким-то другим элементом (или элементами); ср. ниже соответственно примеры (а) и (б) (здесь и далее главная рема выделена полужирным курсивом):

(14) а. *Иван приходит* ***часто***;

б. *Иван* ***часто приходит*** (предполагается, что *часто* не несет здесь акцента).

(15) а. *Иван работает* ***много***;

б. *Иван* ***много работает*** (акцента на *много* нет).

Там, где рема широкая, синтаксическое отрицание исключено, а несинтаксическое –

---

[7] Следствия мы понимаем узко: это не вся информация, какую можно извлечь из высказывания, а только то, что естественный язык позволяет присоединить к исходному сообщению посредством слов *ПОЭТОМУ, ТАК ЧТО, И (ПОТОМУ)* и т.д.: ср. примеры (5б–8б); в последнем на причинность указывает только двоеточие, но мог бы – и союз. Таким образом, в понятие 'следствие' не включаются аналитически выводимые истины. Ср.: * *Иван ударил Петра, так что Иван и Петр существуют*; * *Иван ударил Петра, поэтому Иван двигался.*

посредством слов типа *неправда, сомневаюсь, вряд ли* и т.п. – допустимо, но не слишком удачно. Ср.: ? *Неправда, что Иван* ***часто приходит****: он не приходит вообще;* ? *Вряд ли Иван* ***много работает:*** *скорее не работает вовсе.*

Учтя эту аналогию, надо думать, что в предложениях типа *Хлеба едва (еле) хватило* рема широкая: *едва (еле) хватило*. Это на первый взгляд противоречит той абсолютной рематичности *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, о которой говорилось в начале работы, и полностью согласуется с мыслью В.Ю. Апресян, что рассматриваемые слова, как правило, составляют ч а с т ь широкой ремы [Апресян 1997: 29]. На самом деле противоречия тут нет совсем, а согласование – только частичное, ибо коммуникативное устройство *ЕДВА* и *ЕЛЕ* сложнее, чем кажется: предложения с этими наречиями имеют д в о й с т в е н н у ю коммуникативную структуру.

Двойственные коммуникативные структуры – явление не очень частое, но безусловно существующее. Возникать они могут – подобно двойственному денотативному статусу [Падучева 1985: 100] – там, где один и тот же смысловой элемент входит в семантическую структуру как минимум дважды. Ср.:

(16) *Это сказал Петров, которому только и можно верить.*

Будучи союзным словом, элемент *которому* тематичен, а попадая в сферу действия *только*, оказывается вдобавок и рематичным. Не двойственная, а уже тройственная коммуникативная структура представлена, по всей видимости, во фразе

(17) *Иван редко ездит именно в Киев* (а чаще – в его окрестности).

Учтем теперь следующие обстоятельства.

Влиять на общую оценку способны только рематические, ассертивные смыслы.

Например, если

(18) *Джон перестал бить жену, и (поэтому) все обрадовались*, – то причина радости в том, что 'сейчас Джон не бьет жену' (ассерция), а не в том, что 'раньше бил' (пресуппозиция).

Если

(19) *Ивану кажется, что он* ***болен*** (интонация нейтральная), – то следует обратиться к врачу; если же

(20) *Ивану* ***кажется****, что он болен* (акцент на *кажется*), – то следует скорее не обращаться к врачу, а изживать свою мнительность.

С этой точки зрения легко мотивировать почти синонимичность как будто противоположных сообщений (21а) и (21б):

(21) а. *Белье высыхало* ***долго;***

б. *Белье* ***долго не высыхало****.*

С описанным принципом иногда играют поэты; ср.:

(22) *Мы пьем в любви отраву* ***сладкую****;*

Но все ***отраву*** *пьем мы в ней...* (Е.А. Баратынский).

Далее, вполне очевидно, что именно ради общей оценки то или иное слово выдвигается в рему и что рема не может сразу и имплицировать, и отрицать то или иное следствие. Поэтому, если в широкую рему войдут элементы, влияние которых на общую оценку противонаправленно, то неизбежна грубейшая аномалия. По этой причине наречия *МАЛО*, *РЕДКО* и *ПЛОХО*, которые "как бы отменяют" сообщенное остальной частью предложения, в широкую рему не входят и главную рему составляют сами по себе[8]. Отсюда та иллюзия пресуппозитивности Р, какая возникает в конструкциях *МАЛО* Р, *РЕДКО* Р, *ПЛОХО* Р.

---

[8] Исключение из этого правила – сочетание *РЕДКО* с некоторыми мультипликативами. Но здесь *РЕДКО* не "отменяет" действия и, таким образом, не влияет на общую оценку. См. подробнее [Зельдович 1998а]. Что касается экзотического примера: *В Касбиме очень старый парикмахер очень плохо меня побрил...* (В. Набоков), то здесь рема, судя по контексту, широкая (*очень плохо побрил*), но это авторский прием, который, эксплуатируя презумпцию осмысленности, порождает идею 'хорошее или плохое качество бритья не имеет никакого значения (никаких следствий)'.

Вернемся к *ЕДВА* и *ЕЛЕ*. Разумеется, в силу толкования '3', их влияние на общую оценку противоположно влиянию производящей пропозиции Р. Ср.: *Хлеба хватило (Р), поэтому все сыты; Хлеба едва (еле) хватило, поэтому есть голодные*. И точно так же, как *МАЛО*, *РЕДКО* и *ПЛОХО*, наречия *ЕДВА* и *ЕЛЕ* могут быть только главной ремой, а пропозиция Р отодвигается в тему.

Таким образом, рема в соответствующих предложениях узкая. И в то же время она широкая, поскольку пропозиция Р представлена не только сама по себе как тема, но еще и отображается в семантике *ЕДВА* и *ЕЛЕ* (вспомним '3' : 'чего-то так мало, что имеют место такие следствия, какие имели бы место, если было бы не Р'), причем оказывается под отрицанием, которое один компонент Р обязательно рематизирует[9]: отсюда и невозможность синтаксического отрицания, которое при широкой реме всегда запретно, ср. (13б), и неловкость отрицания с помощью *неправда, что* в (13а).

II. В.Ю. Апресян [Апресян 1997: 29] отмечает странность предложения

(23) ? *Едва (еле) повернув ручку, он открыл тяжелую дверь*

и объясняет ее тем, что *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, против своего обычая, находятся в теме. Однако, как видно из сказанного раньше, такого не может быть – иначе фраза (23) не странная, а просто неприемлемая. Кроме того, совершенно аналогичным будет поведение *ЕДВА* и *ЕЛЕ* во фразах типа

(24) ? *Когда он едва (еле) повернул ручку, дверь сама отворилась.*

Здесь уже вполне очевидно, что наши слова не тематичны. Примеры (23) и (24) легко объяснить, как раз считая *ЕДВА* и *ЕЛЕ* главной ремой. И (23), и (24) несут смысл, который можно грубо представить как

'4' 'в то время, когда P_1, имеет место P_2'.

По каким-то причинам (в данном случае, посторонним для нас) оценочное слово главной ремой P_1 быть не должно; гораздо лучше, если оно является частью главной ремы. Так, хотя обе позиции теоретически допустимы для близкого к *ЕЛЕ* и *ЕДВА* наречия *С ТРУДОМ*, оно, будучи в примерах типа (23) и (24) главной ремой, создает неловкость, зато как часть ремы – совершенно безукоризненно:

(25) а. ? *Повернув ручку* ***с трудом****, он открыл тяжелую дверь*;
б. ***С трудом повернув ручку****, он открыл тяжелую дверь.*

(26) а. ? *Когда он повернул ручку* ***с трудом,*** *дверь сама отворилась*;
б. *Когда он* ***с трудом повернул ручку****, дверь сама отворилась.*

Вот другие подобные примеры с оценочным словом *ПЛОХО* (оно абсолютно романтично) и с похожим по семантике выражением *С ГРЕХОМ ПОПОЛАМ* (которое обычно составляет часть ремы):

(27) а. ? ***Плохо*** *сделав работу, он отправился в кино;*
б. ***С грехом пополам сделав работу****, он отправился в кино.*

(28) а. ? *Когда работа была* ***плохо*** *сделана, он пошел в кино;*
б. *Когда работа* ***была с грехом пополам сделана****, он пошел в кино.*

Заметим также, что деепричастный оборот может вступать с главной пропозицией не только в темпоральные, но и в логические (причинные и противительные) отношения. В таком случае семантической структуры '4' нет, и рассмотренное ограничение не действует. Ср.:

(29) а. ! *Едва (еле) повернув ручку, он не смог открыть дверь*;
б. ! *Едва (еле) повернув ручку, он все-таки открыл дверь.*

---

[9] Именно поэтому, кстати, когда на главный элемент Р падает сильное ударение, то подчеркивается не наличие Р, а его слабость и близость к не-Р. Ср.: *Штаны на нем едва дéржатся; Хлеба еле хватíло; Машины еле двúгались.* Вероятно, по той же причине исключается и постпозиция *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, ср.: * *Машины двигались едва (еле).*

III. Аналогичного подхода требуют и приведенные в [Апресян 1997: 27] примеры:

(30) а. ? *Он приезжает в незнакомый город, едва (еле) находит место в гостинице...*;

б. ? *Тяжелоатлет выходит на помост, раскланивается, едва (еле) поднимает гирю и роняет ее*;

в. ? *Он едва (еле) повернул голову и улыбнулся.*

В.Ю. Апресян связывает неловкость с какими-то идиосинкразиями *ЕДВА* и *ЕЛЕ* относительно видо-временной семантики глагола. Однако и тут поведение наших слов не уникально, а вытекает просто из их полной рематичности (вкупе с оценочным характером): если один компонент сочинительного ряда[10] имеет главной ремой глагол или глагольную группу (глагол с зависимыми), то другой компонент не должен выдвигать на первый план оценку. Ср. похожие примеры, где фигурируют *С ТРУДОМ*, а также абсолютно рематичное *МАЛО* и его обычно бывающий частью ремы квазисиноним *НЕМНОГО*:

(31) а. ? *Он приезжает в незнакомый город, находит место в гостинице* ***с трудом*** (! *...* ***с трудом находит место в гостинице***);

б. ? *Тяжелоатлет выходит на помост, поднимает гирю* ***с трудом*** *и роняет ее* (! *...****с трудом поднимает гирю***);

в. ? *Он* ***мало*** *повернул голову и улыбнулся* (! *Он* ***немного повернул голову*** *и улыбнулся*).

IV. Хорошо объяснима с точки зрения нашей дефиниции также симметрия между словами *ЕДВА* и *ЕЛЕ*, с одной стороны и словом *ПОЧТИ* – с другой: как известно, первые очень часто можно заменить на *ПОЧТИ НЕ*.

В работе [Sadock 1981] убедительно показано, что конструкция *ПОЧТИ* Р смысл 'Р не имеет места' выражает не семантически, а прагматически. Беда, однако, в том, что не только чужие толкования *ПОЧТИ*, – например, толкование А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987], – но и предложенная самим Дж. Сэдоком экспликация все равно содержат – в качестве пресуппозиции – этот нежелательный компонент. По Сэдоку, *ПОЧТИ* Р значит, что Р имеет место в возможном мире, который не очень отличается от реального. Однако раз отличается, то, следовательно, в реальном мире 'Р не имеет места'.

Выход из затруднения мы видим в том, чтобы сориентировать толкование *ПОЧТИ* на общую оценку – так же, как сделали это с *ЕДВА* и *ЕЛЕ*. Тогда *ПОЧТИ* Р значит:

'5' 'имеют место такие же следствия, к каким должно вести Р'.

Предвидя возможные возражения, заметим, что ни предикат *должен*, ни даже допустимый в нашей декомпозиции контрфактический кондиционал (ср. вариант толкования: 'имеют место такие следствия, какие имели бы место, если было бы Р') с е м а н т и ч е с к и не предопределяют ложность Р. Ср.: *Иван должен работать, и он работает. Если бы Иван работал, то у него горел бы свет; однако так и есть: Иван работает, и свет горит* (на примеры последнего типа обратил наше внимание А. Богуславский).

Из толкования '5' уже прагматически (на чем правомерно настаивает Дж. Сэдок) выводится смысл 'Р не имеет места'. В итоге вся аргументация указанной работы сохраняет свою силу, а мы, сопоставляя '5' и '4', наглядно видим источники квазиантонимии между *ПОЧТИ* и *ЕДВА/ЕЛЕ*.

V. Оказывается, что временное, союзное значение *ЕДВА* (у *ЕЛЕ* его нет, так как это слово несет идею о затрате ресурсов; см. ниже) – всего лишь особая реализация

---

[10] Подразумевается собственно сочинительный ряд. Для *квази*сочинительного (т.е. осложненного причинными, противительными или темпорально-инклюзивными отношениями; ср. соответственно: *Он промахнулся и досадует*; *Он промахнулся – и ликует*; *С двух до трех он сидел у окна и грустил* ⇒ 'пока сидел, грустил', а не 'с двух до трех грустил') закономерности иные, более гибкие.

'4': в сферу действия *ЕДВА* попадает понятие о разделяющем два события времени; ср.: *Едва я вошел, как дверь за мной с треском захлопнулась* = 'время, разделяющее события "я вошел" и "дверь с треском захлопнулась", так мало́, что дальнейшие следствия таковы, как если бы эти события временем не разделялись'.

В пользу смысловой тождественности временного и невременного *ЕДВА* говорит, между прочим, точно такая же (кажущаяся) двузначность соответствующих слов в некоторых других языках: не только в близком к русскому польском (*LEDWIE*; см. [Wierzbicka 1987]), но, например, и в английском (*SCARCELY*) или в испанском (*APENAS*). Ср. также английский оборот (*NO SOONER* P_1, *THAN* P_2, букв. 'не скорее P_1, чем P_2' – хотя предполагается, что на самом деле P_1 все-таки произошло р а н ь ш е. Толкование этого союза тоже удобно сориентировать на общую оценку: 'следствие данной ситуации такие, как если бы P_1 произошло не раньше, чем P_2', – откуда уже прагматически следует, что P_1 было все-таки раньше P_2.

В заключение нужно решить, какие же окончательные толкования (с точностью до 'наблюдаемости', которую условились не учитывать) мы дадим наречиям *ЕДВА* и *ЕЛЕ*.

Толкование *ЕДВА* тождественно формулировке '4'. Разумеется, она оставляет широкий простор для конкретных интерпретаций. Наиболее изысканное осмысление необходимо там, где в самой по себе ситуации ничто не может быть малым и в то же время есть активный деятель (если его нет, неизбежна аномалия):

(32) а. *Мы едва достали билеты*;

б. *Иван едва выскочил из горящего дома*.

Здесь идея 'малости вообще' сужается до 'малости ресурсов', какими располагает агент, и в таком варианте *ЕДВА* предельно сближается с *ЕЛЕ*.

Толкование *ЕЛЕ* должно быть более узким, нежели толкование *ЕДВА*. Это видно хотя бы из их инклюзивной дистрибуции: всякое *ЕЛЕ* заменимо на *ЕДВА*, а обратная замена допустима лишь в частных случаях наподобие (32).

В.Ю. Апресян пишет, что $ЕЛЕ_1$ акцентирует внимание на усилиях [Апресян 1997: 19–20]. Поскольку мы $ЕЛЕ_1$ и $ЕЛЕ_2$ объединили, то говорить об усилиях нежелательно, так как искомое толкование должно подходить и к примерам типа

(33) *Колбы еле касаются друг друга*,

где никакой активности субъект не проявляет.

Мы предпочитаем использовать более широкое понятие ресурсов. Чтобы его – хотя бы применительно к интересующему нас случаю – прояснить, рассмотрим примеры, где слово *ЕЛЕ* совершенно запретно:

(34) а. * *Число X еле превосходит число Y*;

б. * *Иван еле похож на Петра*.[11]

Обратим внимание на полный параллелизм между фразами (34) и (35):

(35) а. * *Разность между (фиксированными) числами X и Y изменилась*;

б. * *Общие черты Ивана и Петра изменились* (но оба остались точно такими же, как были).

В чем здесь причина аномалий? Очевидно, в том, что посредством *ЕЛЕ* градуируется такой признак, изменение которого неизбежно ведет к изменению самих объектов. Так, увеличить или уменьшить фиксированное число *X* нельзя: оно перестанет быть собой; если изменить число общих черт у Ивана и Петра, то они тоже (здесь – до известной степени) станут иными: можно будет говорить о п р е ж н е м Иване и п р е ж н е м Петре.

---

[11] *ЕДВА* вместо *ЕЛЕ* было бы в (34а) вполне уместно, а в (34б) чуть шероховато, но все же приемлемо. Откуда шероховатость, не вполне ясно. Кажется правдоподобным, что она связана с семантикой слова *похож*.

Другими словами, *ЕЛЕ* требует, чтобы при заданных неизменных участниках ситуация могла иметь место и могла места не иметь. Если *число X превосходит Y*, то обратное невозможно; если *Иван похож на Петра*, то не похожим быть не может – иначе как при введении дополнительных условий (*похож лицом, фигурой, манерой говорить* и т.д.) или темпоральной переменной (*сейчас похож, раньше был не похож* и т.д.).

Отсюда вытекает, что ресурсы – нечто сравнительно п о с т о р о н н е е данной ситуации, она представима и в отвлечении от них. Сугубо предварительное толкование, которое мы предлагаем, выглядит так: ресурсы – это

'6' 'что-то, от наличия/отсутствия или количества чего зависит, имеет или не имеет места данная ситуация; данную ситуацию можно мыслить, не мысля об этом'.

ЕЛЕ Р значит:

'7' 'ресурсов так мало, что имеют место такие следствия, какие имели бы место, если было бы не Р'.

Полученные толкования, как нам кажется, имеют не только частный интерес, но и теоретическую ценность. Есть причины полагать, что подтвердившее свою объяснительную силу понятие общей оценки дает ключ и к семантике многих других слов, среди прочего – слова *ЧУТЬ* и слова *МАЛО*, которые с этой точки зрения поддаются смысловой декомпозиции. Показать это мы надеемся в отдельной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян В.Ю. 1997 – Семантика и ее рефлексы у наречий усилия и малой степени // ВЯ. 1997. № 5.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1988 – Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.

Зельдович Г.М. 1998а – Русские временные квантификаторы. Вена. 1998.

Зельдович Г.М. 1998б – О типах семантической информации: слабые смыслы // ИАН СЛЯ. 1998. № 2.

Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Boguslawski A. 1998 (manuscript) – On 'good' and 'bad' (manuscript).

Sadock J. 1981 – Almost // Radical Pragmatic. N.Y., etc. 1981.

Wierzbicka A. 1987 – The semantics of quantitative particles in Polish and in English // Od kodu do kodu. Warszawa, 1987.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1999

© 1999 г. М.А. ШЕЛЯКИН

ОБ ИНВАРИАНТНОМ ЗНАЧЕНИИ И ФУНКЦИЯХ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1

Под сослагательным наклонением условно будем понимать сочетание частицы *бы* (в том числе в составе союзов и других частиц) с глагольной формой на *-л*, не имеющей значения прошедшего времени. Сам термин был введен М.Г. Смотрицким, который буквально перевел латинский термин «modus coniunctivus», как «соединительное», «связывательное» наклонение, поскольку оно обычно употребляется в сложноподчиненных предложениях. Как известно, по происхождению форма сослагательного наклонения в русском языке восходит к сочетанию аориста от глагола *быть* с формой прошедшего времени. По наблюдениям Б.А. Серебренникова, это наклонение во всех языках появилось позже изъявительного и повелительного наклонений (например, наиболее архаичный индоевропейский язык – хеттский – имел только изъявительное и повелительное наклонения) и, как правило, с использованием форм прошедшего времени [Серебренников 1974: 204–205]. А.А. Потебня, который, по выражению В.В. Виноградова, «блестяще разрешил одну проблему из истории форм наклонения в русском языке» [Виноградов 1947: 585], используя наблюдения Боппа, объяснял происхождение сослагательного наклонения из формы прошедшего времени на основе сходства «идеальных наклонений» (условного, сослагательного, желательного) и прошедшего времени: «как идеальные наклонения» изображают «события существующими только в мысли, так и прошедшее может рассматриваться "со своей негативной стороны, как отрицание действительного присутствия (наличности) явления" (Ворр, Vergl. Gr., § 520), в том смысле, что если явление б ы л о, то, стало быть, его уже нет» [Потебня 1958: 268].

Несколько уточним объяснение А.А. Потебни: прошедшее время относится к плану идеального (сознания) как нечто имевшее место, поэтому оно не только отрицает «действительное присутствие» явления, но и выражает его «бывшее наличное». Это уточнение важно для понимания функциональной природы сослагательного наклонения – оно задает в мысли наличные события или их связи, отсутствующие в действительности, т.е. относит события или их связи к одному из мыслительных «возможных миров». Однако это общее назначение сослагательного наклонения еще не раскрывает его содержательной специфики, так как и повелительное наклонение, и соответствующие вводные слова, и условно-индикативные конструкции (типа: *Он, вероятно, приехал. Если он приехал, то он обязательно зайдет ко мне*) задают в мысли события или их связи, отсутствующие в действительности, не говоря уже о сказках, фантазиях и вообще художественных произведениях, которые также конструируют свои «возможные миры».

В существующей научной литературе содержательную специфику сослагательного наклонения трактуют по-разному. Одни исследователи усматривают в нем два наклонения, связанные друг с другом общим ирреальным наклонением: желательное и условное (предположительное) [Шахматов 1941: §§ 553–554]. Поэтому иногда это

наклонение называют «условно-желательным» с выделением собственно «сослагательного наклонения» (типа: «*Не думаю, чтобы он был здесь*») [Виноградов 1947: 602]. Другие исследователи, напротив, считают, что сослагательное наклонение в русском языке обладает общим значением. Так, академическая Грамматика русского языка 1953 г. следующим образом определяет модальное значение сослагательного наклонения: «С о с л а г а т е л ь н о е (условное) наклонение служит для выражения действия, которое говорящий считает предполагаемым, возможным или желаемым. Более подходящим названием для этого наклонения было бы п р е д п о л о ж и т е л ь н о е; ...в этом случае все названные выше значения оказались бы разновидностями одного общего предположительного значения» [Грамматика русск. яз. 1953, I: 503]. По сути дела, подобной точки зрения придерживается и академическая Русская грамматика 1980 г.: «Сослагательное наклонение имеет категориальное значение возможности, предположительности. В зависимости от синтаксических условий и контекста значение предположительности может варьироваться и представать как значение желания, побуждения или возможного обусловливающего действия» [Русская грамматика 1980, 1: 625–626]. Каким образом из общего предположительного значения можно вывести все другие названные значения, указанные грамматики не раскрывают. Более того, в Русской грамматике 1980 г. во 2-м, «синтаксическом», томе указывается, что условные союзы и союзные сочетания с частицей *бы* (*если бы, ежели бы, коли бы, когда бы, добро бы* и др.) являются союзами недифференцированного значения, т.е. могут оформлять условные отношения как со значением нереальной обусловленности (нереально-условные), так и со значением потенциальной обусловленности (потенциально-условные), что зависит от контекстуальной отнесенности сослагательного наклонения к плану настоящего, прошлого и будущего. Если сослагательное наклонение относится к планам настоящего или прошлого, то оно выражает ирреально-условное значение; если сослагательное наклонение относится к плану будущего, то такие предложения означают, что реализация предпосылки и следствия не исключается, потенциально допустима, и по смыслу близки к условным конструкциям индикативного типа. Ср.: *Если бы мне ранее сказал кто-нибудь, что я встречу здесь этих людей, то я бы расхохотался* (А. Чехов) – план прошлого, но *Если бы я вздумал жить отдельно от человечества, я стал бы только животным* (К. Федин) – план будущего, поэтому возможна замена индикативным наклонением: *Если я вздумаю жить отдельно от человечества, я стану только животным* (см. [Русская грамматика 1980, 2: 563–565]). Таким образом, Русская грамматика 1980 в своем «Синтаксисе» в случаях синонимии не проводит разницы между сослагательным и изъявительным наклонением, ограничиваясь только замечанием, что они могут быть близки по смыслу, что приводит к выводу о недифференцированности значения сослагательного наклонения. Между тем говорящий, видимо, усматривает разницу между сослагательным и изъявительным наклонением, выбирая в речи даже в условиях их синонимии только одно из них.

Иной взгляд на первичное и вторичное значение сослагательного наклонения в русском языке высказал А.А. Потебня. Следуя своему принципу определять значения грамматических форм не категориями общего и частного, а категориями первообразными и производными, исторически предшествующими и последующими (см. [Потебня 1977: 217]), А.А. Потебня склонялся к тому, что первоначально форма сослагательного наклонения была «желательной уступительной, переходящей к условности так же, как повелительное в случаях "кинь хлеб на лес, пойдешь, найдешь"» [Потебня 1958: 270]. В этом его убеждали факты переносного употребления индикативного прошедшего в функциях желательного наклонения и будущего времени (см. [Там же: 270–273]), связь между которыми очевидна: «В желании, рассматриваемом независимо от словесного выражения, осуществление ...есть событие будущее» [Там же: 270]. Поэтому он называл сослагательное наклонение единым «условно-желательным» [Там же: 270]. Другие историки русского языка также считают, что в древнерусскую эпоху категория условности носила на себе печать

более архаичного неразличения условности от желательности (см. [Историческая грамматика русск. яз. ...1978: 71, сноска]) и что значением старой формы сослагательного наклонения «прошедшее время на *-л + бимъ, би...*, впоследствии замененной формой прошедшего времени на *-л* + аорист от *быти*, видимо, было желательным» (см. [Историческая грамматика русск. яз.... 1982: 154]). Дальнейшее функциональное развитие сослагательного наклонения А.А. Потебня видел во влиянии греческого и особенно латинского языков, что привело к употреблению сослагательного наклонения в собственно сослагательном значении (без значения желательности) в относительных конструкциях типа *Нет человека, который бы за собой не имел каких-либо грехов* и в обороте «*чтобы ... -л*» при отрицательных главных предложений типа *Я еще в жизни не слыхивал, чтобы собака могла писать* (Н. Гоголь) [Потебня 1958: 286].

В связи с отмеченным историческим развитием употребления сослагательного наклонения, с широкой «разбросанностью» его функций, напрашивается вывод об отсутствии в современном русском языке инвариантного значения в сослагательном наклонении. К такому заключению и пришла Р.В. Лопухина в своей кандидатской диссертации «Функционально-семантическая характеристика конструкций с частицей *бы* в современном русском языке» [Лопухина 1984]. Ее основные положения сводятся к следующему: а) определение модального потенциала форм с частицей *бы* как «гипотетичность», «ирреальность» не отражает всей сущности образуемых ими построений; б) конструкция с частицей *бы* представляет собой омонимичную грамматическую единицу, уточнение которой происходит из контекста; в) это уточнение выступает в трех системно проявляющихся значениях: возможности (обусловленной, необусловленной), желательности и реальной достоверности (типа: *Он еще не успел сообразить, кто бы это был*, ср. *Он еще не успел сообразить, кто это*).

II

Нам представляется, что сослагательное наклонение в современном русском языке все же обладает инвариантным значением, чему посвящено дальнейшее изложение вопроса. Чтобы сформулировать это значение, следует сначала остановиться на раскрытии некоторых понятий.

Во-первых, что такое предположение, которое обычно приписывается значению сослагательного наклонения? Логики определяют его как «положение, которое временно принимается за возможно истинное, пока не будет установлена истина» [Кондаков 1975: 474]. Эта дефиниция не покрывает всех случаев употребления сослагательного наклонения (о чем см. ниже) и может быть полностью применима только к языковому выражению предположения индикативными формами, т.е. ментального допущения «скрытой» в действительности возможности события: ср. *Если он приехал, то придет на работу. Он, может быть, уже приехал*. Сослагательное наклонение выражает другой тип ментального допущения событий и их связей, который можно назвать замещающим реальные или реально отсутствующие события. Оно является более отдаленным, отвлеченным от реальной действительности, чем предположение о реальной возможности, и действительно только в мыслимом представлении: ср. *Он мог бы стать хорошим учителем. Если бы он приехал, то он пришел бы на работу. Приехал бы он*! В сослагательном наклонении, как системно противопоставленном другим наклонениям, всегда имеет место два семантических плана: имплицитный план наличия или отсутствия реальных ситуаций и эксплицитный план мыслимых событий, замещающих имплицитные реальные или отсутствующие события. Однако во взаимодействии с категорией времени и контекстом оно в определенных случаях может нейтрализоваться с сохранением свойственных ему коннотаций, обозначая реальные события, что является результатом влияния на него значений временных планов и контекста, но не проявлением его системного значения (о чем см. ниже).

Во-вторых, следует различать значения желательности и других модальных смыслов, выражаемых лексически (*хотеть, желать, мочь* и под.), и их грамматическую модификацию сослагательным наклонением: *Он может/мог бы, хочет/хотел бы…* Сослагательное наклонение вносит в значения этих слов признак бытийного ментального допущения – мыслимой бытийности (представляемости) модальных состояний, более отдаленных от реального бытия, что приводит в ряде случаев к выражению их ослабленного, смягченного характера. Ср. значение учтивого предложения, усиленного вводным сочетанием *может быть*: *Может быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерия Ивановна*? (Н. Гоголь). Таким образом, желательное значение сослагательного наклонения является не полным эквивалентом лексического значения желательности, а одним из частных значений сослагательного наклонения, имеющим свою специфику (о чем см. ниже).

Чем можно объяснить инвариантное значение сослагательного наклонения, выражающего замещающий тип ментального допущения? В качестве гипотезы, можно полагать, что семантическая природа сослагательного наклонения первоначально опиралась на функцию сочетания «аорист от глагола *быти* + причастие на *-л*, восходящего к плюсквамперфектному значению, выражавшему наиболее далекий или не осуществившийся (прерванный) план прошлого (типа: *жил-был…*, *пошел было, но…*), о чем см. [Потебня 1958: 264–267]. В.Н. Чернышев отмечает, что в былинах частица *бы* встречается в соединении с формой прошедшего времени как остаток прошедшего, не означающего ни условия, ни пожелания [Чернышев 1949: 233]. Не послужила ли эта «этимологическая память» формы сослагательного наклонения основой для первоначального выражения ею «далекой» желательности и желательной обусловленности (из временного предшествования), а затем – любого допущения, замещающего реальные события, поскольку значение временной отдаленности или прерванности временного плана прошлого могло трансформироваться в значение более отдаленного, отвлеченного от реальной действительности замещающего допущения и ослабленной желательности?

Инвариантное значение ментального допущения событий, замещающих реальные или реально отсутствующие события, представлено в сослагательном наклонении рядом частных значений. К ним мы относим значения: 1) допускаемых контрфактических условно-следственных событий, 2) допускаемых потенциально-вероятных условно-следственных событий, 3) допускаемых вероятно-возможных событий, 4) допускаемых вероятно-уступительных событий, 5) допускаемых обобщенно-уступительных событий, 6) отрицаемых допускаемых событий, 7) допускаемых желательных событий и 8) допускаемых событий по степени их обусловленности другими событиями. Рассмотрим каждое из этих значений отдельно.

Примечание. *Большинство приводимых ниже примеров на употребление сослагательного наклонения выбрано из академической Грамматики русского языка 1953 г. и академической Русской грамматики 1980 г., но их функциональная интерпретация и систематизация во многом принадлежит нам.*

III

1. Значение допускаемых контрфактических условно-следственных событий заключается в том, что оно замещает реальные причинно-следственные события условно-следственными контрадикторными событиями. Ср.: *Если бы он выучил урок, то не получил бы плохой отметки* имплицирует *Он не выучил урок, поэтому получил плохую отметку*. Контрфактические условно-следственные предложения подразделяются на:

1.1. Предложения, выражающие целесообразность, предпочтительность, желательность – оценочную позитивность допускаемых обусловливающих и обусловленных событий. Иначе говоря, допускаемые условно-следственные события являются для

говорящего прагматически наилучшими, наиболее предпочтительными, чем имплицитные причинно-следственные события. Ср.: *Когда бы вверх могла поднять ты рыло, Тебе бы видно было, Что эти желуди на мне растут* (И. Крылов); *Кабы он получше платил за труды, так Янко бы его не оставил* (М. Лермонтов); *Если б я предвидела, – сказала она глубоко обиженным голосом, – что он впутает меня в неприятное дело, я бы отвечала вчера ему иначе* (И. Гончаров); *Нет у меня гордости. Если бы была гордость, я не поставил бы себя в такое положение* (Л. Толстой); *Она выглядела бы куда естественней, если бы из стен педагогического института перенесли ее куда-нибудь на выжженные склоны Тянь-Шаня* (Л. Леонов); *Но если б не страдали нравы, я балы б до сих пор любил* (А. Пушкин); *Если бы Серафима по-настоящему любила детей, так никогда бы так не сделала* (Д. Мамин-Сибиряк); *Много бы дал он теперь, если б не было кой-чего из того, что было вчера* (Ф. Достоевский); *Когда б я мог что заложить, давно уж продал бы* (А. Пушкин). Ср. также в рамках межфразовых связей: *Уехали бы они! Ни крику бы, ни ссор* (разг. речь).

К этому типу относятся предложения, выражающие высокую степень желательности допускаемых условно-следственных событий, сопровождающуюся сожалением по поводу ее недостижимости из-за противопоставленных имплицитных причинно-следственных событий: *Если бы мне двести тысяч, я объездил бы Россию, все города и захолустья, и набрал бы самый замечательный в мире хор* (А. Куприн); *Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся* (Д. Мамин-Сибиряк).

Позитивно оцениваемые контрфактические условно-следственные события могут осложняться объяснением их неосуществимости. В таких случаях они противопоставляются фактическим событиям, препятствующим осуществимости допускаемого события: *Если бы у Орловых была жизненная цель, – хоть бы накопление денег грош за грошом, – тогда несомненно им жилось бы лучше. Но у них не было и этого* (М. Горький); *Если бы вы сказали месяц – два назад, то я, пожалуй, еще подумал бы, но теперь...* (А. Чехов).

1.2. Предложения, выражающие, напротив, нецелесообразность, непредпочтительность, нежелательность – оценочную негативность допускаемых обусловливающих и обусловленных событий, контрфактически замещающих имплицитные причинно-следственные события. Иначе говоря, реальные причинно-следственные события прагматически оцениваются говорящим как наиболее предпочтительные, лучшие, чем допускаемые условно-следственные события. Ср.: *Тогда отец ... ударил ее кинжалом и убил бы, если бы ее не отняли* (Л. Толстой); *Не были бы живы – ваш покорный слуга не имел бы удовольствия вас здесь видеть и беседовать с вами* (И. Тургенев); *Эта проповедь любви ради любви, как искусства, если бы могла иметь силу, в конце концов привела бы человечество к полному вымиранию* (А. Чехов); *Если бы Петр ограничил свое призвание распространением одной европейской науки, значение его осталось бы второстепенным* (А. Герцен); *Кто знает, если бы все они не были пропитаны с детства морем, солнцем, то, может быть, из них не вышли бы писатели* (К. Паустовский).

Ср. также предложения с обстоятельствами условия, которые могут быть развернуты в придаточные предложения с сослагательным наклонением, выражающим допускаемые негативные или позитивные контрфактические условно-следственные события: *Без общего нашего согласия ты бы сюда не явился* (К. Федин) = *Если бы не было общего нашего согласия, ты бы сюда не явился. На твоем месте я не пошел/пошел бы туда* = *Если бы я был на твоем месте, то я не пошел/пошел бы туда.*

1.3. Предложения, выражающие допускаемые условно-следственные события, в которых по фактическому отсутствию следствия делается заключение о фактическом

отсутствии обусловливающего события, т.е. они являются доводом для суждения об отсутствии имплицитных причинно-следственных связей событий. Такие предложения могут сопровождаться коннотацией сомнения, неуверенности говорящего в допускаемом обусловливающем событии. Ср.: *Если бы он приехал, то он зашел бы к нам = Он, вероятно, не приехал, так как не зашел к нам. Если бы это было утомлением, то оно должно было бы вести к постепенному уменьшению эффекта* (И. Павлов); *Если бы на отмели был песок, можно было бы увидеть его* [убежавшего животного] *следы* (В. Арсеньев). *Если бы они выполнили задание, взрыв был бы, конечно, слышен* (Н. Никитин).

2. Значение допускаемых потенциально-вероятных условно-следственных событий заключается в том, что оно замещает реально отсутствующие события и выражает постулируемые (заранее допускаемые) потенциально-вероятные события как условие для прогнозирования других потенциально-вероятных событий. Ср.: *А что, Пульхерия Ивановна, – говорил он: Если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?* (Н. Гоголь); *Если бы мне предложили что-нибудь из двух: быть трубочистом в Петербурге или быть здешним князем, то я взял бы место трубочиста* (А. Чехов); *Если бы я вздумал жить отдельно от человечества, я стал бы только животным* (К. Федин); *Если бы он сейчас жил, то ему исполнилось бы 80 лет* (говорят и без обусловливающего допущения: *Сейчас ему исполнилось бы 80 лет*). Ср. также в рамках текста: *Если бы ваш товарищ-пилот, настоящий пилот, вылетел, скажем, с Диксона на Дудинку и прошел бы день, два, три. А его все не было бы ни на Диксоне, ни на Дудинке, ни на станции по пути. Что сказали бы вы? Что пилот заболел? Вы знаете: в полете не болеют... Вы сказали бы: беда с моим товарищем. И полетели бы искать его. Так?* (В. Горбатов).

К этому типу относятся и предложения, выражающие допускаемые потенциально-вероятные события как уступительные, находящиеся в противительных отношениях с прогнозируемыми обусловленными событиями. Ср.: *У подъезда этого дома не сидят на скамейке старушки, лузгающие семечки и внимательно следящие за всяк входящим-выходящим. Но если бы лузгали, ничего бы не высмотрели* (из газет); *Допустим, что ты жил бы в этом городе. Работал бы, были бы у тебя знакомые и друзья, но через несколько лет ты бы все равно уехал в родной город*. Подобные предложения часто вводятся лексическими показателями предположения: *допустим, что...; предположим, что...; положим, что...*

Отнесенные в план будущего потенциально-вероятные условно-следственные события могут быть выражены синонимичными индикативными формами будущего времени: *Если бы загорелся дом наш, куда бы мы делись? – Если загорится дом наш, куда мы денемся? Допустим, что ты жил бы в этом городе..., но через несколько лет ты все равно уехал бы в родной город – Допустим, что ты будешь жить в этом городе..., но через несколько лет ты все равно уедешь в родной город*. Разницу между ними мы усматриваем в прагматических коннотациях: сослагательное наклонение вносит признак менее вероятного, более проблематичного осуществления условно-следственных событий, будущее время индикатива – признак представляемой реализации условно-следственных событий в будущем и тем самым имеет коннотацию уверенности в их осуществлении.

3. Значение допускаемых вероятно-возможных событий заключается в том, что отсутствующие в реальной действительности события замещаются допускаемыми возможными событиями, основанными на реально-ситуативных предпосылках, с той или иной степенью предположительности. Эти предпосылки могут иметь обеспечивающий или препятствующий характер для допускаемых вероятно-возможных событий.

В первом случае выражаются допускаемые события, вероятная возможность осуществления которых не исключается: *По графику они должны сеять второе поле в*

семь часов. К семи я бы семена обеспечил (Г. Николаева) = *мог бы обеспечить. От такого письма с другою сделалась бы истерика* (М. Лермонтов); *Вскоре Василий Львович испытал такой удар судьбы, от которого другой, более положительный человек, не оправился бы* (Ю. Тынянов); *Он мне ныне наговорил таких вещей, которые б другая ему никогда не простила* (М. Лермонтов); *Всякий, увидев ее в первый раз, нашел бы в ней женщину, каких много в Петербурге* (А. Гончаров); *Многое, чего бы она не заметила прежде, теперь само бросалось ей в глаза* (Ф. Достоевский); *Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну нам же самим* (А. Чехов); *Женщина деньги отдала – двадцать две тысячи крон лежали в серванте, их бы все равно нашли* (из газет); *Когда я встречу человека, который не спасовал бы передо мною, тогда я изменю мнение о себе* (И. Тургенев); *Ну, в делах сердца я бы не послушался маменьки* (А. Островский); *Кто бы нам сказал про старое, про бывалое* (из былины); *Он еще не успел сообразить, кто бы это был. Кто бы это мог быть? Из него вышел бы хороший пианист. Этого она не поняла бы. Еще немного, и он бы погиб.* Подобные предложения допускают синонимичную замену сослагательного наклонения индикативной формой будущего времени, если относятся к плану будущего, но с потерей значения ментального допущения и внесением значения фактичности события в будущем.

Во втором случае выражаются допускаемые события, вероятная возможность осуществления которых исключается при данной ситуации и не исключается при противопоставленной ей ситуации. Ср.: *Хорошо, что Лемм нас не слышал: он бы в обморок упал* (И. Тургенев) = *Если бы Лемм нас слышал, то он бы в обморок упал. И полно, Таня! В эти лета Мы не слыхали про любовь, А то бы согнала со света Меня покойница свекровь* (А. Пушкин); *Солдаты европейских армий остались глухи и немы к этой болтовне, а они могли бы превратить ее в серьезное дело* (М. Горький).

4. Значение допускаемых вероятно-уступительных событий заключается в выражении допускаемого условия, противопоставленного допускаемому или фактическому положению дел, что подчеркнуто выделяет утвердительный характер последних. Оно реализуется сослагательным наклонением в уступительных придаточных предложениях с союзами *хотя (бы), пусть (бы), если* (при обязательном участии усилительной частицы *и – если бы и*): *Хоть бы знала, тебе б не сказала* (А. Пушкин); *Уж пусть бы лучше отец назвал меня как угодно, выбранил самым страшным словом..., ничто бы не было так обидно, как этот жест и молчание отца потом* (В. Беляев); *Писатель может пользоваться не каждым словом, хотя бы оно и казалось очень удачным* (К. Паустовский); *Настоящий джентльмен, если бы проиграл и все свое состояние, не должен волноваться* (Ф. Достоевский); *Она не прервет молчания вопросом, хотя бы ей пришлось молчать до утра* (Л. Толстой).

Это же значение выражается сослагательным наклонением в конструкциях с двуместными союзами *если бы – но, если бы – а то, добро бы – а то, хоть бы – а то*, вторая часть которых вводит фактическое событие, выраженное индикативной формой: *Если бы я, по крайней мере, принес мою любовь в жертву моему будущему делу, моему призванию, но я просто испугался ответственности...* (И. Тургенев); *Если бы я тебя просила сделать что-нибудь неприятное, а то я тебя прошу съездить отдать визит* (Л. Толстой); *Добро бы простой мужик был, а то ведь мещанин, домовладелец* (А. Чехов); *Хоть бы вы купцов каких-нибудь обманывали или жуликов, а то солдата* (В. Финк).

5. Значение допускаемых обобщенно-уступительных событий заключается в выражении исчерпанности любых (все равно каких) возможных условий, отсутствующих в реальной действительности, при которых другие события сохраняют свою силу. Это значение выражается уступительными придаточными предложениями с уступительно-обобщенными местоимениями, содержащими усилительно-обобщенную частицу

ни, если относятся к плану настоящего или будущего. Ср.: *Где бы ты ни шел и ни кружил, и сколько бы ни ездил ты по свету, какие бы красоты ни любил, – родней Москвы на свете нету* (С. Васильев); *Кто б ни был ты, печальный мой сосед, Люблю тебя, как друга юных лет* (М. Лермонтов); *Куда бы нас ни бросила судьбина И счастие куда б ни повело, все те же мы* (А. Пушкин).

Если подобные уступительные придаточные предложения относятся к плану прошлого, то они выражают фактические обобщенно-уступительные условия, что объясняется непосредственной фактической реальностью прошлого, при которой исчерпанность любых возможных уступительных условий представлена как уже реализованная. Ср.: *Где бы мы ни плавали, все звезды над водой казались нам московскою кремлевскою звездой* (А. Жаров); *У него ничего не получалось, что бы он ни предпринимал; Кого бы я ни встретил, все говорили о случившемся*. В этих случаях возможно синонимичное употребление индикативной формы: *Где мы ни плавали, ...; У него ничего не получалось, что он ни предпринимал*. Выбор форм наклонения здесь зависит от прагматических коннотаций: сослагательное наклонение вносит признак исчерпанности всех возможных условий и тем самым имеет категорический оттенок, в отличие от изъявительного наклонения, лишенного этого оттенка. Таким образом, временные планы настоящего и прошедшего нейтрализуют указанное значение сослагательного наклонения с сохранением его коннотации, которая используется в речи.

6. Значение отрицаемых допускаемых событий заключается в том, что оно допускает в мысли события при одновременном их отрицании и тем самым подчеркнуто выражает их реальное контрфактическое отсутствие. Ср.: *Я никогда не видел, чтобы она заплакала. Я не помню, чтобы ты говорил мне об этом*. Ср.: *Чтобы она заплакала! – Я никогда не видел*. Это значение выражается:

6.1. Изъяснительными придаточными предложениями с союзом *чтобы* при главных предложениях, выражающих своими предикатами недостоверность, неуверенность, сомнение – отрицательную позицию ("дистанцирование") их субъектов по отношению к наличию допускаемых событий. Это предикаты со значением отрицаемого восприятия (*не видел, не слышал, не замечал, не встречал, чтобы...*), забывчивости (*не помню, чтобы...*), отрицаемого представления (*не представляю себе, чтобы...*), отрицаемой мысли (*не думаю, чтобы...*), сомнения (*сомневаюсь, чтобы...*) и др. В качестве выражения отрицательной позиции субъекта к наличию допускаемого события могут выступать соответствующие лексические показатели (*невероятно, уму непостижимо, мало надежды, чтобы он это сделал*). Приведем примеры из художественной литературы: *Очень сомнительно, чтоб избранный нами герой понравился читателям* (Н. Гоголь); *Она никак не ожидала, чтоб это свидание так сильно подействовало на нее* (Л. Толстой); *Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла* (А. Фет); *Только не было такого случая, чтобы турбинщики подвели* (В. Кетлинская); *Не думай, чтоб я был достоин сожаления* (М. Лермонтов).

6.2. Определительными придаточными предложениями, выражающими допускаемые события, относящиеся к бытийно отсутствующему компоненту события: *Нет человека, который бы за собой не имел каких-либо грехов* (Н. Гоголь); *Нет такой деревни, где бы так пели* (С. Антонов); *И не было на тех вершинах розы, Которой для меня не мог бы он достать* (М. Лермонтов); *Подумав, он не нашел знакомых, к кому бы можно было сейчас поехать* (Ю. Тынянов); *Вадим Петрович отошел, не видя здесь разумного человека, с кем бы можно было заговорить* (А.Н. Толстой); *Как на досадную разлуку, Татьяна ропщет на ручей; не видит никого, кто руку С той стороны подал бы ей* (А. Пушкин); *Не было дела, которое бы она не разумела* (А. Гончаров). Ср. также косвенно выраженное бытийное отсутствие субъектов главного предложения в примере: *Да разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу* (Н. Гоголь) = *не найдутся... Где,*

кроме прошлого и оголтелого Пошехонья, может быть такое явление, чтобы вчерашний день не имел ничего общего с нынешним? (М. Салтыков-Щедрин). Бытийное отрицание допускаемого события в подобных предложениях служит для подчеркнутого утверждения наличия только реального контрфактического события, которое оценивается позитивно или негативно.

6.3. Следующими фразеологическими конструкциями *не проходит (дня), не было/нет (дня), чтобы не...; не обходится без того, чтобы не...: Ни одной попойки не обходилось без того, чтобы его долговязая фигура не вертелась между гостями* (И. Тургенев); *Не проходит обеда и чая, чтобы вы не поднимали шума* (А. Чехов); *Еще не было дня, чтобы мы не встретились* (В. Кетлинская); *Нет дня, чтобы они не ссорились* (разг. речь). Сослагательное наклонение выражает в них отрицаемые в главной части допускаемые отсутствующие события, что приводит к подчеркнутому утверждению их реального контрфактического наличия.

Примечание. Академическая Русская грамматика 1980, на наш взгляд, ошибочно считает, что в таких конструкциях частица *не* лишена отрицательного значения [Русская грамматика 1980, 2: 561–562]. Она не учитывает того, что отрицание отрицания ведет к их взаимному погашению, т.е. к выражению утверждения.

7. Специфика желательного значения сослагательного наклонения (допускаемого желательного события) заключается в том, что оно выражает ментально допускаемое (мысленно представляемое) желательное событие, отсутствующее в реальной действительности, и не имеет обязательных семантических признаков лексемы *хотеть* и ее синонимов (см. о них [Апресян 1995: 437–446]). Оно является более широким и абстрактным, чем его лексические аналоги, охватывая все случаи ментального представления событий, которые говорящий считает позитивными или негативными в данной ситуации и желательными в широком смысле слова, т.е. как имеющими субъективную заинтересованность, потребность в их наличии или отсутствии. Желательное значение сослагательного наклонения само по себе не имеет императивного значения, каузирующего адресат выполнить обозначенное действие (о разнице между оптативом и императивом см. [Корди 1990: 172–173]), и только в определенных контекстуальных условиях может выступать в близкой к императивному значению функции (о чем см. ниже). Широта разновидностей желательного значения сослагательного наклонения связана с тем, что оно выражается либо без лексического сопровождения, либо в сочетании с лексическими единицами, модифицирующими его семантико-грамматическую основу.

7.1. В самостоятельных предложениях без лексической модификации сослагательное наклонение выражает смягченное, ослабленное волеизъявление. В зависимости от контекстуальной или ситуативной обращенности к трем грамматическим лицам желательное значение сослагательного наклонения представлено:

7.1.1. как смягченное желание 1-го лица: *Мне хочется играть... Я сыграла бы что-нибудь* (А. Чехов); *До чего же голосок у тебя хорош, бабка Игнатьевна! Век бы слушал и не наслушался! Не ел, не пил бы, а только заставлял бы тебя с утра до вечера покрикивать...* (М. Шолохов); *Печален я: со мною друга нет, С кем долгую запил бы я разлуку, Кому бы мог пожать от сердца руку И пожелать веселых много лет* (А. Пушкин).

7.1.2. Как адресованное 2-му лицу смягченное побуждение в разных его вариантах – смягченной просьбы, совета, нерешительного уговора, мягкого увещевания, предложения: *Папаша, ты бы поговорил с Александрой, она ведет себя отчаянно* (М. Горький); *Ты бы ложилась, нянечка* (А. Чехов); *А то остались бы! А?* (А. Чехов); *Ты бы не читал, а спал, – заботливо советовал он* (М. Горький); *Яков предложил ему: "Бросил бы ты это!"* (М. Горький).

7.1.3. Как адресованное 3-му лицу смягченное побуждение в вариантах допущения (предоставления возможности), желаемой целесообразности, пожелания, смягченной

просьбы, совета: *Ах, пусть, пусть презирала бы, хоть всю жизнь, но пусть бы она жила, жила!* (Ф. Достоевский); *Поучилась бы городская молодежь у деревенской обращению, вежливости* (из газет); *Ему бы сейчас школу хорошую, умного товарища* (из газет); *Только напрасно они этак на юру стоят – сошли бы в лощину* (И. Тургенев); *Более подходящим названием было бы...*

7.1.4. С отрицательной частицей *не* и в форме совершенного вида как смягченное нежелание события, связанное с опасением того, что оно произойдет: *Не простудился бы я/ты/он. Поезд бы не опоздал бы!* В сочетании с частицей *как (бы не)* выражает усиленное опасение (о ней см. ниже): *Как бы он не простудился!*

7.2. В самостоятельных предложениях в сочетании с частицами сослагательное наклонение выражает более усиленное волеизъявление, чем без частиц, и характеризуется дополнительными семантическими оттенками:

7.2.1. Частица *хоть/хотя бы*, несущая в высказывании интонационный центр, вносит значение усиленного желания/нежелания ожидаемого, возможного или обязательного события в данной ситуации. В связи с отсутствием такого события усиленное желание сопровождается оценкой осуждения, чувством огорчения, недовольства, досады: *Толкнула и пошла, **хоть** бы извинилась* (разг. речь); *Ветер шумит, наметает сугробы, Месяца нет – **хоть** бы луч!* (Н. Некрасова). ***Хоть** бы капля воды!* При переносе интонационного центра с частицы *хоть бы* на члены предложения, усиленное желание выделяет соответствующий компонент события как компенсирующий отсутствие другого ожидаемого события, имея ограничительный характер: *Ну, вы, мужчины, хоть бы **анекдот** рассказали!* (разг. речь); *И не учится и не работает. Хоть бы **дома** помогал* (разг. речь); *Хоть бы **он** приехал!* (разг. речь); *Хоть бы **листок** на дереве шелохнулся!* (Ал. Писемский). См. о функциональной роли разных типов интонационных конструкций при выражении желательности в [Русская грамматика 1980, 1: 109–110].

7.2.2. Частица *если бы* вносит значение сильной степени желания, наиболее отдаленного от его реального осуществления и поэтому имеющего характер воображаемой трудно осуществимой цели, мечты: *Эх, если бы я мог написать книгу* (М. Горький); *Если бы можно было поменьше думать!* (А. Гончаров); *Если бы вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте* (А. Чехов); *Если бы я был министром!* Такие предложения могут входить в состав условно-следственных предложений, в главной части которых содержится высокая оценка желаемого: *О, как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, русский театр!* (В. Белинский); *Как было бы хорошо, если бы все прекрасные истории имели счастливый конец!* (Ю. Казаков).

7.2.3. Частицы *(пусть) только бы, лишь бы* вносят усиленное ограничительное желание – единственно необходимого, важного события в данной ситуации: *Рад от всего отступиться, только бы он унялся* (А. Островский); *По мне, жена как хочешь одевайся; только б не каждый месяц заказывала себе новые платья* (А. Пушкин); *Только (лишь) бы он застал отца в живых! Только бы поезд не опоздал!* Частица *только* в указанном значении употребляется также в составе семантически контаминированных частиц *если бы только, пусть бы только, хоть бы только, скорее бы только, как бы только.*

7.2.4. Частица *(пусть) лучше бы* вносит значение усиленного желания предпочтительного события вместо существующего: *А ходит она, наверное, от доброго сердца, чтобы помочь мне... Степан Петрович покрутил головой: "Лучше бы она не ходила"* (С. Сартаков); *Чем сидеть без дела, лучше бы ты что-нибудь почитал* (разг. речь).

7.2.5. Частица *скорей (поскорей) бы* вносит значение усиленного желания быстрого осуществления события: *Две недели назад проиграл, в декабре проиграл. Скорей бы все*

проиграл, быть может, уехали бы из этого города (А. Чехов); *Скорей бы лето! Скорей бы он пришел!* Эта частица употребляется также с частицами *хоть бы, пусть бы (хоть бы скорей, пусть бы скорее).*

7.2.6. Частица *как бы* вносит значение усиленно-ограничительного желания или опасения и синонимична частицам *лишь бы, только бы:* [Граф]: *Вы говорите, я вас не забуду? Как бы вы меня не забыли!* (И. Тургенев); *Как бы ветер не разыгрался! – выражает опасение матушка* (М. Салтыков–Щедрин); *Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло* (А. Чехов). Частица *как* в сочетании с сослагательным наклонением глаголов *хотеть/хотеться* вносит значение сильного желания: *Как бы мне хотелось его видеть! – сказала Лиза со вздохом* (А. Пушкин).

7.2.7. Частица *чтоб/чтобы* вносит значение побудительно-категорического желания: *Чтоб все было готово к среде! Чтоб я тебя здесь больше не видел!* В этом случае сослагательное наклонение функционально сближается с императивом, отличаясь от него тем, что представляет для исполнения целостное событие, в то время как императивная форма глагола – действие (ср. *Приготовь все к среде!*).

7.3. В изъяснительных придаточных предложениях с союзом *чтобы* сослагательное наклонение ментально представляет события, предназначенные для их реализации/нереализации в действительности. Поэтому они раскрывают событийную сферу отнесения таких опорных слов главных предложений, которые имеют общий признак интенциональной установки на осуществление/неосуществление представляемых событий. К ним относятся:

1) Слова с побудительным значением: *просить, упрашивать, умолять, заклинать, советовать, предлагать, призывать, велеть, приказывать, обязывать, предписывать, распорядиться, завещать, позволять, разрешать, заставлять, настаивать, принуждать, склонять, поручать, приучать, заводить правило, порядок, обычай, чтобы...* Побудительный характер высказывания может быть выражен косвенной речью, передающей побудительную прямую речь: *Я сказал, чтобы она вернулась домой к семи часам. Скажи, чтобы меня не ждали.* В качестве побудительных предикатов могут выступать также неречевые знаковые акты: *Аночка усердно мигала Лизе, чтобы она нагнулась и послушала что-то по секрету* (К. Федин).

2) Слова, выражающие волеустремленность субъекта к представляемому событию: *хотеть, желать, жаждать, мечтать, стремиться, стараться, добиваться, хлопотать, претендовать, заботиться, чтобы...* Ср. также: *К окну приникнув головой, Я поджидал с тоскою нежной, Чтоб ты явилась* (А. Фет).

3) Слова, выражающие склонность, пристрастие субъекта к представляемому событию: *любить, привыкнуть, предпочитать, чтобы (все было ясно).*

4) Слова, выражающие процессы наблюдения за обязательным осуществлением представляемого события: *Видимо, чей-то глаз следил, чтобы заборы были одинаковой высоты* (Ар. Первенцев); *Ты же, Епиходов, смотри, чтобы все было в порядке* (А. Чехов).

5) Слова-предикативы, выражающие модальную оценку представляемого события: *надо, нужно, необходимо, желательно, важно, нельзя* и др.; *чтобы...* Ср.: *Для того, чтобы приказание было наверное выполнено, надо, чтобы человек выразил такое приказание, которое могло бы быть исполнено* (Л. Толстой); *Желательно, чтобы место для женьшеня было выбрано в смешанном лесу* (В. Арсеньев); *Нельзя, чтобы навеки в самом деле Меня ты мог покинуть* (А. Пушкин); *...надобно же, чтобы у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели* (М. Достоевский); *Главное, чтобы рядом был друг.*

7.4. В изъяснительных придаточных предложениях с союзом *чтобы не (как бы не)* сослагательное наклонение ментально представляет события, по отношению к которым в главном предложении выражается опасение, что они могут иметь место в

реальной действительности. Такие придаточные предложения сочетаются со словами, содержащими признаки опасения (*бояться, опасаться, страшиться, волноваться, тревожиться, беспокоиться, остерегаться, заботиться, чтобы не...*) или надзора (*присматривать, посматривать, следить, караулить, чтобы не...*). Ср.: *Наши дамы по субботам домашние спектакли не устраивали – боялись, как бы он не узнал* (А. Чехов); *Поглядывай, чтоб кто коней не увел!* (А. Чехов); *Бабуля и Нина Ивановна не выходили на улицу из страха, чтоб им не встретились отец Андрей и Андрей Андреич* (А. Чехов); *Подходя к Кремлю, он стал заботиться о том, чтобы его не затолкали, и решительно выставил по бокам локти* (Л. Толстой). Ср. также в бессоюзных сложных предложениях: *Боюсь: брусничная вода мне не наделала б вреда* (А. Пушкин).

7.5. В придаточных предложениях цели с союзами *чтобы (для того, чтобы; с тем, чтобы; затем, чтобы), лишь бы, только бы (не)* сослагательное наклонение ментально допускает (представляет) опережающие желаемые события, обусловливающие события главного предложения: *Чтобы волосы не падали на лицо, Никита повязал их веткой березы* (М. Горький); *Водитель, как раз для того, чтобы люди схлынули, застопорил машину напротив калитки* (А. Фадеев); *Надо только стать таким образом, чтобы Полярная звезда очутилась как раз над колокольней монастыря св. Георгия* (А. Куприн); *Лежит на нем камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог* (М. Лермонтов); *Грузы перетаскивались в склады не под замок, а просто для того, чтобы на товары не лил дождь, не сыпал снег, не развевал их ветер* (Т. Семушкин); *Достаточно по разу в месяц подливать в водоем керосина, чтобы в нем пропало все комариное потомство* (В. Бианки); *Прочтите так, чтобы никто не видел* (С. Аксаков). Это значение может иметь и определительный характер: *Дайте этому человеку дело на всю жизнь, но такое, чтобы он был счастлив от него* (Н. Помяловский); *Сыщи ей жениха, Чтоб был хорош, умен, И в лентах, и в чести, и молод был бы он* (И. Крылов).

Союзы *лишь бы (не), только бы (не)* вносят в целевое значение придаточного предложения элемент усиленного ограничительного желания, ради достижения которого в главном предложении выражается высокая степень усилий субъекта: *Все что угодно говорить, подхалимничать, стелиться травкой, лишь бы старик оставил эту идею – уходить с завода* (В. Панова); *Я на все готова, только бы мама выздоровела.*

8. В придаточных предложениях следствия с союзом *чтобы* сослагательное наклонение выражает ментально допускаемые события, связанные по степени их обоснованности событиями, обозначенными в главных предложениях. Такие сложноподчиненные предложения подразделяются на два типа:

8.1. Предложения, в которых допускаемые события представлены как недостаточно обоснованные событиями главных предложений или не соответствующие им и поэтому как невозможные (реально отрицаемые) или нежелательные: *Нет, в наших мужичках не столько мало толку, Чтоб на свою беду тебя спасли они* (И. Крылов); *Смаковский поднялся с дивана, извинился и ушел, как бы подчеркивая этим, что разговор слишком серьезен, чтобы при нем присутствовал посторонний* (Вл. Попов); *Цветухин шельмовски сощурил один глаз, но не настолько, чтоб это можно было счесть за подмигивание* (К. Федин); *Прощайте. Мне не надобно руки вашей. Вы слишком сознательно мучили, чтоб я вам в эту минуту мог простить* (Ф. Достоевский); *Севастополь был слишком отрезан от остальной России того времени, чтобы моряки его не спаялись в очень дружную семью* (С. Сергеев-Ценский); *Не такое дело, чтобы можно было бы решить полюбовною сделкою* (Н. Гоголь).

8.2. Предложения, в которых допускаемые события представлены как предопреде-

ляемые событиями главных предложений с минимальным временным интервалом и поэтому как возможные и неизбежные. Неизбежная предопределяемость возможных событий выражается в таких предложениях союзными соединениями *достаточно – чтобы, стоит – чтобы: Нервы так напряжены, что достаточно, кажется, малейшего пустяка, чтобы я расплакался* (А. Чехов); *Стоит ему только прийти, чтобы все заговорило и наперерыв запросилось в душу, наполняя ее счастьем* (Л. Толстой); *Достаточно одного снаряда, чтобы крейсер вышел из строя*. Отнесенные в план прошлого придаточные предложения выражают фактические следствия, что объясняется фактической реальностью этого временного плана, при которой предопределяемые возможные и неизбежные события представлены как уже реализованные: *Часто достаточно было пустяка, чтобы Шаляпин пришел в неистовый гнев* (К. Коровин); *Этой короткой нерешительности было достаточно, чтобы волк выполз из круга за линию стрелков* (К. Федин).

В заключение статьи отметим, что в ней, видимо, учтены не все случаи употребления сослагательного наклонения в современном русском языке, но и приведенный материал свидетельствует о мотивированности его выбора в речи заложенным в нем инвариантным значением – мысленным допущением (представлением) событий и их связей, замещающих реальные события или реально отсутствующие события. В этом заключается его противопоставленная связь с реальностью, которая может носить разный характер и используется в речи для выражения разного рода ментальных суждений, рассуждений, сопоставлений, желаний, практического прогнозирования, косвенных обозначений событий, связанных с осмыслением и оценкой реальной действительности, сопровождаясь всегда тем или иным субъективным отношением говорящего. В ряде случаев временные планы и контекст нейтрализуют инвариантное значение сослагательного наклонения, сохраняя при этом его прагматические коннотации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Виноградов В.В. 1947 – Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.

Грамматика русск. яз. 1953 – Грамматика русского языка. Т. I. М., 1953.

Историческая грамматика русск. яз. ... 1978 – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

Историческая грамматика русск. яз. ... 1982 – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Кондаков Н.И. 1975 – Логический словарь-справочник. М., 1975.

Корди Е.Е. 1990 – Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Лопухина Р.В. 1984 – Функционально-семантическая характеристика конструкций с частицей *бы* в современном русском языке. Автореф. канд. дис. ... М., 1984.

Потебня А.А. 1958 – Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.

Потебня А.А. 1977 – Из записок по русской грамматике. Т. IV. М., 1977.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1980.

Серебренников Б.А. 1974 – Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Чернышев В.И. 1949 – Описательные формы наклонений в русском языке // Труды Ин-та русск. яз. Т. 1. М.; Л., 1949.

Шахматов А.А. 1941 – Синтаксис русского языка. Л., 1941.

№ 4 1999

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

***S. Mengel.* Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11–17. Jahrhunderts.** Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften, 1997. 343 S. (Berliner Slawistische Arbeiten. Bd. 2).

Имя автора рецензируемой монографии – Светланы Менгель, профессора славянской филологии (языкознание) в университете М. Лютера в г. Галле (Виттенберг), автора известных научных работ в области словообразования (список некоторых из них приводится в конце монографии) достаточно хорошо известно в кругах дериватологов (специалистов по русскому историческому и современному словообразованию). Рецензируемая книга подводит итог ее многолетних исследований в области русского словообразования в его истории и современном состоянии и была защищена как докторская диссертация в 1996 г. в университете В. Гумбольдта в Берлине.

Монография снабжена подзаголовком: сравнительное исследование письменного языка Киевской Руси в его отношении к языку Московской Руси, староукраинскому и старобелорусскому XV–XVII вв., староцерковнославянскому.

Работа делится четко на две части: I часть – "К теории словообразования" (с. 19–65) и 2 часть, относящаяся собственно к проблематике работы – "Пути формирования словообразовательной нормы в восточнославянском (о терминах ниже) в XI–XVII вв." (с. 67–194) и имеет три довольно обширных Приложения (с. 231–343), содержащих перечень и структурно-формальную характеристику названий лиц (Приложение № 1, с. 231–263), реализацию их частных словообразовательных значений (Приложение № 2, с. 265–302) и Словарь однокорневых названий лиц в русском письменном языке XI–XVII вв. (Приложение № 3, с. 303–343).

Часть 1 на первый взгляд кажется излишней для данной монографии. Но лишь на первый взгляд. На самом деле она представляет собой необходимое историографическое введение, излагающее историю формирования основных концептов (понятий), которыми оперирует современное и историческое словообразование. Данная историографическая часть демонстрирует основательное знакомство автора монографии с тем, что сделано его предшественниками. При этом следует отметить привлечение довольно широкого круга работ как по их хронологическому охвату (с середины XVIII в. до настоящего времени), принадлежащих перу как отечественных, так и зарубежных лингвистов, так и по широкому кругу языков как близко родственных русскому – славянских (украинский, белорусский, чешский, болгарский, польский), так и отдаленно родственных (немецкий, английский). Первая, историографическая часть, освещает следующие основные концепты: место словообразования в системе языка в целом (промежуточное положение словообразования между грамматикой и лексикологией), словообразовательное и лексическое значение, словообразовательный тип, общее словообразовательное значение и частное словообразовательное значение, словообразовательная категория и словообразовательная парадигма, понятие синонимии в словообразовании, понятие нормы в словообразовании, соотношение нормы и синонимии в словообразовании, механизм формирования нормы и способы ее проявления.

Прослеживая процесс выработки основных понятий словообразования, С. Менгель определяет свои подходы к пониманию этих концептов, привлекая как материал современного русского языка, так и исторический материал. Причем необходимо отметить, что работ последнего плана явно гораздо

меньше, и тем повышается актуальность предложенной С. Менгель монографии, построенной целиком на историческом материале. Как показывает дальнейшее изложение в монографии, главной ареной формирования словообразовательной нормы являются разной степени близости друг к другу словообразовательные синонимы в пределах словообразовательного типа "названия лиц" (Personenbezeichnungen). Первая часть исследования С. Менгель по существу является компендиумом сведений по основным концептуальным понятиям русского словообразования, обнаруживая широкую ориентацию автора в общеязыковедческой литературе по теории словообразования.

Замечания по первой части носят частный характер и касаются трактовки отдельных слов. Полагаем, что *эпикуреец* (с. 64) образовано непосредственно от прил. *эпикурейский*, греч. Ἐπικούρειος. При этом следовало бы учитывать иноязычное происхождение слова и необходимость обращения к структуре словообразовательного ряда в языке-источнике (см. [Ширшов, 1978]), а также использования методики анализа по "непосредственно составляющим", предложенной Г.О. Винокуром, когда производное слово рассматривается как бинарная конструкция [Винокур 1959: 441].

С. 55: *изгнать* и *выбросить* трактуются как словообразовательные синонимы (видимо, на том основании, что приставки *из-* и *вы-* близки по значению), но при этом нельзя отбросить характер лексических связей: *изгнать* относится к лицу, в то время как *выбросить* – к предмету, что лишний раз подчеркивает абстрактный характер церковнославянской по происхождению приставки *из-* и конкретно-предметный (физический) характер приставки *вы-*.

Вторая часть обрисовывает пути формирования словообразовательной нормы в "восточнославянском" (im Ostslawischen). Устанавливается, что норма вообще и норма в словообразовании, в частности, не носила в языке русской письменности XI–XVII вв. строго обязательного характера, допускала значительный разброс вариантов оформления слов, относимых к разряду существительных одного словообразовательного типа. С. Менгель оперирует именами существительными, имеющими одно общее словообразовательное значение – "названия лиц" и выделяет в кругу слов, принадлежащих к данному словообразовательному типу, десять частных словообразовательных значений (о них несколько ниже). Таким образом, создается единая словообразовательная база для рассмотрения вариантов нормы, которая формируется как структурно-формальными особенностями (различиями в суффиксах, выражающих общее словообразовательное значение лица), так и особенностями лексической и словообразовательной семантики того же круга существительных. Таким образом, создается двусторонний (а вследствие этой двусторонности и комплексный – формально-содержательный) подход к изучаемому материалу. Заметим сразу же, что прерывание процесса исторической эволюции языка на XVII-м столетии и отсутствие обозримой перспективы эволюции (вплоть до современного состояния языка) не дает возможности автору углубленно проанализировать сам ход конкуренции словообразовательных вариантов. Полагаем, что отслеживание перспективы в исторических работах, все больше дающее о себе знать в последнее время, столь же плодотворно для изучения истории нормы, как и применение словообразовательных концептов (понятий), выработанных на современном материале, к историческому материалу (ретроспективизация методов). Наглядным подтверждением последнего является монография С. Менгель.

Большинство лингвистов понимает под нормой в словообразовании наиболее продуктивные правила словообразования. Для прошлых эпох такой статистический по своему существу подход является единственно приемлемым и возможным в условиях, когда индивидуальное языковое сознание не дает возможности оценки самим говорящим "правильности или неправильности" языкового факта как такового, когда собственное языковое чутье как инструментарий оценки исчезает со сцены. Поэтому некоторые лингвисты-историки предпочитают более осторожное: "узуальная норма". Норма связывается Менгель с понятием "система", норма заложена в системе. Варианты нормы возникают как реализации возможностей системы, и задачей словообразовательной нормы является регулирование процессов реализации системных возможностей.

Предложенное в монографии недифференцированное по национально-языковому признаку понимание периода XI–XVII вв. как общевосточнославянского (Ostslawische) языка вызывает определенные возражения. В хронологический срез оказывается включенным период XV–XVII вв., т.е. период развития украинского и белорусского языков как самостоятельных национальных языков. Круг источников для сопоставительной характеристики явлений в старобелорусском и староукраинском XV–XVII вв. недостаточен:

использованы специальные научные статьи, ограниченный круг текстов, отражающих "западнорусскую мову" – явление периферийное для истории русского литературного языка, но не привлекаются картотеки ГСБМ (см. список литературы) и уже вышедшие выпуски ГСБМ (вып. 1–11) и картотека ССУМ (во Львове), а также 2 тома ССУМ. Такое ограничение круга источников по староукраинскому и старобелорусскому языку XV–XVII вв. значительно снижает ценность выводов по общевосточнославянскому фону, а привлечение данных только "западнорусской мовы" не способно дать достаточно полной картины взаимодействия восточнославянских языков в конце XIV–XVII вв. и различий между ними в области оформления и семантики исследуемого словообразовательного типа. Впрочем, предварительность выводов по периоду XV–XVII вв. (сравнительно со староукраинским и старобелорусским) признает и сам автор (см. с. 96).

С. 98–104 посвящены вопросу об интерфиксах. С. Менгель почему-то опускает в Указателе литературы свою работу 1988 г. [Менгель 1988]. Вопрос о выделении интерфиксов в древнерусском (само понятие "интерфикс" появилось в работах по современному русскому языку) представляется нам весьма дискуссионным. Асемантичность этих "прокладок" между морфемами в современном русском языке едва ли проявляется в древнерусском. Приводимые Менгель примеры на интерфиксы *л, т, ен, х* в древнерусском могут быть интерпретированы иначе: *жил-ьць* (от перф. прич. на *-л-со значением* действия, результат которого сохраняет актуальность в момент воспроизведения текста); *ят-ьць* 'тот, кто берет' (нет ничего удивительного в том, что пассивная основа используется для образования активного сущ. при размытости залоговых отношений в древнерусском (см. [ДГ XII–XIII вв.: 465–506]); *числ-ен-ьць* 'счётчик' (ср. ст.-слав. **ЧИСЛА**, Р. **ЧИСЛЕНЕ**, где *-ен-* – закономерное наращение в косвенных падежах к основе сущ. на согласный); *зна-х-арь* (полагаем, что говорить в данном случае о претеритальной основе нет данных; здесь, по всей видимости, как это происходит со всеми "интерфиксами" в древнерусском языке, перед нами частый случай переноса суффикса по аналогии, ср. *жени-х-ъ*, где *х* < **s* закономерно фонетически и в сущ. *зна-х-арь* оказалось в составе сложного суффикса с фонемой *-х-* (см. [Селищев 1952: 75–77]). Предложенное Лопатиным [Лопатин 1977: 46] понимание "интерфиксов" как частей морфов вдвойне справедливо применительно к историческому материалу.

Как нам представляется, древнецерковнославянский язык неправомерно приравнивается к древнеболгарскому (с. 72). Тем самым не учитываются специфические особенности национальных языков на разных славянских территориях (в Киевской Руси, в частности), отражающиеся в книжно-письменных текстах, написанных на соответствующих территориях, и акцент при этом делается на возможность существования литературного языка только в письменной форме. Наиболее удачным представляется термин "русскоцерковнославянский", применявшийся многими учеными, поскольку он ориентирован этнически (а тем самым и территориально) и отражает один из типов литературного языка – книжно-славянский (по концепции В.В. Виноградова). С. Менгель – сторонница концепции болгарских палеославистов, приравнивающих русскоцерковнославянский к древнеболгарскому.

Как мы уже отметили выше, в работе С. Менгель имеются три обширных приложения. Первое содержит перечень существительных – названий лиц – и их структурно-формальную характеристику с указанием суффикса, производящей основы (часть речи), явлений на морфемном стыке, типа текста (Менгель различает "культурный язык" – Kultursprache XI–XIV вв., имея в виду под этим не очень удачным ввиду оценочности противопоставления "язык культурный – не культурный" язык памятников церковнокнижного языка и "канцелярский язык" XV–XVII вв.). По существу это Приложение № 1 можно считать уже готовым фрагментом для Словаря древнерусских и старорусских морфем, работа над которым, к сожалению, еще не начиналась, что свидетельствует лишний раз о пионерском характере исследования С. Менгель.

В Приложении № 1 (с. 231–263) нарушено алфавитное расположение суффиксов. К тем явлениям на морфемном стыке, которые отмечены Менгель (сокращение основы, консонантная мена, интерфиксация) можно, на наш взгляд, присоединить наложение идентичных морфем с вытеснением морфемы производящей основы: *кова-ти* > *ков-ачь*, *търгова-ти* > *търгов-анъ*. Отметим также некоторые неточности в определении производящих основ, не учитывающие синхронные соотношения лексем в исследуемый период: *лѣкарь* не от гл., а от сущ. *лѣкъ* 'лекарство' [СлРЯ XI–XVII вв., 8: 200]; *соуроженинъ* не от прил. (кстати, здесь суф. *-енинъ*, а не *-инъ*), а от др.-русск. сущ.

сурожь 'купец, торговавший через г. Сурож, ныне г. Судак в Крыму' [Фасмер, III: 807]; *ловьчанинъ* от *ловьць*, а не глагола и интерфикса здесь нет (с. 232); *къняжичь* от *къняжь* (*-жии*) (сын), о чем свидетельствует *ж* (с. 234), *коупьчина* от *коупьць*, а не от прилагательного (с. 235), *любодѣичищь* от *любодѣица* без всякого интерфикса (с. 237), *иностраньць* от прил. *иностраньныи*, а не от сущ. (с. 247), и вообще есть основания говорить о наличии связанных основ в истории русского языка. Отметим также неточность в грамматической характеристике производящей основы: *питомикъ* (с. 235) от прил. (а не прич.) *питомъ*, поскольку прич. оторвалось от системы глагольного словоизменения. Перечень неточностей можно было бы продлить, но сразу же следует сделать оговорку о том, что отмеченные неточности не имеют непосредственного отношения к теме исследования С. Менгель, а кроме того, отдельные случаи допускают различные интерпретации.

В Приложении № 2 в центре внимания оказываются частные словообразовательные значения названий лиц, которые подтверждаются ссылками на словарные дефиниции (лексические значения слов). Таких частных значений (Wortbildungsteilbedeutungen) С. Менгель выделяет 10 (см. с. 105–107). Их все объединяет общая сема – "название лица", хотя в таком дробном подразделении отдельные группы могут перекрещиваться друг с другом, поскольку трудно найти единый принцип отделения групп друг от друга. Однако целесообразность и необходимость подобного расчленения не вызывает сомнений, поскольку в каждой из групп обнаруживаются свои формально-структурные признаки и отдельные группы (названия профессий, жителей по местности, персонифицированные эпитеты, приближающиеся по денотату к онимам и сингулятивам и др.) выделяются достаточно четко, и в данном приложении специалист по исторической лексикографии и лексикологии может найти для себя много полезного.

В Приложении № 2, как и в предыдущем, нарушается алфавитное расположение суффиксов, которое положено в основу построения, могут быть отмечены (правда, весьма немногочисленные) некорректности в определении принадлежности существительных к типу частного словообразовательного значения: *попрошаи* (с. 265), *проситель* (с. 274) едва ли профессии, поскольку отсутствует постоянство признака.

В Приложении № 3 читателю монографии предлагается словарь существительных – названий лиц – в русском письменном языке XI–XVII вв. Его можно считать почти исчерпывающим перечнем существительных данного типа, поскольку базой для него явились СлРЯ XI–XVII вв. и его картотека, СДРЯ XI–XIV вв. и его картотека, учтены также композиты (сложные слова) и приставочные образования. Словарь организован по гнездовому принципу, содержит дефиницию значения и указание на сферу применения слова в пределах принятого С. Менгель деления на Kultursprache XI–XIV вв. и Kanzleisprache XV–XVII вв.

Хотелось бы в связи с Приложением № 3 высказать пожелание о появлении Приложения № 4, которое представляло бы собой исторический словарь синонимов с попыткой определения различных оттенков в лексических значениях, степени синонимичности слов, диктуемой различиями в словообразовательных основах и суффиксах. В хронологической (документационной) части такого словаря хотелось бы увидеть не достаточно расширенные хронологические пределы функционирования отдельных слов (XI–XIV вв., XV–XVII вв., как сейчас в монографии), а распределение существительных по типам литературного языка, жанрам памятников письменности и по векам.

Монография С. Менгель отличается в целом хорошим компьютерным набором (исполнитель его, к сожалению, не указан, хотя в последнее время принято на это ссылаться), но встречаются подчас и досадные неточности при передаче орфографии польских (с. 209, 210, 211), чешских (с. 196, 197, 201, 221), украинских названий (с. 197, 221), ошибки в фамилиях автора (с. 201: Ефремов вм. Ефимов), инициалах (с. 206: А.С. Исаченко вм. А.В. Исаченко) с. 228: В.А. Воронцова вм. В.Л. Воронцова). В Список литературы неоправданно попали источники, ряд из которых уже указан на с. 14–15. Varbot и Vasmer следуют друг за другом (с. 226), хотя чтение этих фамилий различно: Варбот, Фасмер, не лучше ли: Warbot, но Vasmer.

В целом монография С. Менгель является ценным, оригинальным, новаторским исследованием, дающим исчерпывающее описание в нормативном аспекте истории существительных – названий лиц в русском языке XI–XVII вв., общетеоретические и практические результаты которого (прежде всего словарные приложения) нельзя не использовать при разработке академической темы: "Историческое словообразование русского языка".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винокур Г.О. 1959 – Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–11. Мінск, 1982–1991.
ДГ XII–XIII вв. – Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
Лопатин В.В. 1977 – Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977.
Менгель С. 1988 – Интерфиксы в древнерусском языке // Болгарская русистика. Вып. 4. София. 1988.
СДРЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–IV. М., 1988–1991.
Селищев А.М. 1952 – Старославянский язык. Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.
СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–23. М., 1975–1997.
ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.
Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
Ширшов И.А. 1978 – Морфемный состав и словообразовательные связи имён существительных греческого происхождения // ФН. 1978. № 2.

В.Г. Демьянов

***М.С. Крутова.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности.** М.: Мартис, 1997. – 223 с.: 16 ил.

Реконструкция адекватной истории отечественной культуры немыслима без изучения памятников, в том числе письменных памятников разных эпох. Эта работа нуждается в открытии новых памятников и публикации тех, что, находясь в многочисленных архивах, все еще терпеливо ждут свой черед, чтобы стать достоянием многих ученых, любителей истории, поклонников отечественного слова в его прошлом и настоящем.

Несмотря на обилие произведений литературы (а также живописи, музыки), посвященных святителю Николаю, они до сих пор не описаны и не изучены в должной мере, что́ объясняется не только существовавшими у нас до недавнего времени запретами на изучение агиографической литературы, но и объективной сложностью исследования текстологии самих памятников из-за их большого объема и неоднородности материала. Поэтому любая современная по своим принципам публикация источников – ценный вклад в нашу духовную культуру.

М.С. Крутова предприняла, сразу скажем, весьма удачную попытку публикации части собрания ценных рукописных памятников, хранящихся в Российской Государственной библиотеке, – памятников, посвященных святителю Николаю.

Тексты с произведениями о св. Николае не публиковались у нас с конца XIX в., и труды архимандрита Леонида (Кавелина) и В.О. Ключевского, взявших на себя в этот период столь благородную миссию, давно стали библиографической редкостью. В последнее же время публиковались лишь адаптированные извлечения из этих текстов, причем, как справедливо указывает М.С. Крутова, не обошлось без смешения текстов с произведениями о св. Николае Мир Ликийских Чудотворце (жившем в IV в.) с текстами об одноименном святителе, жившем в VI в.

Выбор М.С. Крутовой для публикации памятников, связанных со св. Николаем, вполне понятен. Св. Николай издревле особо почитаем на Руси. Житие св. Николая Мир Ликийских Чудотворца – одно из самых популярных произведений древней Руси. Только в РГБ содержится, по подсчетам автора, более 500 список этого жития.

Для издания М.С. Крутовой отобраны списки тех редакций жития, которые ранее не публиковались. Например, список № 191 (XVII в.) жития, создание которого принадлежит византийскому агиографу Симеону Метафрасту (X в.), из собрания Е.Е. Егорова. Этот памятник известен в списках начиная с XV в. Публикуется также список жития св. Николая, жившего в VI в., жития, именуемого обычно «иным» и составленного епископом Пинарским. Взята сокращенная редакция, находящаяся также в собрании Е.Е. Егорова под № 926 (XV в.).

Публикация адресована не только специалистам в области археографии, но и широкому кругу читателей: такого подхода требует само время. Этим обусловлено стремление совместить критерии научности и доступности публикации. Так, текст жития дан с разделением на слова; грамматические формы, например, личные местоимения и частица «же», союзы и частицы (типа *егда же, елико же* и под.), как правило, пишутся раздельно; «ся» с глаголами приводится в слитном написании (*разрѣшисѧ плотьскаго соуза, повсюдѧ правовѣріѧ простресѧ* и

т.п.). Текст разделен на предложения, введены современные знаки препинания. Определенными знаками отмечаются окончания строки в рукописи, перенос слов в ней и т.д.

Автором проделана большая работа по сличению и обнаружению «разночтений» в рукописях одного содержания. Публикация текстов сопровождается подстрочными указаниями на описки, искажения, повторы слогов, слов, а также на варианты написания этого же слова в параллельном месте идентичного текста других рукописей. Например: брѣмѧ (в сноске: врѣмѧ) (Ундольский. Житие Николая Мирликийского. л. 112), свой (свей. Ундольский. Минея..., л. 120 об.) и др.

Несмотря на осовременивание текста, исторический облик его сохранен: сокращенные написания под титлами в нем не раскрываются, выносные буквы сохраняются, в том числе и под взметами при выносках. Сохранены не только титла, но и паерки, сохранено также традиционное для нашей старинной письменности употребление вместо цифрового буквенного обозначения между точками, между запятой и точкой или между запятыми.

Заслуживает одобрения раздел книги, в котором представлен список хранящихся в Отделе рукописей РГБ рукописей с произведениями о св. Николае: этот список, по справедливому замечанию самого исследователя, призван помочь широкому кругу читателей ориентироваться в чрезвычайно богатом и сложном материале Отдела рукописей. Среди фондов, содержащих эти рукописи, фонды архимандрита Амфилохия, Е.В. Барсова, Т.А. и С.Т. Большаковых, Е.Е. Егорова, Н.П. Румянцева, Н.С. Тихонравова, В.М. Ундольского, фонды Общества Истории и Древностей Российских, Рогожского кладбища, Троице-Сергиевой Лавры и мн. др. фонды, в которых содержится – по нашим подсчетам, сделанным на основе списка источников, приведенных М.С. Крутовой, – не менее 490 архивных единиц хранения.

В книге читатель найдет также и указатель к текстам рукописей о св. Николае, хранящимся в ОР РГБ. Этот указатель – удачное развитие превосходного опыта составителей указателей к «Синайскому патерику», созданных на основе лучшей научной публикации памятника [СП 1967] и собственного творческого опыта М.С. Крутовой.

Нужно сказать, что хотя методика составления указателей на практике разрабатывалась многими поколениями археографов, тем не менее до появления работ М.С. Крутовой она фактически не была описана. Уже создание исследователем предшествующих указателей – к сборнику «Златая цепь» [Крутова 1990] – обратило на себя внимание. Основой составления этих указателей стал не один большой сборник, как это было в случае с «Синайским патериком», а обширная серия рукописей, разнообразная по своему составу. Так, только указатель начал рукописей «Златой цепи» насчитывает около 3-х тысяч единиц, указатель имен – около 500, предметный – более 1 тысячи, даже географический указатель составил более 100 единиц.

Созданный М.С. Крутовой указатель произведений о св. Николае, хранящихся в РГБ, дополняет и уточняет названия и местонахождение фондов, книжных собраний и книгохранилищ, систематизированных Н.К. Никольским еще в начале уходящего века [Никольский 1906]. Проделав трудоемкое сличение, М.С. Крутова приводит в указателе названия фондов сначала по Н.К. Никольскому, затем современные названия памятника и место его хранения. Кроме того, осуществлена классификация рукописей по их жанру, хронологии создания и тематике. Как теперь ясно, в ОР РГБ преобладают списки XVI века – в основном чудеса (их более 200 списков), жития св. Николая (более 100 списков), слова на перенесение мощей св. Николая, а также каноны, службы святителю и т.д. Естественно, бóльшую часть составляют русские списки, однако в фондах Отдела имеются также 2 списка на греческом языке, 1 – на латинском (XIV в.), 2 белорусских (XVII в.), 4 украинских (II пол. XVII в.) и 2 польских (нач. XVIII в.) списка.

Продолжая традицию публикации начал памятников письменности, М.С. Крутова и здесь продемонстрировала не только верность научной традиции, но и способность найти новые пути осуществления этой непростой миссии. «Словарную статью» указателя автор построил по следующему плану: 1) Текст начала памятника. 2) Название произведения, данное ему писцом. 3) Перечисление списков, в которых это начало встретилось исследователю. В тех случаях, когда в тексте заглавия разных списков обнаружены разночтения, приводятся текстологические варианты. В качестве основного варианта избирается, как правило, наиболее частотный. Он снабжен шифром рукописи, все же другие приведены в алфавитном порядке без шифра рукописи.

Автор указателя иногда сопровождает тот или иной начальный текст дополнитель-

ными сведениями, относящимися к соответствующей рукописи и являющимися наблюдениями либо самого автора публикации, либо других ученых. «В лето 6607 приплыл из-за Киева образ Николая Чудотворца, доска круглая, в Великой Нов град...» И далее в квадратных скобках помещается такая дополнительная информация: [Запись в Новгородской летописи]. Или: «Днесь наста светоносное торжество...» (Слово похвальное на перенесение мощей Николаю Мирликийскому в Бар град) [Андрея причетника и клирика града Москвы] и под.

Публикация сопровождается еще одним обширным и весьма содержательным разделом, посвященным истории изучения произведений о св. Николае Мирликийском, прежде всего житий святого. К нему логически примыкает другой раздел: «Литература о святом Николае» (с. 214–223). В первом из названных разделов автор публикации высказывает ряд несомненно интересных наблюдений и выводов относительно истории житий, сделанных им на основе текстологического и лингвистического анализа рукописей.

Автор пришел к выводу, что житие чудотворца Николы, архиепископа Мир Ликийских (с обычно добавляемыми к нему чудесами), известное на Руси в списках начиная с XV в., имеет две редакции. К первой М.С. Крутова относит списки из собрания Е.Е. Егорова («Сборник житий и слов», XVII в., ЖНМ, л. 27–135 об.), из собрания В.М. Ундольского (Минея четья, декабрь, XVI в. ЖНМ. Чудеса. Похвала. л. 112–167 об.) и др. Ко второй редакции – рукопись Троице-Сергиевой Лавры. Различия в них автор видел в некоторых текстологических особенностях. Так, к первой редакции добавлен ряд глав (20–27), посвященных чудесам святителя, встречающихся, кстати, и в минейных чтениях на 9 мая. Все чудеса в первой редакции имеют, кроме того, название, киноварные инициалы в начале текста, начинающегося словами: «Отселе убо лепо есть еже по части сказати добродетели святого...» Текст же второй редакции присоединяется к житию непосредственно, без каких-либо заголовков и киноварных выделений. Начало его: «Муж некии неславен от славных...» [Крутова: 124]. Исследователь находит, кроме того, различия и иного порядка – в лексических вариантах, характерных для каждой из редакций, что подкрепляет его наблюдения и выводы. Появление двух редакций житий св. Николая первого типа (Метафраста) М.С. Крутова относит к периоду не позднее XV в., т.е. к началу бытования жития на Руси. Вторая редакция жития, как предполагает автор, имеет, в свою очередь, два варианта: на русском и белорусском языках. Список такого рода под названием «Живот иже во святых отца нашего Николы Мирликийского епископа, писано от Метафраста», начинающийся словами: «Патара место есть в земли Ликие...» (XVI в.), М.С. Крутова обнаружила именно в рукописном отделе РГБ. Предполагая, что белорусский вариант является переводом с русского, автор справедливо замечает, что эта гипотеза нуждается в изучении большего числа белорусских списков (с. 126).

Сличение М.С. Крутовой вариации чудес в I и II типах житий дало ей определенные основания не согласиться с П.О. Потаповым, в свое время утверждавшим, что житие «Слово иже во святых отца нашего Николы», опубликованное в 1871 г. В.О. Ключевским, не имеет ничего общего ни с житием Метафраста, ни с «иным житием» и указывает на его греческий источник, болгарский перевод которого был переведен на Руси и распространился в списках с XV в., таким образом, благодаря гипотезе Потапова, в научный оборот вводилась идея о существовании 3-го св. Николая [П.О. Потапов 1922]. Сличив тексты, состав, последовательность чудес, обычно прибавляемых к I, II и проблематичному III житию св. Николая, М.С. Крутова сделала вывод, что чудеса жития III типа есть, по сути, новая комбинация чудес I и II житий и части текста II («иного») жития епископа Нинарского. Подтверждение этому исследователь обнаружил в списках из РО РГБ (ф. 98, № 493; ф. 98, № 805; ф. 310, № 563 и др.). Высказано также смелое, хотя и не лишенное некоторых оснований, допущение, что смешение житий, довольно частое, могло происходить уже в Византии, а не только на Руси, и что при составлении житий разных типов мог быть использован о д и н источник (с. 132).

Довершает впечатление о серьезной публикации и не менее серьезном исследовании проблемы М.С. Крутовой превосходное оформление книги и иллюстрации, представляющие собою не публиковавшиеся ранее миниатюры из лицевых рукописей РГБ: «Чудо о трех мужах, утопших в море» (XVI в.), «Чудо о трех иконах» (XVI в.), «Перенесение мощей св. Николая в г. Бари» (XVII в.) и др. – всего 16 иллюстраций.

Публикация М.С. Крутовой, можно полагать, даст новый импульс для научных разысканий во многих направлениях истории отечественной духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Крутова М.С. 1990 – Златая цепь // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Ч. 1–2. Новосибирск, 1990.

Никольский Н.К. 1906 – Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.) // Древние сказания о святом Николае в славянорусской письменности. СПб., 1906.

Потапов П.О. 1922 – К литературной истории летописных сказаний о святом Николае Чудотворце // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук. Т. 2. Одесса, 1922.

СП 1967 – Синайский патерик. М., 1967.

В.И. Макаров

***Р.К. Потапова.* Коннотативная паралингвистика.** М., "Триада". 1998. (2-е изд.) 70 с.

Рецензируемая монография, выполненная при поддержке Международного Научного фонда Сороса, посвящена проблеме выявления, систематизации и описания паралингвизмов – вербальных и невербальных коррелятов различных коннотативных значений, реализуемых в процессе коммуникации (межличностного и межкультурного общения). В работе отражены результаты теоретико-экспериментального исследования автора, проведенного на материале русского, немецкого и английского языков. Концепция автора, являющегося одним из крупнейших специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики, открывает новое направление в изучении паралингвистических коммуникативно значимых явлений.

Работа состоит из "Введения", трех глав ("Теоретические предпосылки исследования", "Задачи, методика и результаты исследования", "The identification of connotative features on the basis of prosodic parameters"), "Заключения" и "Библиографии". Следует подчеркнуть, что в главе на английском языке отражено не только основное содержание двух предыдущих глав, но также представлен новый материал, "озвученный" на международных конференциях под эгидой Международной Ассоциации по судебной фонетике (с Центром в Лондоне), членом которой является автор монографии.

Р.К. Потапова рассматривает речевую коммуникацию как цепочку состояний, в которой производство, передача и прием вербального сообщения являются лишь частью процесса коммуникации в целом. Наряду с акустическим каналом при передаче сообщения используется также и визуальный канал. Вместе с тем по акустическому каналу передается не только лингвистическая, но также и паралингвистическая информация. Таким образом, система человеческого общения – это сложная целостность, включающая вербальный и невербальный каналы коммуникации, которые в разных ситуациях общения взаимодействуют по-разному.

В основном, эта комбинаторика сводится к следующему: а) повторение (невербальная коммуникация дублирует то, что было передано вербально); б) контрадикция (невербальное поведение противоречит вербальному); в) субституция (невербальное поведение выступает вместо вербальных средств передачи сообщения); г) дополнение (невербальное поведение модифицирует или развивает вербальное сообщение); д) акцентирование (невербальное поведение может акцентировать отдельные части вербального сообщения подобно тому, как подчеркивание слов на письме служит их выделению); е) регулирование (невербальное поведение используется для того, чтобы регулировать коммуникативный поток между взаимодействующими индивидами) [Потапова 1997б].

Многочисленные эксперименты показали, что на интерпретацию полученного речевого сигнала адресатом коммуникации оказывает воздействие совокупность явлений "высшего порядка": в некоторых случаях для физически одинаковых речевых стимулов, функционирующих в различных контекстах и ситуациях; были получены разные оценочные реакции, напротив, в ряде других испытуемые были убеждены, что слышали определенный звук, несмотря на то что он был полностью исключен из предъявленного физического речевого сигнала.

Автор монографии подчеркивает, что в настоящее время есть все основания считать, что понимание речи – это активный процесс, результат сложной деятельности слушающего, а не пассивное следствие принимаемого речевого стимула. В дополнение к входному акустическому сигналу слушающий в процессе восприятия и интерпретации речи использует различные источники информации: коммуникативную ситуацию,

вербальный контекст, знания структуры языка (на лексическом, синтаксическом, семантическом, фонологическом уровнях и т.д.), невербальные ориентиры и др.

В монографии указывается на то, что сознание необходимости включения в той или иной форме в сферу лингвистического исследования факторов, непосредственно сопровождающих речь (например, звуковые средства, мимика и жесты), в современном языкознании было сформулировано еще в "Тезисах Пражского лингвистического кружка" [ПЛК 1967]. Теоретически мыслимая речевая коммуникация в "стерильных" условиях сопряжена с экспликацией чисто *логического языка*, где однозначность структуры строго определяет характер информации независимо от любых условий общения. Полное же изучение процессов вербальной передачи информации всегда должно опираться как на лингвистические, так и на нелингвистические (пара- и экстралингвистические) факторы. По определению *Г.В. Колшанского, паралингвистика* является языковедческой дисциплиной, занимающейся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации [Колшанский 1974].

Несмотря на некоторые трудности отграничения паралингвистики от экстралингвистики, можно утверждать, что область экстралингвистики затрагивает функционирование и развитие всей системы языка в целом, как то: взаимодействие жизни общества и языка, культуру народа и языка, влияние межнациональных связей и т.д., в то время как паралингвистические факторы распространяются на определенное конкретное высказывание, формируя его денотативные и коннотативные значения. Одним из важнейших средств паралингвистики является произносительная специфика (фонация, артикуляция, просодия) речевого сообщения. На двоякую роль (лингвистическую и паралингвистическую) произносительных средств, в частности просодии, указывалось ранее [Потапова 1986].

Автор монографии исходит из того, что антропоцентрическое направление в языкознании в наши дни побуждает к более глубокому проникновению в суть соотношения между лингвистическими (фонологическими, лексическими, грамматическими) и паралингвистическими факторами в передаче коннотативных значений речевого сообщения. Коннотация понимается как сумма эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющих на конечный смысл воспринимаемого высказывания. Известна трудность выделения коннотативных значений, что связано прежде всего с тем, что коннотация проявляет себя чаще всего как речевой, а не как языковой феномен. Коннотация не обязательно и не всегда должна трактоваться как субъективное, а потому нерелевантное для коммуникации явление [Потапова 1997б: 67].

В монографии подчеркивается, что сигнификативная функциональная нагрузка коннотации увеличивается особенно в тех случаях, когда лексический корпус и синтаксическая схема высказываний на родном и иностранном языках полностью совпадают. Учет адекватного декодирования коннотативных значений может не только "подкорректировать" интегративный смысл переводимого с одного языка на другой устного речевого высказывания, но и получить на выходе смысл с противоположным знаком (например, высказывание *это так просто*, устная реализация которого сопровождается набором специальных просодических признаков, может быть интерпретировано адресатом как сообщение, смысл которого характеризуется знаком, то есть, как "это совсем не просто" и т.д.).

Паралингвизмы, присущие тому или иному языку, все еще остаются исследованными без всякой систематизации, спорадически, с гипертрофией тех или иных средств, без элемента взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимовлияния. Что же касается просодии как особого паралингвистического средства устного речевого высказывания, то в данном случае особую трудность представляет функциональная дифференциация просодии.

В работе указывается, что в настоящее время в исследованиях по изучению звучащей речи можно встретить такие термины, как "просодия", "просодика" и "просодемика" [Потапова 1986]. Особенно большое разночтение существует в отношении терминов "просодия" и "просодика". Просодия выступает как понятие субстанционального плана, относящееся к физиологофизическим средствам реализации звучащей речи. Характеризуя просодию звучащей речи, обращаются обычно к таким физическим характеристикам речевой волны, как частота основного тона (в Гц), интенсивность (в дБ) и длительность (в мс).

Закрепленность вышеназванных характеристик во всем многообразии их параметров за субстанциональной сферой речевого сигнала позволяет использовать последние применительно к следующим функциональным аспектам: конститутивному, реко-

гнитивному, делимитативному, кульминативному, дистинктивному (дифференцирующему), эмотивному, эмотивно-модальному. Именно такие функции, как эмотивная и эмотивно-модальная в наибольшей степени смыкаются со сферой актуализации паралингвизмов. Однако не разработанными остаются механизмы этой связи и субстанционально-функциональная выраженность просодии в коннотативном ключе.

Серьезной проблемой, по мнению автора монографии, следует считать проблему отграничения в сфере просодии чисто лингвистических особенностей как структурных черт языка от всех видов "нелингвистической" просодии как системы признаков, относящихся к неязыковой информации. При этом далеко не ясно, какова модель соотношения лингвистической и паралингвистической просодии: а) за счет дополнительного увеличения просодических признаков? б) путем компенсации одних признаков другими? и т.д.

Если же рассматривать сегментные (фонационно-артикуляторные) особенности, связанные с паралингвистикой, то можно предположить, что речевые фонация и артикуляция также дифференцируются в функциональном аспекте. В данном случае особая роль принадлежит сегментному тембру, коррелирующему со спектральной структурой звуковых сегментов.

Паралингвистическая кинесика (мимика, жесты) также может рассматриваться как составляющая компонента вербальной коммуникации. Следовательно, паралингвистическая кинесика, являясь некоторой семиотической подсистемой поведения человека со своими специфическими признаками, и непосредственно и опосредованно связана с языковой структурой.

Небезынтересным, с точки зрения автора монографии, представляется отграничить в ходе исследования универсальные зоосемиотические признаки кинесики от этнически вербально обусловленных и имеющих паралингвистическую функциональную нагрузку признаков.

Экспериментальный раздел охватывает исследование произносительных паралингвистических средств передачи эмоциональных и модальных коннотаций применительно к ряду языков: русскому, английскому, немецкому и т.д. [Потапова 1978; 1989; 1990].

Данные экспериментов показывают, что наиболее однозначно с минимальным числом коннотативных значений носителями немецкого и русского языков интерпретируются такие императивные действия, как "приказ" и "мольба". Наибольшие расхождения в субъективной оценке сообщений и наибольшее число коннотативных значений имеют императивные действия "просьба" и "требование". Интерпретация одного и того же сообщения, содержащего просьбу, для носителей немецкого языка содержала такие коннотативные значения, как 'извинение', 'привлечение внимания', для носителей же русского языка – 'упрашивание', 'требование'. Для последних "просьба" связана с большей настойчивостью, большим психологическим давлением, иногда категоричностью. Ведущим произносительным паралингвистическим средством для выражения коннотативных значений выступает просодическая организация речевого высказывания, а среди средств просодии – акцентная выделенность. Просодическая акцентная выделенность сопряжена с индивидуальными коннотациями, возникающими в сознании реципиентов при восприятии сообщения.

Как подчеркивает автор, паралингвистическую вариативность речевого высказывания можно рассматривать как функцию концептуальной установки говорящего. При этом элементы просодической структуры не равноценны в передаче коннотативных значений. Интерпретационная вариативность "пронизывает" все речевое высказывание и может проявляться в ряде произносительных признаков: а) эмфатическом удлинении / укорочении синтагм; б) функциональных сдвигах в дистрибуции синтагморазделов; в) перераспределении функций между паузальными контрастами; г) смещении тональных регистровых границ фраз и микротематических единств; д) расширении/сужении диапазональных границ фраз и микротематических единств; е) чередовании статических и кинетических направлений движения тона; ё) упрощении/усложнении тонально-функциональных значений; ж) усложнении / упрощении ритмосхемы за счет сдвигов в последовательности сильных и слабых ударных позиций; з) перераспределении частотных динамических, темпоральных максимумов и минимумов в синтагматике.

Произносительные паралингвистические средства непосредственно связаны с эффектом воздействия речевого сообщения [Потапова 1990]. Воздействие звучащего текста находится в прямой зависимости от использования арсенала средств всех уровней языка, которые формируют прагматическую структуру текста и образуют функционально-семантическое поле воздействия. Воздействующая информация экспрессивно окрашена и условно распадается на эмоцио-

нальную, оценочную и рациональную. Произносительные паралингвистические средства, формирующие коннотативные значения, наитеснейшим образом связаны с функцией эмоционально-воздействующего характера. К числу просодических признаков, маркирующих первый член оппозиции "эмоционально-воздействующая информация – рационально-воздействующая информация", могут быть отнесены: а) повышение тонального уровня, увеличение уровня громкости, увеличение темпа произнесения тематического пика по сравнению с фоном; б) повышение тонального уровня, расширение тонального диапазона, увеличение темпа произнесения рематического пика по сравнению с фоном; в) отсутствие контраста между просодическими показателями темы и ремы; г) резкое повышение тонального уровня, резкое расширение тонального диапазона, средний уровень громкости, уменьшение темпа произнесения рематического состава по сравнению с тематическим; д) наличие контраста между просодическими показателями темы и ремы.

Опираясь на концепцию формирования "удвоенной" языковой личности при подготовке переводчиков-билингвов [Халеева 1990], следует дополнительно учитывать не только специфику языкового материала и фоновых социокультурных знаний, но также и специфику соотношения между лингвистическими и паралингвистическими средствами передачи коннотативных значений речевого сообщения в различных языках мира.

Как заключает автор, на сегодняшний день еще не достаточно исследованы принципы взаимодействия интра- и интерпаралингвистических средств при формировании коннотативных значений речевого высказывания. Малая степень разработанности проблемы еще в большей степени относится к сопоставительному межъязыковому аспекту. В зависимости от характера используемых паралингвистических средств механизм декодирования речевого высказывания может различаться как по структуре умозаключения, так и по затрате времени для получения однозначного решения. Паралингвистические (фонационно-артикуляторные, просодические, кинетические) средства не имеют грамматической функции, а относятся к ситуации в целом, выполняя роль смысловой поддержки. Как указывалось ранее, если рассматривать процесс конечной (результирующей) интерпретации вербального сообщения в акте коммуникации с учетом обоих каналов (лингвистического и паралингвистического), то можно предположить, что интерпретация чисто вербальной информации и интерпретация околовербальной (паралингвистической) информации образуют своеобразное сложное единство, декодирование которого в акте коммуникации зависит от факторов, обусловленных наличием двух основных моделей: сугубо лингвистической модели и общей модели поведения.

Для теории и практики лингвистики значительным представляется исследование способа включения паралингвистических средств в процесс вербальной коммуникации. Конечной целью подобного исследования должно быть выявление специфики подсистем (лингвистической и паралингвистической) в передаче коннотативных значений применительно к языковой системе конкретного языка и в сопоставительном ключе для ряда языков.

Основная задача рецензируемого исследования заключалась в выявлении и определении специфики паралингвистических (произносительных и кинетических) средств передачи коннотативных значений устного речевого сообщения, что предполагало решение ряда конкретных задач, в том числе: а) определение набора паралингвистических средств (паралингвизмов), подлежащих анализу; б) выявление взаимодействия паралингвистических средств для выражения коннотативных (эмоционально-модальных) различий применительно к каждому из исследуемых языков; в) проведение паралингвоконтрастивного анализа полученных данных; г) проведение экспериментов, предполагающих обращение к языковому сознанию информантов-носителей каждого из исследуемых языков; д) определение системы паралингвистических признаков, соотносимых с набором коннотативных значений (применительно к эмоциональной и эмоционально-модальной текстовой деятельности информантов); е) определение дифференциальных признаков конкретных типов интерпретационных коннотативных вариантов; ё) поиск универсалий применительно к механизмам и характеру передачи коннотативных значений с помощью паралингвистических средств; ж) выявление системы паралингвизмов, их структурного соотношения.

В результате проведения исследования прогнозировалось получить: 1) конкретный набор произносительных и кинетических паралингвистических средств (паралингвизмов) при передаче коннотативных эмоциональных и эмоционально-модальных значений применительно к сопоставляемым репрезентантам славянской и германской групп языков; 2) модель соотношения пара-

лингвистических средств, служащих для передачи коннотативных значений; 3) типологию паралингвистических признаков коннотативных значений в текстовой деятельности первичной и вторичной языковой личности.

По мнению автора монографии, для определения составляющих коннотативного значения представлялось целесообразным провести предварительный эксперимент, целью которого было выявление возможности субъективной номинации наличия эмоционально-модальных коннотаций применительно к устным речевым высказываниям. Для решения данной задачи был проведен слуховой (аудитивный) анализ речевых высказываний, идентичных по своему фонемному составу, лексическому наполнению, синтаксическому построению и ритмической структуре. Таким образом, единственным признаком, различающим эти высказывания, было наличие тех или иных коннотативных значений, соотносящихся с эмоциональными или эмоционально-модальными коннотативными значениями. Эксперимент проводился на материале русского, английского и немецкого языков.

Слуховой анализ (на материале русского языка – совместно с Л.П. Блохиной) проводился поэтапно. На первом этапе перед аудиторами-носителями вышеперечисленных языков стояла задача, заключающаяся в определении самой номинации коннотативного значения, присущего анализируемому высказыванию. Конечной целью эксперимента на данном этапе работы было выявление инвентаря возможных коннотативных значений, соотносимых с эмоциональной и эмоционально-модальной окраской высказывания.

На втором этапе перед аудиторами ставилась более сложная (дифференцированная) задача, конечной целью решения которой являлось описание просодических признаков, с помощью которых формировалось то или иное коннотативное значение на субъективном уровне слуховой перцепции.

Группе аудиторов (n = 10) предлагалось прослушать 300 экспериментальных фраз и дать определение каждому услышанному стимулу в плане его соотнесения с тем или иным коннотативным значением эмотивного характера. В случае особых затруднений аудиторам разрешалось описать эмоциональное состояние говорящего в терминах дополнительных оценочных признаков.

В результате проведения слухового анализа был получен перечень наименований, которые присваивались аудиторами той или иной эмоционально окрашенной фразе исключительно с опорой на просодию. Весь перечень номинаций был разбит на три класса: I класс наименований отражал физическое состояние; II класс наименований передавал духовный настрой говорящего с элементами модальности; III класс наименований характеризовал эмоциональное состояние говорящего.

Задача эксперимента на следующем этапе состояла в выявлении воспринимаемых качеств просодии, характерных для различных коннотативных значений. Для проведения субъективного анализа из общего количества фраз было отобрано 36 (20 двусинтагменных и 16 односинтагменных) в произнесении пяти дикторов. К отбору экспериментальных фраз предъявлялись следующие требования: а) высокий процент субъективного опознавания фразы как принадлежащей к определенной коннотативной группе; б) технически удовлетворительное качество записи фразы.

Перед аудиторами были поставлены задачи: 1) определить число выделенных слогов; 2) произвести ранжировку выделенных слогов по степени их выделенности; 3) определить направление движения и характер изменения мелодики в выделенных слогах фразы. Параметры для аудиторского анализа были выделены такие: а) громкость (*большая, средняя, малая*); б) темп (*быстрый, средний, медленный*); в) высотный диапазон (широкий, средний, низкий); г) высотный уровень (высокий, средний, низкий); д) высотный контур (плавный, изрезанный, монотонный); е) направление движения тона в завершении фразы (тип каденции): восходящее – резкое, плавное, ровное; нисходящее – плавное, резкое.

Аудитору предлагалось из этого набора параметров отобрать соотносимые с тем или иным коннотативным значением. При этом фразы предъявлялись попарно: одна – с коннотативным эмотивным значением, другая – без коннотативного эмотивного значения. При обсуждении результатов учитывались только те случаи, когда более 60% аудиторов были едины в оценке той или иной анализируемой характеристики.

В результате исследования было установлено, что система паралингвизмов распадается на две подсистемы: а) паралингвизмы, связанные с эмотивными коннотативными значениями, передающими наиболее однозначно определяемые эмоции гнева, страха, радости и т.д.; б) паралингвизмы, относящиеся к различным эмоционально-модальным коннотативным значениям, но-

сящим менее дискретный характер (например, категоричность, настоятельность, заинтересованность и т.д.). Обе подсистемы включают ряд просодических параметров, позволяющих идентифицировать то или иное коннотативное значение.

Наряду с супрасегментными подсистемами произносительных паралингвизмов были исследованы сегментные подсистемы. В связи с этим анализировались спектральные и спектрально-временные параметры вокализма и консонантизма. Результаты исследования позволили установить наличие прямой зависимости между наличием/отсутствием того или иного коннотативного значения, с одной стороны, и наличием/отсутствием определенных акустических коррелятов на сегментном уровне, с другой. К наиболее информативным параметрам автор относит деформацию спектров гласных (смещение спектральной энергии в область низких или высоких частот), расширение или сужение спектральной картины гласных, зашумленный характер спектрального "изображения" гласных, изменение энергетической насыщенности формантных областей гласных, а также глухих щелевых согласных, наличие/отсутствие дополнительных частот в спектре звука.

Найденные в ходе исследования характеристики были сходны для речевых реализаций высказываний на материале русского, английского и немецкого языков, что указывает на их единый причинно-следственный механизм порождений. Ведущие эмотивные коннотативные значения "гнев", "радость", "страх" коррелировали по наличию различающих их акустических характеристик с такими соподчиненными коннотативными значениями, как "недовольство", "осуждение", "злорадство", "удовольствие", "благожелательность", "ущербность", "скрытность" и т.д.

Автор отмечает, что супрасегментная и сегментная подсистемы произносительных паралингвизмов коррелируют с категориями "положительный – отрицательный", "сильный – слабый", которые в свою очередь восходят к двум кардинальным дихотомиям: "Я и партнер по коммуникации", "Я и окружающий мир" – (действительность, ситуация, события). В первом случае коннотативные значения, реализуемые средствами произносительной паралингвистики, порождены такими механизмами межличностного общения, как симпатия – антипатия, одобрение – неодобрение. Во втором случае все события, ситуации и т.д. оцениваются говорящим (адресантом) с точки зрения их желательности – нежелательности, с благоприятным – неблагоприятным конечным исходом.

Каждая из составляющих оппозиции "симпатия – антипатия" (применительно к дихотомии "Я и партнер по коммуникации") соотносится с целой палитрой коннотативных значений:

а) симпатия = одобрение, уважение, благоговение, восхищение, радость от общения, предупредительность в действиях, готовность помочь, открытость, удовольствие от общения, дружелюбие, нежность, любовь и т.д.;

б) антипатия = неодобрение, пренебрежение, презрение, неуважение, неудовольствие, замкнутость, предвзятость, предубеждение, отсутствие радости при общении, способное перейти в состояние раздраженности, гнева, гневливости, злорадства, ненависти, скепсиса, сарказма, отвращения и т.д.

Произносительные паралингвизмы, по мнению автора монографии, носят универсальный общебиологический, физиологический и психологический характер, что существенно облегчает их декодирование в акте коммуникации вообще и при интерпретации устных речевых высказываний при переводе с одного языка на другой, в частности. Однако их адекватная интерпретация предполагает знание признаков всех коннотативных значений. Вместе с тем есть и внутренние межъязыковые различия, которые относятся, главным образом, к более тонким структурным соотношениям применительно к таким параметрам, как максимальные мелодические значения на слогах, несущих фразовые ударения, внутрислоговые мелодические изменения, максимальные и минимальные энергетические участки высказывания, временные реализации слогов и их составляющих.

Все названные результаты принадлежат к общему типу вербальных паралингвизмов. Если же затронуть невербальный компонент коммуникации, то, как указывает Р.К. Потапова, в данном направлении ведется неизмеримо меньше исследований. Ею был проведен эксперимент с обращением к испытуемым – носителям немецкого языка. Рассматривались коннотативные значения всевозможных императивных действий мольбы, просьбы, приглашения, увещевания, предложения, напоминания, требования, указания, приказа. В ходе эксперимента фиксировались и описывались невербальные паралингвизмы, коррелирующие с коннотативными значениями императивности; наблюдались также различия по половому цензу.

Автор монографии подчеркивает, что невербальные паралингвизмы способствуют более точному декодированию смысла речевого высказывания, дополняя и уточняя передаваемые вербальными средствами коннотативные значения. Исследования в этой области делают еще только первые шаги и нуждаются в дальнейшем расширении и углублении. Кроме того, они напрямую связаны с культурологическими и этнографическими изысканиями.

Рецензируемая монография, являясь небольшой по объему, содержит результаты обширного эксперимента, которые отражены в работе в емкой и оптимально информативной форме. Автор демонстрирует оригинальный подход к изучению коннотативных паралингвизмов, формулирует ряд удачных, с нашей точки зрения, дефиниций в данной области знаний, предлагает нетривиальные пути разработки проблемы на последующих этапах исследования. Думается, что рецензируемая монография является по праву ценным вкладом в теорию языкознания в целом и теорию речеведения, в частности. Монография представляет, несомненно, большой интерес для специалистов самых разных научных и практических дисциплин лингвистического и нелингвистического плана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колшанский Г.В. 1974 – Паралингвистика. М., 1974.

Потапова Р.К. 1978 – О составляющих временного эмотивного признака // "Речь, эмоции и личность". Л., 1978.

Потапова Р.К. 1986 – Слоговая фонетика германских языков, М., 1986.

Потапова Р.К. 1989 – Временные корреляты речи испытуемых в различных эмоциональных состояниях // Возможности судебной видеофонографической экспертизы. М., 1989.

Потапова Р.К. 1990 – Фонетические средства оптимизации речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Потапова Р.К. 1997а – Коннотативная паралингвистика. 1-е изд. М., 1997.

Потапова Р.К. 1997б – Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М., 1997.

ПЛК 1967 – Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Халеева И.И. 1990 – Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1990.

М.М. Маковский

№ 4 1999

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 8 по 11 сентября 1998 г. в г. Волгограде проходила VIII Международная конференция по ономастике Поволжья, организованная Волгоградским государственным педагогическим университетом, Институтом этнологии и антропологии РАН и Волгоградским отделением Российского фонда культуры. Свое приветствие участникам конференции направили директор ИЭА РАН проф. В.А. Тишков, президент Российского фонда культуры Н.С. Михалков, архиепископ Волгоградский и Камышинский Герман (Тимофеев).

На первом пленарном заседании К. Хенгст (Лейпциг, Германия) сделал доклад о древнеевропейских гидронимах у восточных славян, в котором на основе исследования русской гидронимии были рассмотрены наименования водных объектов, как предполагается, древнеевропейского происхождения.

Выступление К. Хенгста было органично продолжено докладом Н.В. Васильевой (Москва) о термине и понятии *древнеевропейские гидронимы*. Обсуждаемый термин рожден в рамках теории древнеевропейской гидронимии, автором которой является немецкий индоевропеист Х. Краэ. Автор подчеркнула, что вовлечение восточнославянского ареала существенно расширяет рамки этой теории.

Второе пленарное заседание было посвящено памяти проф. Венедикта Федоровича Барашкова. В выступлении В.И. Супруна (Волгоград) было отмечено, что благодаря усилиям этого ученого поволжские ономастические конференции стали регулярными и обрели статус международных. Выступающий выразил надежду, что научное наследие и общественная деятельность В. Ф. Барашкова будут подробно проанализированы и описаны.

Э.Л. Дубман (Самара) рассказал о деятельности обширной исследовательской группы, научное руководство которой осуществлял В.Ф. Барашков. Ученые занимались изучением топонимов Самарской и Ульяновской областей. В основу совместной работы филологов, историков, экологов, археологов, этнографов легла единая методика исторических и лингвистических изысканий. По результатам исследовательской деятельности была опубликована коллективная монография "Топонимика Самарской области" (1996), в написании которой принимал участие и В.Ф. Барашков.

Р.И. Кудряшова (Волгоград) обратила внимание на большой вклад В.Ф. Барашкова в *региональную лингвистику*. Итогом работы ученого с архивными материалами, собственных длительных наблюдений стали его книги о говорах Ульяновской области, об особенностях народной речи.

К. Хенгст, знакомый с работами В.Ф. Барашкова, высоко оценил исследования ученого в области топонимии и гидронимии Поволжья. Р.Ш. Джарылгасинова (Москва), говоря о значении научной и педагогической деятельности В.Ф. Барашкова, высказалась за необходимость издания полной библиографии трудов исследователя.

Третье пленарное заседание было посвящено обсуждению проблем истории славянской ономастики, теории науки об именах собственных и некоторых ее частных вопросов. Ст. Вархол (Люблин, Польша) в докладе о значении зоонимии для изучения проблем славянского этногенеза отметил, что изучение зоонимической лексики позволяет установить границы расселения праславян на территории Европы. Анализ более 120.000 народных кличек животных показывает, что праколыбелью славян около V века до н.э. была территория современной центральной и западной Украины, восточной, центральной и южной Польши, а

также части северо-восточной Словакии. На картах, составленных ученым, фиксируются древнейшие зоонимические единицы, прежде всего клички коров, волов, коней, овец. К этому периоду относятся и архаичные суффиксальные форманты, участвующие в зоонимообразовании: *l, *n, *ch, *v в составе суффиксов *ulja, *olja, *ana, *onja, *unja, *acha, *ucha, *cha, *ava. Люблинский профессор считает, что народные зоонимы являются существенным дополнением к исследованию этногенеза славян.

Доклад Л.А. Сараджевой (Волгоград) был посвящен выявлению методом внутренней реконструкции первоначальных значений целого ряда известных гидронимов (*Дон, Днепр, Дунай* и др.) и топонимов (*Киев, Щекавица, Хоревица* и др.) славянского ономастического пространства. Выделены следующие модели метонимического переноса: мифоним – гидроним, мифоним – топоним, мифоним – ороним.

Предметом рассмотрения доклада Р.Ш. Джарылгасиновой стала ономастика Кореи в сочинении И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада"», где есть описания корейских прибрежных деревень, быта, занятий, одежды и др.

Л.Б. Селезнева (Волгоград) в докладе о тождестве и различии имен собственных и нарицательных нетрадиционно подошла к проблеме. Она проанализировала значение имени собственного как неодноаспектной категории, выявила и сформулировала сигнификативное, синтагматическое, парадигматическое и прагматическое значение имени собственного, сделав вывод о тождестве сигнификатов однорядовых имен собственных и имен нарицательных и нетождестве структурного и прагматического компонентов значений.

В докладе Л.Б. Карпенко (Самара) рассматривалось происхождение имен букв первого славянского алфавита. Было предложено объяснение значений имен букв в свете теории имен и символов как инструментов Богопознания, которая обсуждалась отцами Восточной церкви – предшественниками св. Кирилла.

Й. Свободова (Пльзень, Чехия) отметила общие черты образования и употребления топонимов на территории Чехии, возникновение которых связано с длительным процессом колонизации страны, уделив особое внимание топониму *Пльзень* и пльзеньским гидронимам.

Четвертое пленарное заседание было посвящено анализу проблем древней и современной топонимии и вопросов семантики. В.Н. Попова (Шымкент, Казахстан) остановилась на функционировании и значении евразийского гидроэтнонимического форманта *ас*. Этот раннесредневековый формант был обнаружен автором в составе гидронимов Южного Казахстана и Средней Азии, а затем продолжение его ареала на юго-востоке Европы (*Аспара, Манас, Талас, Арас, Астрахань, Азов, Яссы* и мн. др.).

Н.Ф. Алефиренко (Волгоград) предложил вниманию участников конференции доклад о природе ономастической семантики. В рамках лингвофилософской парадигмы семантика онимов и апеллятивов противопоставляется как логическая оппозиция "единичное – общее", что обусловливает в речемыслительной парадигме необходимость осмысления природы ономастической семантики в терминах, соотносящих онимы с соответствующими номинантами (референт, денотат, сигнификат).

А.Л. Шилов (Москва) в своем докладе констатировал, что имеющиеся этимологии топонимов *Шелдомеж* и *Шелтозеро* неудовлетворительны. Указанные названия принадлежат к большой группе топонимов, ареал которых покрывает территории нынешнего и былого проживания народов, говорящих на финно-волжских языках (прибалтийские финны, летописная чудь заволочская, меря, мещера). Автор полагает, что эти онимы имеют в составе древнефинскую основу с семантикой гладкости, ровности.

Е.А. Керимбаев (Шымкент, Казахстан) сообщил о новом подходе к этимологизации древнейших гидронимов. Древнейшие топонимы, считает ученый, фонетически мотивированы, что может быть прослежено на примере звукоизобразительной корневой морфемы *сыр/сір* в гидрониме *Сырдарья*. Применяемый исследователем новый подход в этимологизации древних топонимов позволяет вскрыть генетически начальный слой в топонимии.

Г.В. Мадиева (Алматы, Казахстан) рассмотрела вопросы образования русских гидронимов в Восточном Казахстане и обосновала свой вывод об отражении последовательности расселения русских и их культурно-языковых контактов с автохтонным населением страны в появлении русских названий водных объектов. Особо были выделены собственно русские гидронимы, образованные от русских основ по законам русского словообразования.

Языковая игра в ономастической номинации (на материале названий предприятий и средств массовой информации) была пред-

метом рассмотрения в докладе И.В. Крюковой (Волгоград). Процесс создания новых названий предприятий (эргонимов) и средств массовой информации (гемеронимов) анализировался с позиций прагмалингвистики, и было выделено три составляющих анализируемой языковой игры (игра с внутренней формой слова, с внешней формой, с помощью графики и орфографии).

На заключительном пленарном заседании было продолжено обсуждение вопросов периферийных разделов ономастики и прагмалингвистического рассмотрения функций имен собственных. Т.П. Романова (Самара) анализировала современные процессы в российской эргонимии, выявила типологию собственных наименований коммерческих организаций с точки зрения выполнения ими трех основных функций: номинативной, информативной и рекламной – и предложила критерии оптимизации типов наименований.

Функции антропонимов в политическом дискурсе рассматривались в докладе Е.И. Шейгал (Волгоград). Антропонимы – имена известных политических деятелей являются ключевыми знаками политического дискурса, обладающими многослойной семантикой. Особая семантическая емкость политического антропонима создается за счет признаков ассоциативной зоны имени, включающих, в частности, такие компоненты как "имидж" политика, политическая "интрига", языковые рефлексы деятельности политика. Автором отмечена специфика функций антропонимов в политическом дискурсе: замещение номинации по статусу, репрезентативная, символическая, аргументативная, эмотивная, мифическая функции, функции отчуждения и вербальной агрессии.

Одной из актуальных теоретических проблем ономастической лингводидактики является проблема становления и развития ономастикона в онтогенезе. Об этом шла речь в докладе Е.Л. Овчинниковой (Волгоград) об особенностях структуры ономастикона языковой личности. В процессе исследования ономастикона учащихся начальных классов методом свободного ассоциативного эксперимента выявлено, что ономастические единицы лексикона взаимодействуют с единицами фонематического, словообразовательного, синтаксического уровней, а также входят в различные семантические, ассоциативные поля, тематические, денотативные или референтные группы.

На конференции состоялись заседания шести секций. На секции общих проблем ономастики отметим выступление Л.М. Дмитриевой (Барнаул), которая говорила об особенностях формирования топонимической системы Алтая, в частности о влиянии переселенческого движения из Европейской России и Украины в начале XX века.

Заинтересованно работала секция антропонимики, на которой П. Злотковский (Люблин, Польша) в своем докладе проанализировал польско-восточнославянские гибридные фамилии жителей браньского староства в XVI–XVIII вв. На этой территории осуществлялась языковая и культурная польско-восточнославянская интерференция. В докладе проанализированы структура и этимология определений, стоящих при имени, которые в тот период еще не были фамилиями в современном понимании этого слова. Доклад Т.Н. Весовой (Волгоград) касался некоторых аспектов имянаречения в казачьей среде во второй половине XIX века.

Содержательная дискуссия состоялась на заседании секции литературной ономастики. В сообщении В.В. Бардаковой (Волгоград) отмечалось разнообразное использование потенциала семантически "непрозрачных" собственных имен как выразительных элементов поэтического языка, говорилось о большой функциональной нагруженности и фонетической выделенности имен в поэтической речи. Доклад И.А. Петровой (г. Михайловка Волгоградской обл.) был посвящен рассмотрению употребления имен собственных в фольклорном тексте. И.Б. Воронова (Волгоград) подготовила сообщение об отражении экстралингвистической информации в художественной ономастике. Исследовательница отметила, что ономастические единицы являются носителями авторских идей и оценок, характеризуются стилистической весомостью, актуализируют обширный пласт сведений экстралингвистического характера.

В сообщении Г.Ж. Бекпатшаевой (Шымкент, Казахстан) о восточнославянских ойконимах Южно-Казахстанской области, сделанном на заседании секции топонимики, отмечалось, что русские привнесли в Южный Казахстан свои излюбленные способы называния географических объектов, но эти способы претерпели некоторые изменения под воздействием живущих здесь казахов. Темой сообщения Е.А. Васильевой (Астрахань) стали ранние топонимы Нижнего Поволжья. Исследовательница сделала вывод о том, что богатейшая топонимия Астраханской области изучена

недостаточно и неравномерно, особенно это касается поселений, возникших на самых ранних этапах российской колонизации края.

На секции гидронимики и микротопонимики Р.И. Кудряшова рассказала о микротопонимах населенных пунктов Волгоградской области, основываясь на данных диалектологических экспедиций студентов ВГПУ. Местные названия географических объектов связываются с именами первопоселенцев, указывают на время заселения, в них отражаются характер местности, местные обычаи. Зафиксированы оценочные названия, неофициальные микротопонимы.

Плодотворно прошло заседание секции периферийных разрядов ономастики. В.А. Буряковская (Волгоград) рассмотрела деривационный потенциал английских и немецких этнонимов. Антропонимы в составе названий музыкальных произведений анализировались в докладе Е.А. Бурмистровой (Волгоград). Журналист и краевед В.И. Весов (г. Городище Волгоградской обл.) сообщил об истории слова *манзурок,* отмеченного на берегах Хопра.

На закрытии конференции с подведением итогов работы выступили председатели секций, была принята резолюция VIII Поволжской ономастической конференции.

Тезисы конференции опубликованы: См.: Ономастика 1998 – Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград, 8–11 сент. 1998 г./Отв. ред. и сост. В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 1998. – 192 с.

В.В. Бардакова, В.И. Супрун (Волгоград)

5–7 октября 1998 г. в Москве, в Институте востоковедения РАН, прошла научная конференция "Языки стран Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований", организованная Отделом языков Института и приуроченная к 40-летию со времени создания Отдела*.

Конференцию открыл председатель Оргкомитета конференции В.М. Алпатов (Москва). С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился директор ИВ РАН Р.Б. Рыбаков, подчеркнувший большое значение исследовательской работы Отдела в комплексной научной работе всего Института востоковедения РАН. С приветствием участникам конференции выступил заведующий кафедрой ИСАА при МГУ В.В. Ремарчук. На пленарном заседании было зачитано письменное приветствие директора Института языкознания РАН, члена-корреспондента РАН В.М. Солнцева.

Большое внимание на конференции было уделено анализу итогов многолетних теоретических и практических трудов сотрудников Отдела языков и выявлению места и роли этих трудов в общей парадигме отечественного востоковедного языкознания.

Доклад А.О. Тамазишвили (Москва), основанный на архивных документах, представил конференции предысторию развития языковедения в ИВ РАН СССР в 1950–1957 гг. В докладе В.М. Алпатова (Москва) был дан обзор и анализ истории создания и развития Отдела языков, основных направлений исследований в нем: создание больших словарей и грамматик языков народов Азии и Африки, выпуск серии очерков, включающей описания малоизученных языков, развитие теории и методологии общего языкознания на материале восточных языков в области типологии, компаративистики, социолингвистики, автоматического перевода. В докладе отмечена также научно-организационная роль Отдела языков в области организации международных и всесоюзных симпозиумов и конференций, лингвистических экспедиций и подготовки научных кадров. Вместе с тем с большим беспокойством отмечалась тенденция к сокращению притока молодых ученых и, как следствие, сокращение целых научных направлений.

Доклад Т.Я. Елизаренковой (Москва) был посвящен задачам изучения санскрита в Отделе языков как одного из важных аспектов человеческой цивилизации. В.А. Чернышев (Москва) остановился на больших достижениях в отечественной индологии в области изучения современных языков Индии за последнее столетие. И.В. Самарина (Москва) охарактеризовала развитие вьетнамского язы-

* Конференция организована при финансовой поддержке гранта РГНФ № 98-04-14036.

кознания в советском и российском востоковедении. Необходимо подчеркнуть, что в докладах и Т.Я. Елизаренковой, и В.А. Чернышева, и И.В. Самариной также прозвучала тревога за будущее таких важнейших направлений отечественного языкознания, как санскритология, изучение новых индоарийских и других восточных языков из-за угрозы прекращения исследований в связи с недостаточным финансированием, что может привести к отсутствию научной смены и утрате традиции.

Вместе с тем конференция показала, что в Отделе языков набирает силу новое перспективное направление – компьютерное моделирование восточных языков. Коллективный доклад З.М. Шаляпиной, Л.С. Модиной, М.И. Кановича, В.И. Любченко (Москва) осветил проблемы и перспективы автоматического перевода с японского языка на русский (система ЯРАП). Разрешены проблемы графических и многих собственно языковых особенностей и различий в строе двух языков. К 1998 г. создана базовая лексико-морфологическая версия экспериментального комплекса ЯРАП для моделирования и верификации различных путей решения этих проблем.

Большое количество докладов было посвящено результатам научных исследований и рассмотрению актуальных проблем восточного языкознания.

Открывая заседание секции по типологии, Н.Ф. Алиева (Москва) подчеркнула значение работы Отдела языков, открывшей новое направление в восточном языкознании – изучение языков Юго-Восточной Азии.

В.И. Подлесская (Москва) на основе когнитивного подхода к некоторым полипредикативным конструкциям в языках разных типов объяснила их функционально-типологическое сходство общей схемой иерархических отношений между участниками акта коммуникации. Э.Н. Мишуров (Москва) на материале восточных языков разных типов показал реальное существование в них "промежуточных" единиц, затрудняющих последовательное системное описание и классификацию языковых фактов. В докладе поставлен вопрос о том, что по своему фактическому функционально-формальному статусу такие единицы относятся к онтологическим аспектам устройства естественного языка и типологически релевантны для всех языков мира. В докладе Т.Г. Погибенко (Москва) в диахроническом аспекте рассмотрен процесс грамматикализации полипредикативных конструкций от паратаксических к гипотаксическим и развитие соответствующих показателей. Н.Р. Сумбатова (Москва) выделила ряд западноафриканских языков, характеризующихся грамматическими или грамматикализованными средствами маркировки коммуникативного выделения – особыми формами глагола, местоимения и энклитиками. Доклад Л.И. Шкарбан (Москва) освещал наиболее общие черты грамматического строя и типологии тагальского языка. Было показано, как общая грамматическая специфика тагальского языка отражается в особенностях отдельных конкретных явлений его грамматики, таких, как реципрокальные конструкции. В докладе о лхасском диалекте тибетского языка И.Н. Комарова (Москва) дала развернутую типологическую характеристику диалектов тибетского языка, определив в целом его строй как агглютинативно-флективный и аналитико-синтетический, т.е. как язык политипологического статуса.

Результаты исторических и сравнительно-исторических исследований древних и современных языков Азии также нашли отражение на конференции. Д.И. Эдельман (Москва) в докладе о табуированных названиях животных в иранских языках Центральной Азии раскрыла различные пути пополнения лексического фонда конкретных языков, источники заимствований, подчеркнув ценность данного пласта лексики для изучения материальной и духовной жизни народов. Доклад А.Ю. Милитарева (Москва) был посвящен этимологии библейских лексем, обозначающих понятие "человек, человечество", "кровь" и "земля, почва". Случайное фонетическое сходство трех слов и возникшая омонимия использованы в священном тексте как основание для идеи сотворения человека, единства происхождения всех людей, связанное с землей и кровью. А.А. Сигорский (Москва) поставил вопрос о необходимости нескольких направлений в сравнительно-историческом изучении языка хинди: синхронное и диахроническое описание типологии языка хинди и его диалектной базы, установление соотношения внутренних и внешних факторов его развития, использование метода внутренней реконструкции на материале литературного языка и диалектов. В докладе С.А. Бурлак (Москва) на большом материале показано, что так называемые "беглые гласные" в тохарских А и Б языках являются рефлексами праязыковых редуцированных гласных. Доклад А.Г. Беловой (Москва) был посвящен этимологическим проблемам арабского

языка; были выделены основные условия возникновения корневой омонимии: редукция прасемитских фонем, переразложение древнего двухсогласного корня с древним аффиксом, метатеза корневых согласных, утрата различающего вокализма, переразложение заимствований. А.И. Коган (Москва) сформулировал основные задачи сравнительно-исторического изучения малоизвестной группы дардских языков: использование метода глоттохронологии, типологической верификации реконструированных форм, уточнение внутренней классификации дардских языков на основе разграничения генетических и ареальных черт.

Большое внимание на конференции было уделено отдельным проблемам фонетики и грамматики. В коллективном докладе Б.В. Поспелова, К.И. Долотина и М.И. Каплуна (Москва) был поставлен вопрос о преимуществах аналитического и экспериментального методов исследования лингвистически и экстралингвистически обусловленной вариативности стандартных китайских тонов. Г.Ш. Шарбатов (Москва) показал на сравнительном материале процесс фонологизации заимствованных согласных в системе арабских обиходно-разговорных языков. В докладе И.Б. Иткина (Москва) была вскрыта система морфонологических правил, регулирующих закономерности гармонии гласных в корневых и некорневых морфемах уйгурского языка. Б.Я. Островский (Москва) говорил о морфологических способах выражения категории тональности в личных глагольных формах языка дари. О.Г. Ульциферов (Москва) показал, что более глубокое изучение морфологических и синтаксических явлений современного литературного хинди требует ввести новые морфологические и синтаксические понятия в области глагольных форм, пограничных морфосинтаксических конструкций, а также понятие топиковой конструкции в структуре предложения. Ю.А. Рубинчик (Москва) в своем докладе сообщил об итогах работы по созданию "Грамматики современного персидского литературного языка", отметив растущие различия между классическим и современным языком. Н.В. Солнцева (Москва) подчеркнула научный вклад Н.Н. Короткова в изучение морфологии китайского языка, показав все трудности выделения морфологических категорий в языках изолирующего типа. Е.И. Шутова (Москва) предложила свое понимание фундаментальных положений общего языкознания и его приложение к материалу китайского языка с учетом его моно- и полисиллабизма. В докладе О.В. Столбовой (Москва) на большом иллюстративном материале были показаны типы образования форм множественного числа в языке кирфи (западная группа чадских языков) и отмечена тенденция к аналитическим способам выражения.

Многие доклады были посвящены проблемам синтаксиса. Б.А. Шитов (Москва) описал способы обособления детерминантов в предложении литературного арабского языка и их зависимость от своей позиции в предложении. На сопоставительном материале арабского и русского языков В.А. Рахтеенко (Москва) показал, что арабский текст представляет больше гипотаксических конструкций, чем аналогичный русский текст. В докладе Г.К. Бронникова (Москва) на материале арабского синтаксиса было продемонстрировано, как прототипически сочинительные средства используются для выражения подчинительного отношения состояния. Е.В. Семёнова (Москва), рассмотрев различные подходы к описанию категории эвиденциальности в иранских языках, предложила в своем докладе всесторонне проанализировать семантику перфектных форм в персидском, таджикском и дари языках. Е.И. Рудницкая (Москва) на материале корейского языка показала, что ограничения на последовательную интерпретацию в разносубъектных конструкциях с союзным аффиксом *-ко* объясняются прагматическими факторами.

Ряд докладов был посвящен вопросам лексикологии. Так, А.Л. Семенас (Москва) проанализировала тенденции в развитии современной китайской лексики: возникновение новообразований за счет аффиксации, появление новых словообразовательных элементов, сближение литературной нормы с разговорной. Е.Г. Титов (Москва) на большом материале амхарского языка показал процесс развития словосложения как одного из активных способов словообразования в этом языке. Е.Л. Молчанова (Москва) рассмотрела этимологию названия игры в нарды на сравнительном материале западноиранских языков. М.С. Андронов (Москва) показал, что название риса в древних языках Индии, позже попавшее в греческий и другие языки мира, имеет дравидийское происхождение. Ф.З. Хайрудинов (Москва) на материале египетского разговорного языка отметил ряд морфологических особенностей в области словообразования: расширение внешней суффиксации, использование словообразовательных моделей, соответ-

ствующих правилам просодии разговорного языка.

Внимание участников конференции привлекли также проблемы семантики и перевода, разрабатываемые на материале восточных языков. О.Г. Акинина (Москва) коснулась некоторых противоречий во взглядах арабских и европейских языковедов на изучение семантики словоизменения в литературном арабском языке и подчеркнула, что наиболее адекватная характеристика арабского словоизменения возможна только при всестороннем учете всех основных концепций. А.Ш. Шханов (Москва) на основе опыта перевода с турецкого языка на русский предложил применить в переводе систему методов и способов когнитивного подхода, выявляющую глубинное смысловое содержание исходного речевого произведения и способствующую выбору оптимального варианта перевода. Н.А. Шамраев (Москва) охарактеризовал возможные приемы перевода специфической арабской лексики на русский язык с учетом языковых и фоновых знаний о реалиях арабской культуры.

В докладе А.С. Паниной (Москва) рассмотрены проблемы омонимии, полисемии и семантической нерасчлененности в системе ЯРАП и предложен механизм разрешения проблемы неоднозначности на основе конкретизации перевода по контексту. Л.С. Ермолаевой (Москва) был затронут вопрос о критической оценке переводов Н.Я. Марром древнегрузинских памятников.

Проблемы преподавания восточных языков нашли отражение в докладе И.М. Румянцевой (Москва): на основе опыта преподавания хинди, английского и русского языков она представила описание особого психолингвистического метода обучения языку взрослых на базе комплексного группового лингво-психолингвистического тренинга.

Вопросы социолингвистики получили свое освещение в ряде докладов по языкам Ближнего и Среднего Востока. Л.М. Чевкина (Москва) показала, что наличие в современном бенгальском языке двух функциональных стилей (классического и стандартного, разговорного), "многослойность" бенгальской лексики, обусловленная политическим и религиозным разделением бенгалоязычного ареала требуют нового подхода в преподавании современного бенгальского языка. В.Э. Шагаль (Москва) представил проект научной работы по изучению особенностей национальной арабской культуры, который способствовал бы улучшению взаимопонимания между представителями Запада и Востока. Н.Д. Финкельберг (Москва) на основе изучения психолингвистических факторов стабильности арабского литературного языка определяет его как устойчивую систему с сильной внутрисистемной адаптацией, отличающуюся высокой степенью семантических представлений и преобладанием сенсорного начала над рациональным. М.С. Каменева (Москва) проанализировала взаимоотношение арабского и персидского языков в Иране в течение XX-го века, показав периоды арабизации и периоды пуристической тенденции в иранском обществе. Отмечено, что 90-е годы характеризуются тенденцией к некоторой стабилизации отношений между процессом арабизации персидской лексики и процессом ее очищения от арабизмов.

В целом конференция показала, что, несмотря на трудности, в научных центрах страны продолжается разработка основных фундаментальных направлений восточного языкознания, внедряются новые методы и методики исследования, научную работу продолжают молодые ученые.

Подробнее о материалах конференции см. в публикации: "Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований" – Материалы научной конференции 5–8 октября 1998 г. М., 1998.

А.Г. Белова (Москва)

18–19 декабря 1998 г. в г. Уфе состоялась научно-практическая конференция «Актуальные проблемы сопоставительного языкознания», организованная учеными-филологами Башкирского государственного университета.

На пленарном заседании с приветственной речью к участникам конференции обратился проректор по науке А.Н. Чувыров, затем вступительное слово произнес председатель оргкомитета Р.З. Муряков (Уфа), подчеркнувший особую важность межрегионального съезда лингвистов подобного рода в эпоху расширения межъ-

языковых контактов, вызванного развитием интеграции отечественной лингвистики в мировую науку.

Было заслушано 9 пленарных докладов.

Анализ типологических параллелей в генетически родственных и неродственных языках стал предметом доклада Л. М. Васильева (Уфа), отметившего, что наряду с классификацией языков по тем или иным характерологическим признакам типология должна также заниматься изучением типологических параллелей, то есть сопоставлением языков по конкретным сходным чертам, что особенно плодотворно в свете современной когнитологии. Эти сходные черты докладчик проиллюстрировал на материале целого ряда индоевропейских, финно-угорских и тюркских языков.

Доклад А. Н. Тихонова (Москва) был посвящен проблемам и принципам создания русско-башкирско-татарско-чувашского словаря, который будет содержать более 20 000 наиболее употребительных слов и выражений, обеспечивающих свободное владение русским языком учащимися башкирских, татарских и чувашских национальных школ. Такой словарь, который включает в себя три двуязычных словаря (русско-башкирский, русско-татарский и русско-чувашский), несомненно послужит важным источником фактического материала для типологических исследований наиболее распространенных языков России.

Л. Л. Аюпова (Уфа) рассмотрела в своем докладе основные направления социолингвистических исследований в Башкирии. Для республики, в которой обучение в средней школе осуществляется на восьми языках, изучение социальных аспектов билингвизма и его последствий, таких, как заимствования, интерференция, конвергенция, кальки и т.д., есть важнейшая практическая задача, связанная с регулированием функционального распределения языков.

Доклад Т. М. Гарипова и др. (Уфа) касался проблемы межъязыковых аналогизмов, то есть лексических единиц разных языков (в частности тюркских и индоевропейских), которые характеризуются внешним сходством, с одной стороны, и семантическими различиями, с другой. Как показывает материал, наблюдается определенный параллелизм в путях эволюции семем, то есть в возникновении сходных семантических производных, что позволяет интерпретировать данную проблему в русле лексико-семантической типологии и универсалогии языков.

Проблема языковых, в частности семантических, универсалий на материале русского, английского, французского и татарского языков была затронута в докладе С. Г. Шафикова (Уфа). Исходя из всеобщих свойств семантического поля как метаязыковой универсалии автор предлагает изучение изоморфных свойств эквивалентных семантических полей в разных языках, выделяя универсалии: а) семантического поля, б) полисемантические, в) фразеосемантические и г) категориально-семантические.

В докладе Р. З. Мурясова большое внимание уделялось определению понятия изоморфизма, при этом подчеркивалось, что соответствующий термин, вопреки своей внутренней форме (morphē = форма), относится к плану содержания и должен интерпретироваться как принципиальное сходство языковой репрезентации определенного семантического признака или функции, то есть изоморфизм коррелирует с изофункциональностью, и, как показывает сравнение глагольных форм в разных языках, генетический фактор не играет никакой роли.

Р. А. Каримова (Уфа) говорила о типах языкового сознания, которые, в отличие от концептов культуры, образуют смыслы второго порядка, восходящие к духовной культуре данного общества, такие, как «путь-дорога», «степь», «песня», «правда». Изучение этих смыслов имеет важное лингводидактическое значение, побуждая учащихся к сопоставлению концептов, характерных для разных языков и требующих разного языкового воплощения.

Рассматриваемая в этой связи проблема языковой личности была также темой доклада Л. Г. Саяховой (Уфа), посвященного формированию полилингвальной языковой личности на основе родного языка. Автор подчеркнула необходимость разработки общечеловеческих понятий в учебниках языка, будь то родного, русского или иностранного, необходимость целенаправленного формирования содержательной стороны учебников родного национального и русского языков в их взаимосвязи.

Доклад С. А. Галлямова (Уфа) был посвящен некоторым языковым параллелям между тюркскими языками (в частности башкирским) и германскими языками (в частности английским), исходя из сравнительного изучения мифологии народов-носителей данных языков. Несмотря на спорность некоторых тезисов и выводов, такой междисциплинарный подход, увязывающий данные языка с данными этнических литератур, представляется перспективным.

В целом темы докладов, представленных на пленарном заседании, отражали широкий диапазон направлений сопоставительного языкознания, таких, как типологическое, лексикографическое, социолингвистическое, лингводидактическое, когнитологическое и междисциплинарное.

Широкий спектр направлений, исследуемых языковых модулей, а также многообразие фактического материала характеризовало и доклады на секциях. Всего на конференции работало три секции: I. Части речи и их грамматические категории в контрастивном освещении; II. Проблемы лексикологии и стилистики в сопоставительном плане; III. Психолингвистический, методический, переводческий и культурологический аспекты сопоставительного изучения языков и вопросы контрастивной деривато-логии.

На I секции рассматривались такие проблемы частей речи и их грамматических категорий в сопоставительном плане, как категория залога (Е. В. Б о л о т о в а, Сыктывкар; С. С. Г а б д у л л и н, Уфа), таксис (М. В. Г а л о ч к и н а, Уфа), семантика эквивалентных предлогов (В. И. П е к а р, Уфа), структура предложения (О. Н. Н о в и к о в а, Уфа; Е. А. Ф р о л о в а, Уфа), проблема просодических универсалий в тексте (И. Ф. Г а н и е в а, Уфа), проблема выделения наречия как самостоятельной части речи (А. Г. А к б е р о в а, Елабуга), проблема выражения грамматического времени (Р. А. Г а з и з о в а, Уфа) и др., всего 39 докладов.

На II секции освещались такие вопросы сравнительной лексикологии и стилистики: развитие метафорических значений (Л. М. Т а к у м б е т о в а, Уфа), типология дублетов (А. И. А н т ы ш е в, Уфа), проблема толкования лексических единиц с национально-специфическим фоном (З. З. Ч а н ы ш е в а, Уфа), типологическое изучение семантических полей (поле состояния) (В. Ш. А к м а л о в а, Сыктывкар), проблема заимствований (С. Ж. Н у х о в, Уфа), сравнительное изучение крылатых выражений (Н. В. Р а п о п о р т, Уфа), всего 25 докладов.

Другие аспекты сопоставительного изучения языков нашли свое отражение в материалах 30 докладов III секции, в частности вопросы лингводидактики (С. В. И в а н о в а, Уфа; Т. А. А л е к с а н д р о в а, Уфа), вопросы перевода (И. А. Я ц к о в и ч, Уфа; Е. А. Ф е н о в а, Уфа; Л. Ч. А л ь т а п о в а, Уфа), проблема концептосферы внутреннего мира человека (В. И. У б и й к о, Уфа), проблема асемантических сегментов в словообразовательных конструкциях (Р. Г. Г а т а у л л и н, Уфа) и др.

Каждое секционное заседание завершалось дискуссией по всем обсуждавшимся проблемам, и состоявшийся обмен мнениями лингвистов разных направлений, несомненно, будет способствовать более глубокой разработке насущных вопросов сопоставительного языкознания.

Доклады конференции опубликованы.

С.Г. Шафиков (Уфа)

CONTENTS

V. L. Janin, A.A. Zaliznjak (Moscow). Birch codici from the Novgorod excavation of 1998. T. E. Janko (Moscow). On the notions of communicative structure and communicative strategy (founded on the materials of the Russian language); R. Z. Murjasov (Ufa). Lexical-grammatical categories in grammar and word-formation; B. L. Iomdin (Moscow). Semantis of verbs of irratitonal understanding; T. A. Sumnikova (Moscow). On nominative forms of pronounce of the first person singular in the Old Russian language and written monuments; G. I. Berestnev (Kaliningrad). Iconicity of good and evil; G. M. Zel'dovič (Kharkov). The adverbs ЕДВА and ЕЛЕ: revisiting the issue; M. A. Šeliakin (Tartu). On the invariant meaning and functions of the subjunctive mood in Russian; **Reviews:** V. G. Demianov (Moscow). *S. Mengel.* Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm in Ostlawischen des 11–17 Jahrhunderts; V. I. Makarov (Jelets). *M. S. Krutov.* The role of Archibishop Nickolas the Wonder-Maker in the history of Old Russian writing; M. M. Makovsky (Moscow). *R.K. Potapova.* Connotative paralinguistics. **Scientific life.**

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 29.04.99 Подписано к печати 09.06.99 Формат 70 × 100 1/16
Печать офсетная Усл.-печ.л. 13,0 Усл.-кр.отт. 17,9 тыс. Уч.-изд.л. 15,5 Бум.л. 5,0
Тираж 1348 экз. Зак. 2676

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 201-25-16
Отпечатано в типографии «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6